

С. А. ТОЛСТОГУЗОВ

СЁГУНАТ ТОКУГАВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И
РЕФОРМЫ ДЭДОВ ТЭМПО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

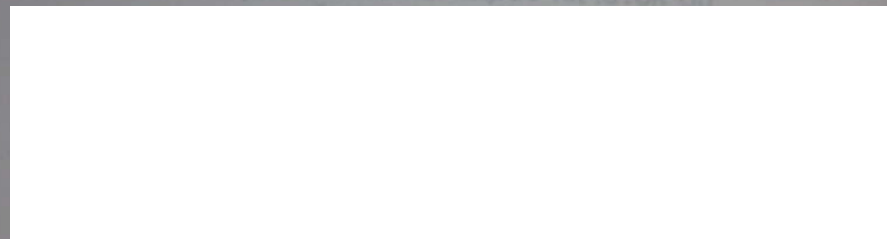
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ,
ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

С. А. ТОЛСТОГУЗОВ

СЁГУНАТ ТОКУГАВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И
РЕФОРМЫ ГОДОВ ТЭМПО

Москва
1999

Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX века и реформы годов Тэмпо. М., 1999. — 181 с.

В данной работе впервые в отечественной историографии предпринята попытка всестороннего анализа одной из трех больших реформ сёгуната Токугава — реформ годов Тэмпо. Основное внимание уделяется социально-экономическим и политическим процессам во второй половине сёгуната и действиям реформаторов.

Работа предназначена для специалистов в области японской истории и истории реформаторской деятельности, а также для всех, кто интересуется историей Японии.

© С.А.Толстогузов, 1999

*Моей матери Елене Михайловне
и жене Ирине посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

Годы Тэмпо — так в японской истории обозначаются 30-40 гг. XIX в., приходящиеся на конец жизни одиннадцатого сёгуна династии Токугава по имени Иэнари и начало правления двенадцатого сёгуна Изэси. Десять с небольшим лет спустя американская эскадра под командованием командора Перри “открыла” Японию для внешнего мира, а еще через четверть века произошла Мэйдзи исин. Годы Тэмпо всегда оставались в тени этих важных событий.

Между тем, для историка канун великих перемен в любой стране представляет огромный интерес. Все масштабные социально-экономические перемены зарождаются обычно в недрах относительно спокойного общества, когда люди вовсе не помышляют о том, что через двадцать-тридцать лет в их жизни произойдут крутые перемены. В такие времена правительства продолжают проверенную многолетним опытом политику, но все более начинают ощущать, что она уже перестает давать прежний эффект и приводит к результатам, противоречащим их планам. Это вызывает раздражение правящих кругов, которые еще не сознают, что столкнулись с проблемами иного рода, чем те, которые им приходилось решать ранее.

Понять истоки великих перемен — значит приблизиться к пониманию самих принципов эволюции общества. Почему в стране начинаются преобразования? Ответ на этот вопрос требует изучения не столько непосредственно периодов великих потрясений, сколько предшествующих им эпох, таких как годы Тэмпо. Не будет преувеличением сказать, что именно в это время в политике наметились те процессы, которые в последующем вызвали разрушение и исчезновение сёгуната. Рассмотрение и анализ этих проблем являются задачей данной работы.

Годы Тэмпо — в целом спокойный в общественно-политической жизни Японии период — отмечены обрушившимся на страну в начале 30-х гг. голодом, во многом активизировавшим политику правительства (реформы годов Тэмпо).

В истории сёгуната было три периода, которые в работах японских историков получили наименование трех больших реформ периода правления сёгунов Токугава. Это — реформы годов Кёхо (первая половина XVIII в.), годов Кансэй (конец XVIII в.) и годов Тэмпо (первая половина XIX в.).

Действия правительства в годы Тэмпо давно уже привлекают внимание историков. Повышенный интерес к этой теме в основном вызван исследованиями, связанными с Мэйдзи исин. Много лет японские ученые разных направлений ведут дискуссию о том, с какого времени следует начинать отсчет событий Мэйдзи — с 40-х гг. XIX в. (реформ годов Тэмпо) или с 50-х гг. (времени “открытия” страны). Наиболее оживленно эта дискуссия велась в 50-60-е гг. XX столетия, продолжалась она и в дальнейшем, но ясного обоснованного ответа на главный вопрос так и не было дано¹.

Тем не менее, сложилось мнение, что реформы годов Тэмпо закончились неудачей. Однако сам характер реформ не получил однозначного толкования. Акцент в исследованиях был сделан на поиск доказательств реакционности или прогрессивности действий реформаторов на основе анализа их деятельности в сфере экономики. Политические же факторы при оценке реформ полностью игнорировались, поэтому убедить друг друга в преимуществах своей позиции стороны не смогли.

В данной работе автор не ставил цель найти дополнительные доказательства реакционности или прогрессивности реформаторов. Важно было выйти за рамки дискуссии, привлечь к анализу новый материал, в том числе характеризующий придворную борьбу, сконцентрировав внимание на финансовых аспектах реформ и их влиянии на борьбу за власть. Тем самым расширить сложившиеся представления об этих реформах для выработки нового подхода к их оценке.

Как показала Мэйдзи исин, проблемы Японии середины XIX в. при переходе от общества сёгуната Токугава к обществу эпохи Мэйдзи в значительной мере носили структурный характер (несоответствие уровню развития общества государственных институтов, налоговой системы, сословной организации общества, торговой системы, цен и др.). Эти проблемы проявлялись не только в форме разрушения общественных структур и институтов, но также в виде неожиданного повышения цен, роста спекуляции и теневой экономики, падения собираемости налогов и т. д., т. е. неразрывно были связаны с множеством повседневных жизненных проблем, которые давали о себе знать задолго до Мэйдзи.

Правительство пыталось решать их опробованными в годы Кёхо и Кансэй административными методами, в действенность которых твердо верило не подозревая, что на этот раз ставшие привычными трудности ока-

жутся непреодолимыми. Что же изменилось в стране за сто лет, прошедших от Кёхо до Тэмпо? Анализ этих процессов содержится в первой главе.

Реформы применительно к политике годов Кёхо, Кансэй и Тэмпо — это прямой перевод термина, использовавшегося во времена сёгуната. Возможно, он не совсем точно отражает суть предпринимавшихся тогда мер, однако его традиционно используют историки различных направлений, поэтому в данной работе было решено оставить его без изменений.

Реформаторскую активность первой половины XIX в., может быть, даже нельзя считать реформами в современном смысле этого слова, который закладывается в себе целью направленное переустройство существующих общественных институтов. Реформаторская деятельность тех лет не имела таких фундаментальных целей, не вела к созданию гражданского общества или новой прогрессивной социальной системы, она была направлена только на решение неотложных практических задач, стоящих перед правительством.

Вышеназванные реформы были всплеском административной активности сёгунского правительства (бакуфу) и несомненно выделялись на фоне его рутинной деятельности. Они включали меры по ликвидации последствий голода, восстановлению доходов, регулированию цен, кампанию по сбалансированию экономики, шагу в области внешней политики. Большинство действий правительства было в той или иной степени обусловлено состоянием казны сёгунов и направлено на сокращение расходов и увеличение доходов, по этому можно классифицировать их как близкие к политике финансовой стабилизации. Однако они отличались от современной стабилизационной политики, ограничивающейся в основном мерами финансового плана. Реформы в годы Тэмпо выходили далеко за рамки чисто финансовых вопросов, затрагивая также систему городского управления, рыночную структуру, включая даже борьбу против распространения проституции и порнографии. Все это сближает их с реформами как таковыми, по этому использование термина реформы в определенной степени оправдано.

Большинство действий реформаторов в данной работе рассматривается в первую очередь в плане их влияния на состояние государственных финансов. В этой связи представляется необходимым провести анализ бюджета бакуфу и выявить причины финансовых трудностей правительства, а также изложить историю перечеканки монеты, чтобы понять ее влияние на экономику сёгуната. В работе также затрагиваются последствия голода годов Тэмпо и пожара в западной части дворца (расходы на его восстановление), имевшие тяжелые последствия для финансов бакуфу.

Не умаляя значения экономических факторов для реформ, хотелось бы заострить внимание на том воздействии, которое оказывала внутрипо-

политическая борьба на динамику и ход реформ, на выбор практических мер правительства. С ростом экономических и финансовых трудностей в стране обострялась борьба за власть и влияние при дворе различных группировок сёгунского окружения, которые использовали возникавшие проблемы в своих узкокорыстных целях. Представляется, что причины реформ нужно видеть в сочетании экономических и субъективных факторов. В частности, трудностей, возникших в области финансов и в перипетиях придворной борьбы. Причем факторы политического плана для понимания некоторых действий правительства не менее важны, чем экономические.

Автор пытался по возможности полно представить весь материал о действиях реформаторов, чтобы объяснить их цели, логику решений, их видение ситуации в стране. Так, включение раздела о политике соблюдения экономии было необходимо не только для того, чтобы объяснить некоторые особенности понимания экономии в обществе сёгуна Такугава, но и тем исключительным вниманием, которое уделялось этому вопросу в борьбе придворных группировок.

Такой подход дает возможность более точно оценить ситуацию в стране и понять место реформ в общей канве событий первой половины XIX в. Анализ политического фона реформ позволяет исследовать те аспекты реформ, которые при оценке с позиций только экономической перспективы кажутся мало значительными или плохо вписываются в схему изложения материала.

Внешнеполитическим факторам в данной работе уделяется значительно меньше места, поскольку их влияние проявилось на достаточно поздней стадии реформ и не вызвало коренной корректировки курса проводившихся преобразований.

Для понимания логики действий реформаторов необходимо в первую очередь точно очертить временные рамки проведения реформ. Практические действия реформаторов начали реализовываться значительно раньше 1841 г., и к моменту обнародования сёгунской воли они уже шли полным ходом. Поэтому ограничение исследования рамками 1841-1843 гг. не может не вести к ошибкам в понимании реформаторской политики. Необходимо анализировать события, начиная с 1838-1841 гг. и даже 20-30-х гг. XIX в.

В первой главе рассматривается экономическая ситуация в стране, объективно способствовавшая началу реформ. Это дает возможность выявить основные направления развития экономики, определившие ситуацию в стране в целом. Поскольку в ходе формирования финансовой политике уделялось первоочередное внимание, представляется правомерным на часть рассмотренного экономического блока проблем с финансовыми вопросами, за-

острив внимание на анализе способов формирования бюджета бакуфу и связанной с этим проблемой доходов и расходов.

В первую главу включено также несколько разделов, в которых говорится о политической борьбе в этот период. Характеристика основных принципов сёгуна таковы, в каких рамках происходила деятельность реформаторов, какие ограничения на широту и глубину преобразований налагала существующая система, насколько эти принципы сужали арсенал средств реформаторов.

В работе подробно рассказывается о механизме наследования власти в сёгунском доме, определенном логикой действий придворных группировок при переходе власти от Иэнари к Иэси. Это позволяет понять, какие обстоятельства предшествовали появлению реформаторской партии в высших эшелонах власти, и как многочисленные влиятельные группировки пытались использовать процесс смены власти для укрепления своего влияния.

Вторая глава содержит анализ социально-экономической обстановки в канун реформ и изложение содержания деятельности реформаторов в период 1838-1843 гг. Основное внимание уделяется указам, направленным на улучшение сбора поземельного налога, о роспуске торговых гильдий, о регулировании цен и др.

Третья глава включает весь материал, касающийся внешнеполитических аспектов реформ. В ней кратко рассматривается изменение внешнеполитической ситуации и активизация попыток европейских держав "открыть" страну для контактов с внешним миром, а также влияние первой "опиумной" войны в Китае, обеспокоившей руководителей бакуфу и заставившей их переиздать в 1842 г. указ относительно иностранных судов.

ГЛАВА I ЯПОНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Раздел 1 Финансово-экономическая ситуация. Бюджетные проблемы бакуфу

В первой половине XIX в. экономика Японии столкнулась с несколькими сложными проблемами, разрешить которые предстояло руководителям бакуфу. Одной из основных был хронический бюджетный дефицит.

Таблица 1*. Баланс бюджета бакуфу в 1813-1822 гг. (в рё**)

Год	Доходы	Расходы	Баланс
1813	2 265 821	1 981 801	+ 284 020
1814	1 391 281	1 254 153	+ 137 128
1815	1 364 573	1 688 483	- 323 910
1816	1 382 262	1 579 530	- 197 268
1817	1 489 238	1 577 495	- 88 257
1818	1 916 082	2 137 343	- 221 261
1819	2 244 739	2 428 254	- 183 515
1820	3 416 194	3 505 958	- 89 764
1821	4 729 156	4 873 513	- 144 357
1822	1 973 107	1 933 878	+ 39 229

* Такидзава Такео. Нихон-но кахэй-но рэкиси. Токио, 1996. С. 238.

** рё — золотая денежная единица периода Токугава.
(1 рё = 4 бу = 16 сю).

Как видно из таблицы 1, начиная с 1815 г. бюджеты бакуфу имели отрицательный баланс. Причин тому было несколько: развитие товарно-денежных отношений, бедственное положение крестьянства во многих районах, неурожай в течение ряда лет и др. Перечеканка монеты была простым и не требующим больших усилий администрацией источником дополнительных доходов, который использовался со все возрастающей интенсивностью. В 1818 г. началась перечеканка монеты, несмотря на это, ситуация почти не менялась, поскольку на копилась значительные отложенные расхо-

ды, которые не удалось покрыть полностью в 1819-1821 гг. даже при существенном увеличении доходов. Лишь к 1822 г. был достигнут положительный баланс бюджета, но только с учетом дополнительных сумм, полученных от перечеки. Далее бюджеты удавалось сбалансировать только доходами от перечеки, по этому зависимость от этого источника доходов постоянно увеличивается и к моменту реформ годов Тэмпо превращается в хроническую (см. таблицу 2).

Таблица 2*. Баланс бюджетов и доходы от перечеки в 1832-1842 гг. (в рё)

Год	Доходы		Расходы	Баланс
	Всего	В том числе от перечеки		
1832	1 612 213	394 200	1 593 909	18 304
1833	1 763 241	540 000	1 646 832	116 409
1834	1 644 504	470 596	1 790 051	- 145 547
1835	1 631 786	620 000	1 760 288	- 128 502
1836	2 151 371	499 844	1 963 750	187 621
1837	2 531 080	629 263	2 467 902	63 178
1838	3 278 386	1 075 950	2 512 666	765 720
1839	2 401 197	694 745	2 180 922	220 275
1840	2 419 487	997 000	2 001 958	417 529
1841	2 245 590	1 155 000	1 962 684	282 906
1842	1 761 147	501 445	1 963 911	- 202 764
Итого	23 440 002	7 578 043	21 844 873	

* Миками Рюдзо. Эдо бакуфу, тосан-э-но мити. Токио, 1991. С. 152.

Всего за 1832-1842 гг. от перечеки монеты было получено чуть меньше трети общего количества доходов бакуфу. Минимальная сумма годовых доходов от перечеки приходится на 1832 г. и составляет 394,2 тыс. рё, а максимальная — на 1841 г. — 1155 тыс. рё, причем после 1832 г. суммы, полученные от перечеки, постоянно увеличивались, что свидетельствовало об ухудшении ситуации с другими доходами бакуфу.

Чтобы понять причины роста дефицита бюджета бакуфу, необходимо проанализировать структуру расходов правительства. К сожалению, уч-

ные не располагают росписями бюджета за 10-20-е гг. XIX в., поэтому приходится судить об общих тенденциях расходов на основе данных за 1730 и 1843 гг. (см. таблицу 3).

Таблица 3*. Расходы бюджета бакуфу в 1730 и 1843 гг. (в тыс. рё)

Статья	1730 г.	1843 г.
Пайки самураев	297,3 (40,7)**	405,0 (28,0)
Содержание семьи сёгуна	60,7 (8,3)	91,2 (6,4)
Содержание административного аппарата	149,5 (20,4)	337,0 (23,3)
Ремонтные работы	68,5 (9,4)	73,0 (5,1)
Расходы на поддержание цен на рис	103,5 (14,2)	96,8 (6,7)
Безвозвратные ссуды	12,1 (1,7)	146,5 (10,1)
Возвращаемые ссуды	34,9 (4,8)	127,7 (8,8)
Расходы на паломничество в Никко	—	101,0 (7,0)
Прочее	5,2 (0,7)	66,5 (4,6)
Итого:	731,2 (100)***	1445,4 (100)***

* Оиси Синдзабуро. Тэмпо ки-но сэйкаку. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1976. С. 354.

** В скобках % от общей суммы расходов.

*** Цифры даны в соответствии с источником.

Пайки самураям, расходы на содержание административного аппарата и различные ссуды в бюджетах 1730 и 1843 гг. составляли примерно три четверти расходов (см. таблицу 4). Все они выросли в абсолютном исчислении, хотя доля расходов некоторых из них в общей сумме уменьшилась. Так, в абсолютном исчислении пайки самураев выросли более, чем на 100 тыс. рё, а расходы на содержание административного аппарата — почти на 200 тыс. рё. Во много раз увеличились кредиты и ссуды, которые представлялись деньгами. В 20-30-е гг. расходы на кредиты были еще большими, так как они активно выдавались на возрождение заброшенных земель, содержание детей сёгуна в дома даймё и на борьбу с голодом.

Причины финансовых трудностей бакуфу объяснялись во многом тем, что практически не росли поступления от поземельного налога (нэнгу). За период с 1730 г. (Кёхо 15 год) по 1843 г. (Тэмпо 14 год), т. е. за 113 лет, при росте общей суммы доходов почти в два раза сбор нэнгу увеличил доходы бакуфу менее, чем на 100 тыс. рё. Таким образом, рост поземель-

ного налога не покрывал даже роста расходов на пайки самураям и на административные расходы. Доля нэнгу в общей сумме доходов казны падает с 63,8% до 39,1%.

Таблица 4*. Доходы бюджета бакуфу в 1730 и 1843 гг. (в тыс. рё)

Статья	1730 г.	1843 г.
Поземельный налог	509,0(63,8)**	603,7 (39,1)
Доходы государственных органов: в провинциях	24,9 (3,1)	20,2 (1,3)
в столице	55,0 (6,9)	45,9 (3,0)
Взносы на реализацию строительных проектов	26,9 (3,4)	22,4 (1,5)
Доходы от продажи риса***	112,9 (14,1)	45,7 (3,0)
Займы у торговцев	29,0 (3,6)	158,0 (10,2)
Возврат долгов	20,8 (2,6)	208,8 (13,5)
Перечеканка монеты	10,4 (1,3)	394,4 (25,6)
Прочее	9,8 (1,2)	43,8 (2,8)
Итого:	798,8 (100)	1543,0 (100)

* Оиси Синдзабуро. Тэмпо ки-но сэйкаку. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1976. С. 354.

** В скобках % от общей суммы доходов,

*** Деньги от продажи риса, поступавшего в счет уплаты поземельного налога в западных и отдаленных районах.

Прирост доходов в основном обеспечивался за счет нерегулярных поступлений, включавших кроме перечеканки, принудительные сборы с торговцев (к ним постоянно прибегали в целях стабилизации бюджета при наличии дефицита) и возврат кредитов. Доля доходов от перечеканки монеты в их общей сумме увеличилась с 1,3% в 1730 г. до 25,6% в 1843 г., а доля доходов от принудительных займов — с 3,6% в 1730 г. до 10,2% в 1843 г.²

В связи с этим важно остановиться на проблемах, которые возникли при сборе основного налога. Поземельный налог взимался натуральным продуктом — рисом. Эта практика была установлена еще во времена междоусобных войн XVI в., когда для обеспечения питания крупной армии требовался в больших количествах рис. С созданием сёгуната Токугава наступила пора длительного мира, но бакуфу никогда не исключало вероятность

военного конфликта, по этому продолжало собирать налоги рисом для содержания боеспособной армии, готовой в любой момент отразить нападение противника. Чтобы адаптировать налог к условиям мирного времени, была организована система продажи риса, что дало возможность самураям получать деньги на оплату своих текущих расходов, но со временем натуральная форма налога создает большие проблемы для увеличения его сбора.

Пик сбора поземельного налога приходится на 1744 г., когда после реформ годов Кёхо казна получила рекордное за всю историю количество риса — 1 462 749 коку (1 коку — около 150 кг)³. Даймё также собрали рекордные налоги. Значительная часть налогового риса поступила на рынок, что привело к падению цен на него. Это не устраивало самураев всех рангов, получавших доход от продажи риса. Поэтому бакуфу корректирует свой курс с получения максимального количества риса на поддержание стабильного урожая, дополнив его мерами по стимулированию производства технических культур. По мысли руководителей бакуфу, производство технических культур должно было способствовать и стабилизации цен, и поддержанию высокого сбора риса. Однако вопреки расчетам поступление риса в счет уплаты поземельного налога начинает неуклонно уменьшаться. И до стихии 1744 г. так и осталось непревзойденным.

Это происходило потому, что крестьяне забрасывали свои поля, обрабатывавшиеся не одним поколением земледельцев (именно эти поля облагались наиболее высоким налогом), обрабатывали целину (где налоговые ставки были ниже), переносили поля в горы, давали взятки чиновникам для получения налоговых льгот и любыми способами стремились максимально уменьшить сумму уплачиваемых налогов. Стоило лишь только администрации ослабить контроль за сбором поземельного налога, как он начинал снижаться, и приходилось уже думать не об его увеличении, а принимать меры по предотвращению падения доходов и поддержанию определенного уровня налоговых поступлений. Результаты сбора поземельного налога явно контрастировали с постоянными усилиями бакуфу по его увеличению.

Более того, со второй половины XVIII в. процент реально взимаемых налогов от указанной в реестрах общей суммы сбора риса стал постоянно уменьшаться. В 1746-1755 гг. он составил только 37,63%, в 1796-1805 гг. — 34,2%, а в 1836-1841 гг. — 31,66%. Средняя цифра общей суммы сбора риса за год, зарегистрированная в реестрах, также несколько уменьшилась — с 4 493 038 коку в 1796-1805 гг. — до 4 192 202 коку в 1836-1841 гг.⁴

Сумма налоговых поступлений в казну реально была ниже запланированной. Почему бакуфу допускало это? Здесь можно выделить две при-

чины. С одной стороны, руководители бакуфу были обеспокоены ростом крестьянского недовольства и сокращением податного населения, с другой — они опасались, что дополнительное количество риса, которое необходимо продать на рынках больших городов, повлияет на цены невыгодным образом, что создаст конфликтную ситуацию в отношениях с даймё и собственными самураями, для которых продажа риса была основным источником доходов.

Из таблицы 3 так же видно, что пайки самураев выросли на треть с 297,3 тыс. рё до 405,0 тыс. рё, то есть на 107,7 тыс. рё. За тот же период рост доходов от земельного налога составил 94,7 тыс. рё, то есть его не было достаточно даже для того, чтобы покрыть рост выплат на самурайские пайки.

Более того, прирост пайков далеко не удовлетворял растущие запросы самураев. Расходы самураев неуклонно росли, и для покрытия их стала обычной практикой заклада ростовщикам будущие доходы. В результате чего, множество самураев в начале XIX в. оказалось опутано долгами. Вот как описано положение самураев в известном произведении той эпохи "Сэдзи кэммон року" (Записи о политических делах): "В бакуфу хатамото и гокэнин (мелкие и средние самураи бакуфу) попали в исключительно сложное положение... Даже находясь на государственной службе и имея должностные дополнительные пособия, почти все, за исключением немногих, опутаны долгами. Следует заметить, что при этом многие из них старательно экономят средства и делают это длительное время, так что их терпение уже достигло предела. Сёгунских милостей не хватает на содержание дома и семьи, те, кто имеет земельные владения, берут в долг у простолодинов, а те, кто получает свой паек рисом, берут в долг у кураядо (рисоторговцев). Уже в годы Кансэй-Бунка (конец XVIII - начало XIX в.) самураи ранга омэмиэ идзё (с правом на ежегодную аудиенцию у сёгуна) с доходом в 500 хё (мешков риса) не имели возможности содержать даже одного слугу и сами носили дрова домой"⁵. Все это объясняет постоянные обращения самураев к бакуфу с просьбами о дополнительных выплатах, которые не могли быть удовлетворены из-за недостаточных поступлений от сбора земельного налога.

Во время реформ годов Кансэй для помощи самураям были созданы государственные учреждения, которые должны были обеспечивать их дешёвыми кредитными средствами. Если до этого кредит предоставляли частные лица — торговцы рисом (курамото и фудасаси), то с конца XVIII в. этим занимались так же кредитные органы бакуфу. В 1843 г. общая сумма кредитов мелким и средним самураям бакуфу составила 3 млн. 700 тыс. рё⁶.

В первой половине XIX в. чиновники бакуфу при сборе земельного налога ориентировались на цифру в 1 млн. 200 тыс. коку риса. Если рисовые доходы оказывались ниже, это создавало серьёзные проблемы с выплатой пайков и оплатой текущих расходов бакуфу, следовательно, недостаток приходилось покрывать за счёт перечеканки или принудительных займов. В период, предшествовавший реформам годов Тэмпо, последний раз искомая цифра доходов была в 1822 г., когда доход равнялся 1 208 342 коку. Затем он неуклонно снижался и в 1828 г. составил лишь 1 077 787 коку. Вследствие голода годов Тэмпо сбор земельного налога был еще ниже: в 1833 г. он составил лишь 1 005 367 коку, в 1835 г. — 1 036 653 коку, в 1836 г. — 1 039 970 коку и в 1838 г. — 1 046 104 коку (см. таблицу 5)⁷.

Напомним, что с 1815 г. появляется отрицательный баланс в бюджете бакуфу. Причины дефицита заключались, с одной стороны, в том, что сокращались доходы от нэнгу, а с другой — возросли расходы бакуфу. 1 214 791 коку, полученных в 1815 г., не хватило на оплату расходов, тем более что отдельные их статьи — пайки самураям, расходы на содержание семьи сёгуна, административные расходы, безвозвратные кредиты на восстановление деревни, ремонтно-строительные работы существенно возросли. Попытки сократить их не увенчались успехом. С 1800 г. большая перечеканка не проводилась около 15 лет, что так же сказалось на запасах денег в казне. Поэтому в 1818 г. было принято решение о новой перечеканке⁸.

На чиная с 1823 г. недобор доходов от земельного налога становится постоянным, что вынудило руководителей бакуфу еще чаще использовать перечеканку монеты. В 20-е гг. она становится одним из самых крупных источников доходов. Особенно это относится ко времени пребывания на посту родзю Мидзуно Тадакира. В 1820-1835 гг. это давало в бюджет в среднем ежегодно 200-250 тыс. рё⁹. В 30-е гг. вследствие голода, расходов на восстановление западной части замка (Нисимару) и на церемонию передачи поста сёгуна от Иэнари к Иэёси власти еще более увеличили ее объемы. Например, в 1838 и 1841 гг. сумма доходов от этого источника составляла более миллиона рё, что равнялось почти половине бюджетных поступлений¹⁰. И хотя еще в XVII в., т. е. задолго до реформ годов Тэмпо, в обществе сложилось негативное отношение к перечеканке монеты как к опасному источнику инфляции, реальное состояние бюджета было таково, что обойтись без нее было практически невозможно. Руководителям бакуфу приходилось, игнорируя критику, продолжать перечеканку.

Опасность перечеканки также понимали и некоторые руководители бакуфу, которые направляли свои усилия на улучшение собираемости земельного налога. В 20-е гг. XIX в. было принято несколько указов, на прав-

ленных на упорядочение сбора энгу, но разразившийся в стране голод отодвинул их реализацию до реформ годов Тэмпо.

Таблица 5*. Доходы бакуфу от сбора энгу в 1793-1839 гг. (в коку)

Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма	Год	Сумма
1793	1199 720	1805	1277 485	1817	1231 283	1829	1133 201
1794	1190 091	1806	1250 456	1818	1233 374	1830	1113 204
1795	1257 316	1807	1163 522	1819	1250 568	1831	1162 448
1796	1269 573	1808	1151 226	1820	1205 297	1832	1120 504
1797	1274 532	1809	1230 897	1821	1148 678	1833	1005 367
1798	1256 977	1810	1256 777	1822	1208 342	1834	1150 709
1799	1121 107	1811	1241 483	1823	1117 660	1835	1036 653
1800	1265 727	1812	1240 486	1824	1158 677	1836	1039 970
1801	1273 466	1813	1221 763	1825	1065 745	1837	1122 234
1802	1170 456	1814	1249 917	1826	1163 502	1838	1046 104
1803	1272 120	1815	1214 791	1827	1166 669	1839	1140 499
1804	1266 228	1816	1196 505	1828	1077 787		

* Нихон си дзитэн. Токио, 1966. С. 1092-1093.

Вместе с тем бакуфу колебалось в выборе приоритетов своей политики — заниматься ли ему восстановлением уровня сбора энгу или стабилизацией денежного обращения путем увеличения содержания благородных металлов в монете. Считалось, что, наладив денежное обращение, можно будет обойтись без значительного увеличения поземельного налога и болезненных мер в отношении крестьянства. Критики курса перечеки усматривали в восстановлении полновесной монеты и регулировании денежного обращения более неотложную задачу, нежели проведение перечеки земель и других мер по увеличению сбора поземельного налога. Однако после постигшего страну голода годов Тэмпо, когда резко упали регулярные рисовые доходы, у правительства не было другого выхода, как срочно заняться восстановлением уровня поступлений от поземельного налога.

Финансовые проблемы не обошли стороной и крупных самураев. К 1867 г. общая сумма долговых обязательств всех 277 даймё составляла 64 880 тыс. иен, что в натуральном исчислении было эквивалентно 16 220 тыс. коку риса¹¹. Пока зателен пример даймё Симадзу из Сацума, который являлся самым крупным должником в Японии. При ежегодном доходе в 140-150 тыс. рё его долги в 1818 г. составили 907 тыс. рё, а в 1827 г. — 5 млн рё, т. е. при обычной для того времени годовой ставке кредита в 15% на

покрытие только одних процентов он должен был тратить половину своих доходов. В 1836 г. даймё Сацума объявил об отказе платить свои долги, и тогда кредиторы согласились заключить соглашение о пересмотре сроков погашения долга на 250 лет (т. е. до 2085 г.)¹².

Даймё приходилось нести огромные расходы, связанные с выполнением обязательств по санкин котай, в соответствии с требованиями которой семья должна была постоянно находиться в столице. Расходы эти были столь велики, что поглощали до 35-40%, а иногда и более доходов даймё¹³. Круг источников пополнения доходов у них был весьма узок. Они не могли использовать перечеки монеты. При одинаковых с бакуфу принципах формирования бюджетов, в основе которых лежали доходы от поземельного налога, у даймё быстрее образовывался значительный финансовый дефицит. Как и бакуфу, даймё также периодически проводили реформы для сбалансирования бюджета, кампании по сокращению расходов и увеличению доходов, но тоже добивались только временной стабилизации и на момент реформ годов Тэмпо имели значительные долги.

Положение в сельском хозяйстве и сбор поземельного налога

К началу реформ годов Тэмпо бюджетные проблемы бакуфу значительно обострились вследствие сокращения доходов от поземельного налога. Чтобы глубже понять причины этого явления, необходимо кратко проанализировать положение в сельском хозяйстве.

Накануне реформ бакуфу в целях изучения ситуации в деревне, запросило мнение своих местных чиновников. Практически во всех ответах отмечалось трудное положение крестьян, которым “без ухода на заработки невозможно поддержать свое хозяйство”, Подчеркивалось, что “из деревень уходят не только безземельные крестьяне, но и те, у кого ее недостаточно”, что “крестьяне теряют интерес к обработке земли”¹⁴.

Не только чиновники на местах, но и многие видные деятели того времени выражали свою обеспокоенность положением дел в деревне. Например, Фудзита Токо писал, что “реформы надо проводить, прежде всего, с оглядкой на трудности крестьянства, заботливо как мать печется о своем дитя, тогда на селе не увеличатся и нравы улучшатся”¹⁵. Конечно, в подобных рассуждениях не обошлось без риторики, но главной их темой были трудности, с которыми столкнулось крестьянство.

При оценке ситуации в деревне важнейшим критерием для бакуфу была численность сельского населения, ибо от этого зависел сбор энгу.

Во многих районах она снижалась, и не редкостью были заброшенные деревни. Это подтверждается и современными исследованиями. Например, по подсчетам видного специалиста по статистике Сэкияма Наотаро в долине Канто, где располагалось большинство земель бакуфу, в 1846 г. осталось лишь 86,3% от численности населения, зафиксированной в 1721 г. (см. таблицу 6).

Только в провинции Ава наблюдался рост численности населения. Провинция эта находилась на южной оконечности полуострова Босо, прикрывающего вход в залив Эдо, и население здесь пополнялось в основном за счет лиц, занятых на обслуживании транспортных путей, ведущих в столицу.

В остальных семи провинциях численность населения сокращалась. Наибольшее ее сокращение отмечено в провинции Симоцукэ, располагавшейся в горной части долины Канто далеко от побережья, что отражало давно наметившуюся тенденцию сокращения населения в глубинных районах. За сто лет население Симоцукэ сократилось почти на 40%.

Таблица 6*. Динамика изменения численности населения в 8 провинциях Канто

Провинция	1721**	1804	1824	1834
Сагами	100	88.9	92.6	94.0
Мусаси	100	86.9	90.2	90.1
Ава	100	121.8	121.8	125.1
Кадзуса	100	91.4	88.9	89.4
Симоса	100	77.2	91.7	74.1
Хитати	100	69.6	69.6	64.2
Симоцукэ	100	70.5	67.1	61.1
Кодзукэ	100	87.2	81.5	79.3

* Сэкияма Наотаро. Кинсэй Нихон-но дзинко кодзо. Токио, 1965. С. 137.

** Уровень 1721 г. взят за 100%.

Крестьяне уходили в города и в прибрежные районы, где можно было найти дополнительный заработок. С ростом товарно-денежной экономики значительно выросли доходы горожан, ставшие соизмеримыми с доходами самураев. Соответственно увеличилась разница в доходах горожан и крестьян, поскольку горожанам не надо было платить по земельный налог.

Крестьяне устремились в города, однозначно отдав предпочтение городской жизни.

Это в свою очередь привело к запустению деревень. Еще в начале XVIII в. известный ученый и экономист Огю Сорай писал: "...многие крестьяне не любят крестьянский труд и хотят есть чистый рис, не смешанный с ячменем (т. е. уходят в город, где легко купить рис — С. Т.), получать доходы от таких же видов деятельности, как торговцы, оставляют сельское хозяйство и начинают заниматься коммерцией"¹⁶.

Сокращение численности сельского населения стало весьма серьезной проблемой, особенно в глубинных районах равнины Канто, где традиционно располагалась большая часть владений сёгунов. Уже со времени реформ годов Кансэй бакуфу было вынуждено обратить на нее самое серьезное внимание.

Многие ученые-аграрники и административные чиновники на местах стали широко известны благодаря своим идеям и деятельности по возрождению пришедших в упадок районов. В их числе — Ниномия Сонтoku, администратор и теоретик-аграрник, близкий к руководству бакуфу. В 1822 г. он получил под свое управление три деревни в провинции Симоцукэ. В том году в них имелось 156 дворов и 749 жителей, тогда как в 1698 г. было более 400 дворов и свыше 1900 жителей, он стал проводить свои, ставшие потом широко известными, эксперименты¹⁷.

Крестьяне вынуждены были уходить на заработки. Например, по подсчетам известного современного статистика Хаями Акира, сделанным на базе материалов деревни Ёкоути в провинции Синано, в 1840 г. 32% мужчин в возрасте от 15 до 60 лет постоянно находились на заработках. Особенно высоким был процент отходников у крестьян в возрасте от 31 до 40 лет, у которых он превышал 50%¹⁸. Уходили на заработки даже крестьяне, у которых количество имевшейся земли в 2-3 раза превышало необходимое для содержания своей семьи минимум. Если они не имели дополнительного заработка, то, в конце концов, теряли свою землю.

До 10% отходников в исследованных Хаями деревнях не возвращалось назад и осело в других районах или пропало без вести. В отдельных деревнях этот процент доходил до 30 и более¹⁹.

Многие отходники уходили в большие города, но примерно с XVIII в. этот поток стабилизировался и даже начал несколько сокращаться. Одновременно начала постепенно снижаться общая численность городского населения страны. По подсчетам Сэкияма Наотаро, в 1721 г. она составляла 4 153 тыс. человек. В 1756 г. насчитывалось уже 3 944 тыс. горожан, в 1798 г. — 3 715 тыс. и в 1846 г. — 3 776 тыс. Смертность в городах была

очень высокой, поэтому приток новых жителей только покрывал естественную убыль населения²⁰.

Крестьяне уходили на заработки не только в города, но и в другие деревни, особенно расположенные в прибрежных районах, таких как провинция Ава. Там они занимались полевой работой в качестве мелких ремесленников, грузчиков и перевозчиков. Их доходы не облагались налогами, им не надо было платить поземельный налог, поэтому они могли существовать за счет полевой работы.

Относительно высокий уровень благосостояния в деревне также был связан в первую очередь с торговлей. Крестьяне, имевшие много земли, как правило, также активно занимались торговлей. Те, кто постоянно занимался ею, обычно не только не теряли землю, а, наоборот, имели возможность приобретать ее. Накапливая доходы от торговой деятельности, крестьяне могли увеличить свои земельные владения, нанять работников (слуг), производить промышленное сырье в своем хозяйстве, а также скупать его в соседних хозяйствах. Кроме того, эти крестьяне могли претендовать на должности в деревенской администрации и т. д. Постепенно под их контролем оказалась большая часть земельного фонда деревни. Однако так было в основном в районах, прилегавших к морскому побережью.

В отдаленных же районах, где население сокращалось, торговля была развита слабо и не давала особой прибыли, процесс скупки земли шел вяло. Там рост крупного крестьянского землевладения имел свою особенность. Обычно исследователи видят в нем целенаправленный процесс накопления земельной собственности, вызванный к жизни стремлением деревенской верхушки расширить свои земельные участки с целью извлечения дополнительной прибыли. Но надо заметить, что одновременно довольно типичным для того времени было упоминание о том, что даже крестьяне, имевшие достаточно земли, испытывали трудности с ее обработкой и нередко случалось, что некоторые из них бросали свои хозяйства и уходили в город. Особенно это было характерно для неблагополучных районов, где наблюдалось общее сокращение численности населения, как в провинции Симоукэ. В этом случае острой проблемой становилась нехватка рабочих рук для обработки земли (появление тэамарити). У деревенских старост, которым уходившие на заработки крестьяне оставляли свои наделы, скапливалось большое количество земли, для возделывания которой не находилось даже арендаторов. Такое естественное укрупнение хозяйств было не менее распространено, чем скупка заложенной земли.

Крупные хозяйства могли без ущерба часть земли выделить под технические культуры. Мелкие и средние крестьянские хозяйства были вынуждены идти на риск, выращивая технические культуры на полях, пред-

назначенных для овощей и зерновых для личного потребления. Это делало уязвимыми их хозяйства, особенно во время сильных неурожая, поскольку им приходилось покупать продовольствие, которое в такой ситуации резко повышалось в цене. Выручка же от продажи технических культур не позволяла сделать достаточных накоплений на черный день.

Из обедневших крестьян, занятых полевой работой или выращиванием технических культур в сельских районах, складывался слой потребителей продовольствия, что повлекло за собой формирование рынка продовольственных культур, одним из товаров которого был рис. Часть риса, предназначенного для уплаты поземельного налога, утаивалась от уплаты и продавалась крестьянами в соседние районы, где крестьянские хозяйства возделывали технические культуры на продажу.

Деревня в целом оставалась бедной и обремененной многочисленными проблемами по сравнению с благополучными городами. Особенно это относилось к районам, в которых наблюдалось запустение. Картина изменилась только после Мэйдзи исин, когда правительство официально признало права крестьян на землю (тисо кайсэй). Тогда же произошло и превращение богатых крестьян в "паразитических помещиков" (кисэй дзинуси), живущих за счет беспощадной эксплуатации труда арендаторов и полуарендаторов. Так как в период существования сёгуата Токугава арендная плата составляла 30-40% от урожая, то после Мэйдзи исин она доходила до 80-90%²¹. Поэтому "паразитический помещик" эпохи Мэйдзи был значительно более состоятельным, чем имевший много земли крестьянин времен сёгуата Токугава. К тому же в районах крупных земельных владений бакуфу в условиях сокращения населения и нехватки рабочих рук богатые крестьяне не могли сильно повышать арендную плату, а значит, не получали сверхвысоких доходов. Таким образом, в период существования сёгуата крестьяне не могли распорядиться землей наиболее выгодным для себя образом.

Власти в первую очередь стремились обеспечить уплату поземельного налога, поэтому запрещалось выращивать на рисовых полях другие культуры. Идеальная схема обрабатываемых площадей крестьянского хозяйства включала обязательно поля под рисом для уплаты налогов, суходольные поля под зерновыми, выращиваемыми для собственного потребления, и поля под техническими культурами. Крупные крестьянские хозяйства имели именно такую структуру. Крестьянин не мог, например, все свои поля засеять одной культурой и создать специализированное хозяйство, даже если этой культурой был рис. Поэтому цель максимального производства товарной продукции отступала на второй план, главное было подстроиться под механизм господства существующей власти, что обуславливало

низкую эффективность крестьянского хозяйства. Так что частично проблемы крестьянского хозяйства были вызваны непосредственно политикой правительства, но не подавлением товарно-денежных отношений, а стимулированием их развития.

Как уже говорилось, выращивание технических культур должно было создать дополнительные условия для уплаты земельного налога. Вместе с тем правительство всегда могло сменить ориентиры в аграрной политике и дать установку своим сельским чиновникам на производство собственно риса, как это имело место в первой половине XIX в. на землях бакуфу. Поскольку основное количество земель сёгуна располагалось в районах неблагоприятных для возделывания технических культур, бакуфу взяло курс на повторную обработку заброшенных рисовых полей.

Бегство крестьян из деревни усугубляло нестабильность сельского хозяйства. Вследствие участившихся неурожаев в первой половине XIX в. обострилась продовольственная проблема. Увеличилось количество заброшенной земли и крестьянского инвентаря (ломбарды становились обычным явлением сельской жизни), усиливалось расслоение крестьян, сократилось поступление налогового риса в казну, росло недовольство крестьян.

Чтобы повлиять на ухудшающуюся ситуацию в деревне, бакуфу проводило политику стимулирования сельского хозяйственного производства. Во времена сёгувата она имела многолетнюю историю. Во всяком случае, еще до реформ годов Кёхо правительство поощряло возделывание технических культур и развитие промыслов для создания собственных производств импортируемых товаров, в первую очередь шелка, чтобы сократить отток из страны драгоценных металлов. Затем уже во время реформ годов Кёхо решение об увеличении производства технических культур было продиктовано необходимостью стабилизировать торговлю рисом. С тех пор стимулирование сельскохозяйственного производства становится важной составляющей политики центрального правительства и даймё. При этом основная ее цель, включая возделывание технических культур, — повышение способности крестьян платить земельный налог — оставалась неизменной²². Поэтому развитие рынка товарно-денежных отношений в Японии помимо крестьянской инициативы опиралось и на политику правительства. В этих условиях стимулирование развития промыслов было интегрировано в общую схему экономической политики и не противоречило основополагающим принципам сёгувата.

Вышеупомянутый ученый-аграрник Ниномия Сонтоку полностью разделял позицию бакуфу. Обращаясь к крестьянам одной из таких приходящих в упадок деревень, он говорил: “Запустение в нашей деревне достигло крайности. Причина этого состоит не в том, что мало прикладывает ся уси-

лий крестьянами. Разрушились ирригационные сооружения на реке, пришли в упадок водоводы для подачи воды на поля. По этому деревня потеряла не обходимую воду. Рисовые поля забрасываются. По этому не хватает продовольствия, хозяйства терпят крах, жители убегают”. В этой ситуации, по его мнению, необходимо было: “исправить ирригационные сооружения, заново обработать заброшенные поля, это поможет крестьянским бедам”. “Мой способ помощи, — подчеркивал он, — основывается на экономии и бережливости. Прекратить бесполезные траты денег, создать излишки и резерв, все силы отдавать семейному делу (сельскому хозяйству), не совершать в жизни плохих поступков, накапливать для потусторонней жизни только хорошие дела, прилежно работать. Если делать так, то любой дом может стать из бедного состоятельным, а деревня, даже находящаяся на краю иезновения, может без сомнения возродиться”²³.

Расчеты руководители бакуфу при проведении политики возрождения пришедших в упадок деревень строились на том, что бы заново обработать заброшенные рисовые поля и в результате увеличить сбор налогов²⁴. Если, полагали они, сто и менее лет назад эти деревни процветали, значит возможно вернуть их в прежнее состояние, приложив к этому достаточные усилия. Для повторной обработки выдавались кредиты, использование которых строго контролировалось, предпринимались также меры, направленные на борьбу с роскошью и азартными играми, которые отвлекали крестьян от хозяйственных дел и вели к напрасной трате денег.

Средствами, выделяемыми на кредитование крестьян, распоряжались местные чиновники (дайканы), по этому они не отражались в сводном бюджете бакуфу. Ко времени проведения реформ годов Тэмпо общие суммы кредитов, выданных крестьянам, достигли внушительных размеров. По сохранившимся документам в 1842 г. они составили 3 млн. 684 тыс. рё, увеличившись по сравнению с 1834 г. на 213 тыс. рё²⁵. В действительности же эти суммы были еще более значительными, ибо, как уже говорилось, они не фиксировались центральными органами.

Кредитными ресурсами располагали многие органы бакуфу, и пополнялись они обычно за счет части налогов, оставленных в распоряжении местных чиновников во время реформ годов Кансэй, за счет экономии расходов, за счет кредитов из столичных кредитных органов бакуфу. Цифры по каждому из этих источников имеют большой разброс. Только по объемам кредитов, выданных учреждениями, имевшими бюро в столице, они достаточно точны. Так, в 1843 г. различные учреждения бакуфу выдали в целом 1 650 735 рё, из них городское управление предоставило кредитов на сумму в 154 672 рё, финансовое ведомство — на 145 444 рё, представители баку-

фу в отдаленных районах — на 694 688 рё, сельские органы в долине Канто (имевшие свои управления в столице) — на 655 931 рё²⁶.

В некоторых районах политика возрождения деревень порой давала хорошие результаты. Например, если судить по докладу об итогах деятельности известного дайкана Кисимото Бунсю, написанному после его смерти, ему с 1793 по 1810 гг. на подведомственной территории в провинции Симодзу удалось увеличить сбор риса на 7817 коку, заново обработав силами крестьян три четверти заброшенных полей. Земель, дававших 2938 коку, было обработано при использовании кредитов дайкана и 3731 коку — самостоятельными усилиями крестьян. При этом здесь за это время появилось 197 новых дворов, население увеличилось на 1533 человека, а количество лошадей — на 180 голов. Фонд кредитов, использованный дайканом в это время, составил 7600 рё²⁷.

Чиновники бакуфу предоставляли займы на повторную обработку земли, на ремонт различных ирригационных сооружений, мостов и пристаней на реках. Для хозяйств, пострадавших от неурожая, выдавались ссуды в виде семян и сельскохозяйственных орудий. В 1827 г. было издано специальное распоряжение о сокращении размеров ссуд ввиду их крайне плохой возвратности²⁸.

В целом кредиты на восстановление деревень не только не приносили прибыли, но и приводили к быстрому истощению фонда кредитных ресурсов, которые бакуфу не обходимо было пополнять за счет бюджета. В условиях же увеличения бюджетного дефицита бакуфу приходилось сокращать суммы этих кредитов, что усугубляло тяжесть положения деревни. Таким образом, в финансовом отношении курс бакуфу на восстановление производства в приходящих в упадок районах оказался не удачным, ибо кредитно-денежные ресурсы использовались без отдачи и быстро растрачивались.

Ошибка в расчетах бакуфу заключалась в непонимании им причин разорения деревень, коренившихся в изменявшихся экономических условиях и развитии товарной экономики, вызвавшей миграцию населения в другие районы и города. Поэтому все усилия правящих кругов, направленные на восстановление численности сельского населения и повторную обработку земли, противоречили сложившейся тенденции развития экономики и были обречены на провал. Бакуфу не удавалось стабилизировать бюджет за счет доходов от земельного налога, и оно все больше вынуждено было прибегать к перече канке монеты для пополнения своих доходов.

Перече канка монеты и ее влияние на экономику

Недостаток доходов от земельного налога бакуфу традиционно компенсировало поступлениями от перече канки монеты с конца XVII в. Возникавшие при этом проблемы были достаточно обыденным явлением, и правительство сёгунов имело богатый опыт их решения. Вкратце напомним историю перече канки монеты, и посмотрим, как бакуфу использовало ее для стабилизации ситуации.

Денежная система сёгуната была основана на одновременном использовании монет из трёх металлов — золота, серебра и меди (железо и свинец так же использовались при чеканке монеты, но номиналы монет из этих металлов обычно приравнивались к номиналам медных монет). Система эта была по-своему уникальной, ибо обычно в средневековых государствах имели хождение монеты двух типов — серебряная и медная или золотая и медная, в то время как одновременное обращение всех трех типов было достаточно редким явлением.

До XVII в. в Японии, как и в большинстве средневековых государств, использовалась биметаллическая система. В обращении находилась серебряная и медная монета. Золотая монета преимущественно играла роль средства накопления богатства. Запасы золотых монет и золотых слитков служили мерилем могущества и знатности высокопоставленных самураев. Количество монет измерялось их возможности в мобилизации людских и материальных ресурсов для ведения военных действий. Монеты давались в качестве наград и подарков отличившимся самураям и обращались, прежде всего, в их среде, служа дополнительным показателем положения конкретного дома в самурайской иерархии.

В мае 1601 г. Токугава Иэясу издал распоряжение основать в городе Фусими (служившем тогда его ставкой) цех мастеров серебряных дел и поручил ему чеканить золотую монету (кобан — 1 рё и обан — 10 рё). Это был больше политический жест, демонстрирующий притязания на верховную власть, нежели практический шаг к созданию новой монетно-денежной системы. Со времени битвы при Сэкигахара, одержав победу в которой, Иэясу добился военного господства, прошло менее года, и все его помыслы были направлены на упрочение своих прав как верховного властителя страны.

Золотые монеты становятся средством платежа в конце первой половины XVII в. под влиянием перемен в экономике и обществе, вызванных политикой переселения самураев в города, когда потребовалась монета больших номиналов. С 1634 г. все даймё были обязаны сами жить в столице и приводить семью в качестве заложников (система санкин котай). Это так-

же увеличило спрос на монету больших номиналов, которой оплачивались расходы на дорогу до столицы и проживание в ней. Постепенно золотые монеты начинают поступать в денежное обращение. Окончательно в средство платежа золотая монета превращается после большого пожара в Эдо в 1657 г., когда правительству пришлось нести огромные расходы на восстановительные работы, оплачивавшиеся за счет казны и ее золотых запасов.

Кроме того, большие партии золотой монеты попадали в обращение через механизм финансирования бюджетных расходов. За счет накопленных в казне ресурсов при третьем сёгуна Иэмицу (1604-1651) были профинансированы расходы на три визита сёгуна в Киото ко двору императора (каждый такой визит обошелся примерно в 1 миллион рё), на строительство мавзолея Токугава Иэясу в Никко (около 560 тыс. рё золотом и 100 кан серебром), на десять паломничеств сёгуна в Никко (каждое стоило не менее 100 тыс. рё)²⁹.

В казну драгоценные металлы поступали с рудников, которые бакуфу взяло под свой полный контроль. Часть добываемых драгоценных металлов, использовалась для оплаты внешне-торговой деятельности, а часть — для чеканки монеты.

Со временем золотая монета становится неотъемлемым элементом денежной системы, происходит постепенная адаптация ее к нуждам денежного обращения, увеличивается количество монеты малых номиналов, необходимой для размена, и уменьшается количество монеты больших номиналов, которая удобна была для накопления богатства. Наиболее заметно сократилось количество монеты самого большого номинала — обан (10 рё). Так, если Кэйтё обан (обан гт. Кэйтё — период начала XVII в.) был отчеканен в количестве 16565 штук, Кёхо обан (обан начала XVIII в.) — 8515 штук, то число Тэмпо обан (обан 30-х гг. XIX в.) составило лишь 1887 штук³⁰.

Золотая монета прочно обосновалась в столице Эдо и прилегающих к ней провинциях на востоке страны. В Осака же сохранилась прежняя биметаллическая денежная система. Таким образом, на территории страны фактически сложились две зоны с разным денежным обращением: западная — к западу от Осака, и восточная — к востоку от Эдо. Это, конечно, не означало, что на востоке не использовалось серебро, а на западе — золото, но в западной зоне находилось в обращении значительно больше серебра, а в восточной — золота. Соответственно, в каждой зоне существовал собственный обменный курс по отношению к медной монете, который не увязывался обязательно с обменным курсом золота и серебра, складывавшимся между зонами.

Токугава Иэясу после чеканки золотой монеты дал распоряжение провести перечеканку серебряной и медной монет. С 1609 г. был установлен обменный курс для всех трех видов монет: 1 рё = 1000 медных мон, либо 1 рё = 50 момме серебром³¹. Тем не менее, единая система обращения одновременно золотых, серебряных и медных монет не сложилась. Основная причина была в том, что на западе обмен денег производился по весовым единицам независимо от номинала, в то время как на востоке деньги обращались на основе номиналов, а не весовых отношений.

Обменный курс, установленный впервые в 1609 г., часто менялся и одновременно рос достаточно быстрыми темпами. В 1655 г. был установлен новый курс, равный 1 рё = 3600-3800 медных мон. За поддержанием этого курса должны были следить специальные торговцы-менялы. В 1656 г. начал свою деятельность дом Коноикэ, в 1662 г. — дом Сумитомо, в 1683 г. — Мицуи. В 1670 г. была образована гильдия менял под покровительством бакуфу. Так в качестве связующего звена между двумя разными зонами денежной системы страны стала функционировать сеть меняльных контор, занимавшихся обменом золотых и серебряных монет. Объем операций был очень значительным, и скоро менялы приобрели внушительные капиталы. В начале XVIII в. они являлись самыми богатыми горожанами, вызывая зависть и ненависть не только простых самураев, но и высших административных чиновников бакуфу.

Глубинной причиной существования двух денежных систем была незавершенность процесса объединения экономики страны и, как следствие, — обособленность восточных и западных районов.

Западные районы были значительно более развитыми в экономическом отношении, чем восточные. На них приходилась большая доля внешне-торгового оборота, здесь размещались такие крупные потребительские центры, как Осака, Киото, Нагоя, где проживала большая часть населения страны.

Восточные районы были менее населенными, и хотя, здесь находилась столица Эдо, экономический потенциал этого региона был недостаточным, чтобы связать воедино экономики востока и запада.

Почему на западе страны длительное время сохранялся обмен монеты на основе весовых отношений? Прежде всего, заметим, что такая практика была унаследована от предшествующей эпохи, а Осака стал преобладающим городом Сакаи, который тогда играл роль основного торгово-распределительного центра всего западного региона. Кроме того, этот способ был хорошей страховочной мерой против произвола властей и правителей, которые были склонны устанавливать обменные курсы монет, соотносясь только с собственной выгодой. Весовые отношения изменить значительно

сложнее, чем номиналы, по этому горожане пользовались этим не очень удобным, но более надежным способом при обмене денег.

Опасения жителей Осака не были преувеличены. Произвольное обращение бакуфу с номиналами монет проявилось уже во второй половине XVII в., когда правительство столкнулось с проблемой нехватки драгоценных металлов, вызванной сокращением их добычи. Пик добычи драгоценных металлов приходится на 20-40-е гг. XVII в. На важнейших рудниках Ивами и Садо более половины объема добытых металлов за весь период сёгуна та приходится именно на это двадцатилетие. В последующем добыча золота и серебра резко упала из-за сокращения их естественных запасов³². Экспорт стал поглощать больше драгоценных металлов, чем до бывалось, и, в результате, произошёл отток монеты из обращения, и возникла ее нехватка. Издание указов об ограничении вывоза драгоценных металлов за рубеж не решило проблемы, так как страна нуждалась в экспортных товарах. В конечном итоге правительство было вынуждено провести перечеканку для пополнения своих запасов драгоценных металлов.

С 1695 г. начинается перечеканка золотой и серебряной монеты (выпуск годов Гэнроку). В золотой монете за счет добавления серебра было значительно уменьшено содержание золота. Если при одинаковом общем весе монет годов Кэйтё и Гэнроку (кобан достоинством в 1 рё), в первой содержалось 843 доли золота и 157 долей серебра, то во второй было 564 доли золота и 436 долей серебра, т. е. содержание золота было уменьшено на 35% и компенсировано увеличением содержания серебра. В свою очередь, в серебряной монете содержание благородного металла было уменьшено на 18%. Если в серебряной монете годов Кэйтё (Кэйтё тёгин) содержалось 792 доли серебра и 208 долей меди и других металлов, то в такой же монете годов Гэнроку (Гэнроку тёгин) содержалось уже только 646 долей серебра³³.

Перечеканка 1695 г. на некоторое время решила проблемы бакуфу, но уже в 1706 г. ему вновь пришлось обратиться к этому способу пополнения казны. За короткий период 1706-1712 гг. перечеканка серебряной монеты была проведена четыре раза. Каждый раз содержание серебра в ней снижалось на 100 долей и в итоге сократилось до 200 долей. Монета приобрела красноватый оттенок от избытка содержания меди, что вызвало большое недоверие к ней на внешнем и внутреннем рынке. Китайские и корейские кушды, сомневаясь в качестве монет, отказывались их брать. Внутри страны начинается паника и скупка товаров повседневного назначения³⁴.

Возникший кризис взялся разрешить родзю Арай Хакусэки. По его мнению, выход из ситуации был в восстановлении монеты годов Кэйтё. Он увольняет всех финансовых чиновников, руководивших денежной полити-

кой до его прихода, и с 1714 г. начинает обратную перечеканку с целью повысить содержание благородных металлов в монете до нормы, принятой в XVII в. Одновременно правительство берет курс на политику жесткой экономики, отменив даже паломничество сёгуна Иэцуна к усыпальнице Иэясу в Никко. Однако довести до конца свою программу родзю не удалось.

В 1716 г. сёгуном становится Токугава Ёсимунэ, который сразу же отказался от услуг Арай Хакусэки, правда, сохранив поначалу основные направления его курса. Новый сёгун жесткими мерами стал добиваться экономии расходов, повышения доходов и контроля над ценами. Первое время также продолжалась обратная перечеканка для восстановления монеты годов Кэйтё, но вскоре сёгун приостанавливает ее и концентрирует свое внимание на проблемах выравнивания обменных курсов и упорядочения торговли рисом из самурайских пайков. Кроме того, была создана гильдия рисоторговцев-фудаси, которые занимались продажей риса самураев на рынке. В результате всех этих усилий к 1729 г. обменный курс стабилизировался на уровне 1 рё = 5000 мон. К тому времени выросли доходы бакуфу, и бюджет обрел равновесие. Однако в новых условиях выявилась тенденция роста стоимости серебра по отношению к золоту, поэтому в 1736 г. Ёсимунэ приступает к очередной перечеканке с целью изменения весовых отношений между золотой и серебряной монетами, что позволили бы иметь стабильный обменный курс.

Для золотой монеты, чеканившейся с 1736 г., было установлено содержание золота в 768 долей, что было средним между монетой Арай Хакусэки (861 доля) и монетой 1695 г. (564 доли). Своим решением Ёсимунэ отверг оба предшествующих варианта перечеканки монеты, но начертал ее общий курс на уменьшение содержания благородных металлов. Предпринятая им перечеканка серебряной монеты проводилась на основании тех же принципов, что и золотой. Содержание серебра было установлено в 451 долю, т. е. в два с лишним раза выше, чем его было в монете 1711-1712 гг., но значительно ниже, чем в монете, чеканившейся при Арай Хакусэки.

Содержание благородного металла в серебряной монете Ёсимунэ было существенно меньше, чем в золотой монете, и это породило новую опасную тенденцию. Курс золота начинает расти по отношению к серебру, одновременно растет и курс сделанной из полностью казенного металла медной монеты, которая не перекаливалась. Когда курс медной монеты дошел до 2000-3000 мон за один золотой рё, Ёсимунэ отдал распоряжение начать перечеканку всей медной монеты, обращавшейся на рынке. В городах Эдо, Киото, Осака, Сэндай и др. — всего в 13 пунктах — были созданы мастерские, в которых началась чеканка новой медной монеты облег-

ченного веса. За короткое время было отлито огромное ее количество — около 9 млрд. штук³⁵.

В результате этой кампании Ёсимунэ удалось свести воедино все обменные курсы и упорядочить денежное обращение. Закрепив достигнутый успех ростом доходов бакуфу, он смог надолго обеспечить стабильность на денежном рынке и в экономике страны в целом.

После смерти Ёсимунэ во время правления Танума Окицугу встает вопрос о ликвидации разобщенности денежной системы в стране и о прекращении существования восточной и западной зон с разными принципами обращения монеты. Резкое недовольство бакуфу вызвали огромные прибыли, которые получали меняльные конторы, обслуживавшие движение денег из одной зоны в другую, в том числе и обменные операции при поступлении государственных налогов из западной зоны. В связи с этим бакуфу решает осуществить объединение денежной системы страны.

В 1765 г. в качестве подготовительного шага к объединению денежной системы производится чеканка Мейваго моммегин (серебряной монеты годов Мейва весом 5 момме). Вместо традиционно обозначавшегося года выпуска на этой монете был отчеканен ее вес — 5 момме (18,75 грамма). Таким образом, монета могла обращаться в восточной и западной зонах, так как у нее был весовой номинал. И хотя реальное содержание серебра в этой монете равнялось только 460 долям, т. е. было менее половины от номинала, отчеканенного на монете, маневр Танума полностью удался. Монета стала обмениваться не по реальному содержанию серебра, а по указанному на ней весу. При тогдашнем курсе обмена золота и серебра в 1 рё — 60 момме новая монета составила двенадцатую часть от одного золотого рё, была очень проста и удобна при обмене золота и серебра.

В качестве следующего шага Танума отдал распоряжение в 1772 г. отлить новую серебряную монету, на которой была отчеканена следующая надпись: серебро высокого качества — восемь монет обмениваются на 1 рё. Монета действительно была высокого качества — 978 долей серебра (находившейся ранее в обращении серебряная монета содержала серебра менее 50%). Однако реально в новой монете было только 2,64 момме чистого серебра, а при обмене на основе лишь весовых отношений восьмая часть рё равнялась 7,5 момме. В результате появилось соотношение золота и серебра не по весу, а по номиналу — один рё к восьми серебряным монетам. Одну восьмую от рё составляла также самая мелкая золотая монета — 2 сю (монеты номиналом 1 сю не существовало). Поэтому новая монета по своему номиналу оказалась равной самой мелкой золотой монете и стала именоваться наперёк нисюгин — “2 сю серебра высокого качества”, хотя на ней такого номинала обозначено не было.

В 1768 г. Танума дал распоряжение перечеканить медную монету. У прежней монеты номиналом в 1 мон с одной стороны был изменен рисунок и ширина внешнего кольца, после чего номинал ее повысился сразу в 4 раза и был установлен в 4 мон.

Увеличение в обращении номинального количества медной монеты привело к росту курса золотой монеты по отношению к медной. Если до чеканки медной монеты в 4 мон один рё обменивался на 4000 мон, то в 1769 г. — уже на 5000 мон, а в 1778 г. — на 6000 мон. Появление новой монеты вызвало рост цен на рынке. Все товары и услуги, ранее стоившие 1 мон, сразу подорожали в четыре раза. Только применив жесткие административные меры бакуфу удалось остановить рост цен на некоторое время³⁶.

Во время голода годов Тэммей двойной эффект от неурожая и избыточного количества монеты в обращении привел к резкому повышению цен, что вызвало взрыв народного недовольства политикой правительства. Танума Окицугу был смещен и вместо него назначен Мацудайра Саданобу, который провозгласил курс на проведение реформ годов Кансэй, включавший политику соблюдения экономии, повышение доходов казны и жесткий контроль над ценами. Практически во всех своих действиях Мацудайра Саданобу стремился подчеркнуть разрыв с политикой Танума, поэтому на какое-то время он приостанавливает проведение перечеканки, однако уже в 1791-1792 гг. возобновляет ее и начинает кампанию по распространению новой монеты в западных районах.

После отставки Мацудайра Саданобу его преемники продолжили курс на чеканку новой монеты, на расширение сферы ее использования в западных районах и повышение доходов бакуфу. Финансы обрели стабильность, и в храниках бакуфу накопился некоторый резерв наличных денег — в 1798 г. он составил 1 млн. 79 тыс. рё, и руководители бакуфу решили приостановить чеканку монеты. В 1800 г. они провели расследование деятельности администрации монетного двора, которая была наказана за “самовольные” действия, чтобы полностью поставить ситуацию под свой контроль.

Новая страница перечеканки, имевшая непосредственное отношение к реформам годов Тэмпо, началась в конце 10-х гг. XIX в. Этот период включал несколько последовательных волн перечеканки, которые значительно увеличили объемы обращавшейся в стране монеты, что обострило экономические проблемы сёгуната. Причиной перечеканок этого времени стало сокращение регулярных доходов бакуфу. Для восполнения недостатка средств оно пошло на последовательное снижение содержания золота в монете (см. таблицу 7), что позволяло чеканить каждый раз дополнительное количество монет.

Таблица 7*. Содержание золота в монетах сёгуната Токугава

Тип золотой монеты (кобан)	Год начала чеканки	Содержание золота в граммах	золота в %
Кэйтё	1601	15	100
Гэнроку	1695	10	67
Хозэй	1710	7	47
Сётоку	1714	15	100
Гэмбун	1736	9	60
Бунсэй	1819	7	47
Тэмпо	1837	6	40
Ансэй	1859	5	33
Мангэн	1860	2	13

* Сакудо Ётаро. Кинсэй хокэн сякай-но кахэй кингю кодзо. Токио, 1971. С. 214.

В 1818 г. началась чеканка золотой монеты нового типа достоинством 2 бу (половину рё). Золота в ней было на 15% меньше, чем в золотом рё. Однако полученного от этой операции металла не хватало, поэтому была выпущена еще одна новая золотая монета — достоинством в 1 сю (одна шестнадцатая рё). Эта монета содержала рекордно малое количество золота — 123 доли (если она плавилась, то оставалась лишь капля серебра с легким желтоватым налетом).

Новая монета с момента своего появления в обращении обрела плохую славу, что заметно ударило по репутации бакуфу. Поэтому, чтобы сбить с толку общественное мнение, была придумана весьма замысловатая схема, основанная на последовательной перекечке нескольких типов золотой и серебряной монеты. Идея комбинации заключалась в следующем: вместо серебряной монеты нарё нисюгин (восемь штук которой обменивались на золотой рё), отчеканить новую золотую монету с низким содержанием золота и низким собственным весом, а из сэкономленного металла выпустить новую серебряную монету с номиналом золотой монеты.

Во исполнение этого замысла в 1832 г. был начат выпуск золотой монеты достоинством в 2 сю (одна восьмая рё) как и нарё нисюгин. Содержание золота в ней составило 299 долей, вес — 1,5 грамма. Ввиду нехватки золота для чеканки этой монеты была предпринята еще одна хитрая комбинация. С 1835 г. стала чеканиться новая золотая монета достоинством в 5 рё (Тэмпо горёбан), весом в 33,75 грамма. Две таких монеты по номиналу соответствовали одному обан, а по весу были значительно легче

— 67,5 грамма против 165,38 грамма одного обан. Таким образом, при перекечке одной монеты экономилось почти 100 граммов благородных металлов. За счет этой экономии содержание золота в монете достоинством в 5 рё подняли до 842 долей (обан годов Кёхо содержал 646 долей), чтобы убедить потребителя принять новую монету. Из оставшегося металла чеканили монету достоинством в 2 сю.

Параллельно из обращения начала изыматься нарё нисюгин (серебро высокого качества), весившая 10 граммов и почти полностью состоявшая из серебра. Взамен приступили к чеканке серебряной монеты в два раза большего номинала — 1 бу (одна четвертая рё или четыре сю), имевшей 991 долю серебра и даже 9 долей золота. Однако ее вес составил лишь 8,66 грамма. По этому из одной монеты нарё нисюгин серебро использовалось сразу на две монеты — на золотую в 2 сю и на серебряную в 1 бу. В итоге при одинаковом весе использованных благородных металлов сумма номиналов новых монет в четыре раза была большей.

Новая монета достоинством в 1 бу была хорошего качества, по этому она достаточно легко вошла в обращение в западной и восточной частях страны. Для ее чеканки были использованы не только нарё нисюгин, но и тёгин — основная серебряная монета осакского региона. Новых монет было отчеканено на огромную по тем временам сумму — 19 млн. 729 тыс. 100 рё. Фактически серебряная монета была приравнена к золотой, в результате курс серебра по отношению к золоту резко возрос и стал равняться 1:5,17, что позволило резко увеличить количество монеты в обращении. В общей сложности было выпущено более 76 млн. монет. Чеканка проводилась на протяжении двадцати лет до 1858 г.³⁷

Для размена такого количества серебряной монеты не обходима была большая масса медной монеты, поэтому с 1835 г. начинается чеканка новой медной монеты. Однако в этом случае руководители бакуфу не стали изобретать сложных схем и откровенно продемонстрировали свое желание максимально заработать на этой операции. Была отлита новая медная монета достоинством в 100 мон, тогда как до этого максимальный номинал медной монеты был 4 мон. Чеканилась она из монет, изымаемых из обращения. Вес ее был установлен в 16,5 граммов, поэтому на одну новую монету уходило столько металла, сколько содержалось в пяти старых. Номинал же новой монеты более чем в пять раз был больше, чем у переплавляемых монет.

Выпуск медной монеты в 100 мон население встретило настроенно. Руководители бакуфу выбрали крайне неудачный момент. Монета была выпущена в тяжелый период голода годов Тэмпо, поэтому в общественном сознании ее появление четко ассоциировалось со значительным повыше-

нием цен, которое пришлось на 1837 г. (кстати, не самый плохой по урожайности).

Экономические трудности, связанные с неурожаем, и последствия массивной перечековки монеты накладывались друг на друга. Решение этих проблем потребовало активизации деятельности правительства, которая накладывается в конце 30-х - начале 40-х гг. XIX в. еще до официального провозглашения реформ годов Тэмпо.

Оценивая в целом деятельность бакуфу, связанную с перечековкой, нельзя не отметить, что проведенные последовательно несколько масштабных кампаний правительства оставили заметный след в истории экономики сёгуната. И хотя каждая такая волна приносила в экономику на некоторое время неразбериху и трудности, но в конечном итоге ситуация нормализовывалась, поскольку в долгосрочном плане перечековка играла позитивную роль в хозяйственной жизни страны.

Перечековка увеличила объем наличной денежной массы в обращении и в том числе монет мелких номиналов, которые были необходимы для разменных операций, что имело благоприятный эффект для развития экономики.

По документам бакуфу можно подсчитать общую сумму номиналов золотых и серебряных монет, выпускавшихся в обращение. Так, количество золотой и серебряной монеты в обращении в номинальном исчислении составило:

В 1695 г. —	13 960 000 рё
1710 г. —	25 805 000 рё
1714 г. —	31 690 000 рё
1736 г. —	21 042 000 рё
1818 г. —	29 255 000 рё
1832 г. —	45 864 000 рё
1858 г. —	52 750 000 рё ³⁸

Позитивным явлением для экономики была и ликвидация деления денежной системы на западную и восточную, а также прекращение практики измерения стоимости денег на основе весовых соотношений, а не номиналов. Все это способствовало интеграции экономики. Поэтому бакуфу удавалось в конечном итоге стабилизировать ситуацию.

Безусловно, при проведении перечековки бакуфу руководство валось своими собственными интересами и в первую очередь желанием пополнить доходы казны, поэтому действия бакуфу не редко приводили к негативным последствиям, таким как резкий рост обменных курсов монет и инфляция. Кроме того, введение в обращение дополнительной денежной массы обыч-

но происходило в короткие сроки, создавая ее избыток. Усвоение же экономикой новых объемов монеты требовало определенного времени. Это приводило к применению жестких мер правительства по контролю над ценами и заработной платой.

Бакуфу не всегда могло удержать ситуацию под своим контролем, особенно во время голода и стихийных бедствий, охватывавших обширные районы страны. Голод годов Кёхо, Тэммей и Тэмпо были как раз такими стихийными бедствиями, когда ситуация обострялась также из-за проведенной накануне перечековки монеты. Не случайно реформы годов Кёхо, Кансэй и Тэмпо имели много сходного и несли значительный заряд стабилизационной политики, проводимой жесткими административными мерами.

Одновременно цена серебра была значительно поднята по отношению к золоту, так как серебряную монету приравнивали к золотой. Это привело к тому, что количество монеты в обращении стало расти слишком высокими темпами.

После перечековки, начатой с 1818 г., в стране происходит резкое увеличение денежной массы. Только объем наличной золотой и серебряной монеты в первой половине XIX в. увеличился на 56%, что явно превышало темпы прироста денежной массы в предшествующее время. Экономика стала испытывать трудности при усвоении такого объема денежной массы, в результате чего наливается рост цен.

Проблемы торговли и товарного обращения

Дополнительная денежная масса, полученная в результате перечековки монеты, которую должна была поглотить экономика, в первую очередь поступала в сферу товарного обращения. В том, что происходило в этой сфере в первой половине XIX в., надо искать ответ на вопрос, почему экономика не смогла быстро усвоить возраставшую денежную массу.

В XVII-XVIII вв. в области развития товарно-денежных отношений был сделан значительный шаг вперед. В Японии появились крупные города с единым производственно-распределительным центром в Осака.

Важную роль в развитии экономики страны сыграл район Кинай с центром в городе Осака. В XVII в. основные направления развития экономики в этом районе были связаны с выращиванием хлопка для последующего производства тканей, а также с возделыванием риса для изготовления сакэ. В этот период здесь возникли мелкие сельские городки (дзаймати или дзаймати), в которых жили сельские ремесленники и торговцы. В XVIII в. наряду с хлопковым и рисовым формируется третье важное на-

правление сельскохозяйственного производства — выращивание семян масличных культур для получения осветительного масла. Все три направления динамично развивались, давая сильный импульс торговой деятельности. В результате чего росли ряды сельских производителей и торговцев-посредников.

По данным японского историка Яги Акихиро в XVIII в. в деревнях Кинай под хлопком было занято от 25 до 50% всей обрабатываемой земли. Эти поля были завесены в реестры и облагались налогами (ставки были меньше, чем на рисовых полях). Каждая деревня имела определенный объем производства, который из года в год оставался приблизительно на одинаковом уровне³⁹.

Практически в каждой деревне занимались торговой деятельностью. Предметами ее становятся одежда, ткани, обувь, рис и многие другие товары. За время сёгуната Токугава количество сельских торговцев в районах, близких к Осака, увеличивается в несколько раз. Например, в уезде Тамбоку в провинции Кавати в 1791 г. имелось 26 крупных торговцев, а в 1830-е гг. их было уже более 70⁴⁰. Постепенно здесь образуется торговая сеть, в которой один крупный торговец приходился на 10-20 деревень⁴¹. Параллельно складывается слой производителей технических культур и слой сельских ремесленников, которые занимались их переработкой как непосредственно в деревнях, так и в сельских городках. В тот же период в деревнях появляются постоянные дворы и ломбарды⁴².

Поступательное развитие товарной экономики продолжалось только до конца XVIII в., затем все более заметными становятся негативные процессы. Наиболее отчетливо они проявлялись в Осака.

В первой половине XIX в. Осака постепенно начинает терять позиции общенационального распределительного центра. Это в первую очередь отразилось на объемах поступивших в город товаров и численности населения города⁴³. Так, если в 1769 г. здесь проживало 412 997 человек, то

в 1805 г. — 385 832
 1815 г. — 378 562
 1825 г. — 382 811
 1835 г. — 364 270
 1840 г. — 341 521
 1845 г. — 344 093

Из таблицы 8 видно, что в первой четверти XIX в. поставки товаров в Осака имели стабильные объемы, затем они начинают сокращаться как в количественном, так и в стоимостном отношении (даже при наметившемся повышении цен).

Таблица 8*. Поступление товаров в Осака в первой половине XIX в.

Наименование товара	Количество			Стоимость (кан** серебра)***		
	1736	1804-1829 ежегодно	1840	1736	1804-1829 ежегодно	1840
рис (млн. коку)	1,2	1,5	1,08	46800	88 000	74 000
куривата**** (тыс. кан**)	48	2000	1343	1200	40 000	33 580
момен***** (тыс. тан*****)	1210	8000	3000	5320	48 000	33 580
уголь (тыс. хё*****)	690	2500	1818	1520	10 000	9 450

* Нисикава Сюнсаку. Нихон кэйдзай-но сэйтё си. Токио. С. 47.

** Кан — единица веса, равная 3,75 кг.

*** В скобках единица измерения.

**** Куривата — очищенный хлопок.

***** Момен — хлопковая ткань.

***** Тан — мера длины тканей, равная 10,6 м.

***** Хё — мешок.

Одна из причин снижения роли Осака — это сокращение поставок на столичный рынок в Эдо. Вследствие падения объемов торговли сокращается количество судов в транспортной компании, которая занималась перевозкой грузов из Осака в Эдо. Если в конце XVIII в. она имела 60-80 судов, то в 1820-30-х гг. — только 27⁴⁴.

Наиболее впечатляющие в этом отношении данные о торговле сёю (соевой приправой). Если в 1726 г., из поступивших в Эдо 132 тыс. бочек сёю, 101 тыс. (около 76%) была привезена из Осака, то в 1821 г. оттуда поступило только 20 тыс. из 1 млн. 250 тыс. бочек. Таким образом, при почти десятикратном увеличении объема рынка этого товара, доля сёю, доставляемого из Осака, сократилась в пять раз в количественном выражении, а его доля в общей сумме поставок уменьшилась с 76 до 2%⁴⁵.

Причин для сокращения поставок из Осака было несколько. Первая — развитие альтернативных производств в долине Канто, и снижение объема поставок товаров из районов западной Японии. Вторая — ценовая ситуация на рынках страны. С развитием экономики в прилегающих к столице районах Осака отступает на второй план. Так, в торговле сёю его место заняли мелкие городки долины Канто, например, Тёси и Нода, в торговле хлопком — Ивацуки, Куки, Гёда и др., в торговле шелком — Кириу, Исэдзаки, Омамamura и др.⁴⁶ Значительное уменьшение поставок товаров из Осака в столицу повлекло за собой сокращение их производства в районе Кинай. Особенно это сказалось на производстве хлопка, которое в начале XIX в. начинает постепенно вытесняться выращиванием риса и овощей.

Однако главная причина снижения роли Осака заключалась в постепенном упадке гильдейской системы организации торговли, созданной для осуществления контроля за товарной экономикой и ориентации движения товаров по стране через Осака.

Гильдии в том виде, в каком они сохранились к концу сёгуната, были учреждены в Осака в ходе реформ годов Кёхо, когда им были предоставлены монопольные привилегии со стороны бакуфу. У крестьян технические культуры скупали сельские торговцы-агенты гильдий и затем отправляли их строго определенным торговым домам в города, имевшим монопольные права на торговлю данным товаром. Те, в свою очередь, продавали товар оптовым или розничным торговцам из других городов. Например, указ 1725 г. определил привилегии в торговле маслом, запретив продавать семена масличных культур лицам, не принадлежащим к осакской гильдии торговцев маслом⁴⁷. Привилегии были значительно уточнены в конце XVIII в. Например, в апреле 1797 г. был издан дополнительный указ о торговле маслом, в котором запрещалось производить масло даже в провинциях, специализировавшихся на выращивании масличных культур. Все семена должны были свозиться в Осака, откуда произведенное масло развозилось по всей стране, включая и провинции, в которых их выращивали⁴⁸.

Итак, в условиях господства гильдий крестьянин, занимавшийся выращиванием технических культур, не имел свободного доступа к рынку. Свою продукцию он должен был продавать определенным торговцам, за которыми власти признавали право торговой деятельности в данном районе. По этому торговля техническими культурами или продуктами их переработки находилась в руках торговцев-посредников, получивших возможность закупать продукты крестьянского производства по низким ценам⁴⁹. Основная часть денег от продажи этого товара доставалась торговцам, и только небольшая — крестьянам. Это соответствовало сословным принципам общества, согласно которым основное предназначение крестьян бы-

ло платить по земельный налог, т. е. выращивать рис, небольшие же денежные доходы не противоречили этому.

В XVIII в. мелкие производители пытаются отстаивать свои права в борьбе с монопольной системой гильдий. В этот период получает распространение подача петиций провинций — кунисо. В этом движении участвовали крестьяне сразу нескольких десятков или даже сотен деревень, старосты которых подавали коллективное прошение в связи с действиями гильдий. Основной причиной возникновения кунисо были цены на хлопок, масло и удобрения. Высокие цены на удобрения делали нерентабельным крестьянское производство, как и слишком низкие закупочные цены на хлопок или семена масличных культур. Всего с середины XVIII в. до Мэйдзи было подано более 40 таких петиций⁵⁰.

Осакские гильдии, прежде всего, были ориентированы на столичный рынок. От поставок в Эдо зави сел объем заказов сельским производителям, уменьшение которого приводило к сокращению производства в деревнях во круг Осака. По той же причине уменьшался объем заказов торговцам из западной Японии, осуществлявших поставки на столичный рынок через осакских торговцев. В связи с этим торговцы из западных районов стремятся пробиться на столичный рынок, минуя посредничество осакских гильдий. Кроме того, они начинают поиск дополнительных рынков. Например, торговцы из Тёсю находят новые рынки в южной Японии на Кюсю (в Сагума и Нагасаки), а так же на севере в провинции Этидзэн и Рикю⁵¹.

Во владениях даймё формировались собственные рынки. В них создавались административные органы, которые должны были помогать местным торговцам производить массовые закупки товаров по монопольно низким ценам. Поэтому во многих владениях создавались свои гильдии, принципы работы которых были близки принципам гильдий бакуфу. Таким торговцам предоставлялись монопольные права на закупку определенных видов товаров и на торговлю ими на территории владений даймё. В целях уменьшения оттока денег из этих владений и сокращения ввоза товаров принимались административные меры по ограничению деятельности торговцев из других районов, и вводились квоты на ввоз. Вместе с тем правительства даймё даже поощряли нелегальную торговлю, ведущуюся в обход осакских гильдий, заботясь об увеличении вывоза товаров из своих владений. Так же стимулировалось развитие местного производства на иболее ходовых бытовых товаров (фаянс, чернила и др.).

Крестьянам предписывалось продавать свою продукцию определенным торговым домам. В качестве оплаты они получали бумажные деньги, выпускавшиеся даймё и не имевшие хождения в других владениях. Такая

торговля нередко становилась причиной открытого недовольства крестьянства, как это показали крестьянские выступления в Тёсю в 1831 г.⁵²

В этих условиях глубинной причиной экономических трудностей Осака было формирование новой структуры внутреннего рынка, в основе которого лежало развитие региональной экономики и расширение связей между регионами. Такой огромный рынок вполне мог поглотить всю денежную массу, образовавшуюся в процессе перечеканки монеты, но этого не произошло. Наоборот, начинается инфляция и постепенное нарастание экономических трудностей в стране.

В период 1818 по 1857 гг. происходит неуклонное повышение цен, которое предшествовало гиперинфляции, начавшейся в конце 50-х гг. (см. таблицу 9).

В середине 30-х гг. наблюдался резкий скачок цен в результате голода годов Тэмпо, за которым последовало их снижение в ходе реформ годов Тэмпо. Эти колебания на общую тенденцию к повышению цен не повлияли.

Отметим также, что рост цен на продовольственные товары постоянно опережал рост цен на технические культуры. Это отражало приоритеты политики бакуфу того времени, направленные на сохранение более высоких цен на рис по сравнению с остальной сельскохозяйственной продукцией, что бы обеспечить доходы самураев от продажи рисовых пайков.

Одновременно такое соотношение цен отражало принципиальный курс бакуфу на повторную разработку заброшенных рисовых полей в районах, где имел место отток населения, и происходило сокращение посевных площадей. Высокие цены на рис должны были повысить заинтересованность в возрождении рисовых полей.

Для производителей и переработчиков технических культур новая политика бакуфу создала значительные трудности. В этой ситуации они обратили свое недовольство против гильдий, являвшихся проводниками политики правительства. В районе Осака в 1823-1824 гг. происходит самое крупное выступление, направленное против гильдий и их ценовой политики в торговле хлопком. Оно получило наименование "Петиции 1007 деревень". Основная цель подачи петиции — добиться права на свободный провоз и продажу хлопка. Учитывая масштабы выступления крестьян, власти Осака даже на какое-то время встали на их сторону, а градоначальник

Таблица 9*. Динамика цен на сельскохозяйственную продукцию в 1820-1850 гг.

Год	Продовольственные культуры (%)**	Технические культуры (%)**
1820	69,9	67,1
1821	69,8	68,1
1822	71,2	68,5
1823	74,0	71,1
1824	77,7	75,7
1825	80,4	77,4
1826	82,7	78,5
1827	85,1	82,4
1828	86,4	83,7
1829	87,4	83,4
1830	90,0	84,6
1831	95,0	90,3
1832	100,4	93,2
1833	103,4	92,8
1834	110,4	100,1
1835	130,2	110,7
1836	139,0	116,0
1837	139,1	119,3
1838	139,3	123,7
1839	133,5	121,0
1840	115,1	112,2
1841	104,3	104,8
1842	100,0	100,0
1843	98,7	99,4
1844	100,2	98,7
1845	102,7	104,0
1846	105,1	108,3
1847	109,9	110,1
1848	118,7	110,9
1849	123,1	111,8
1850	123,5	108,9

* Симбо Хироси. Кинсэй-но букка то кэйдзай хаттэн. Токио, 1978. С. 117-118.

** Уровень 1842 г. взят за 100%.

издал распоряжение гильдии торговцев хлопком не вмешиваться в перевозку и торговлю мелких производителей⁵³. Однако уже несколько месяцев спустя это распоряжение было отменено, и гильдиям возвратили их привилегии, проблемы же производителей остались нерешенными.

Состояние цен привело к тому, что не только в районе Осака, но и в некоторых районах Канто наблюдался застой или снижение производства. Например, в городке Омамamura, специализировавшемся на выработке изделий из шелковой нити, в 1828 г. было зарегистрировано рекордное число жителей (3279 жителей на 689 дворов), после чего оно начало снижаться, и в 1864 г. там осталось 646 дворов и 2337 жителей⁵⁴.

Невыгодные цены, господство гильдий и излишняя централизация рынка создали проблемы для роста экономики, которая не смогла освоить значительно возросшую после переемки массу денег в обращении.

Руководители бакуфу видели в основном кратковременную тенденцию роста цен, вызванную голодом годов Тэмпо, когда цены на рис и другие продукты выросли в два и даже более раза. Затем в результате административных мер бакуфу цены стали несколько снижаться, но появилась новая серьезная проблема — цены на рис снижались быстрее, чем на другие товары.

Торговля рисом была под полным контролем бакуфу, так как торговцы продавали налоговый рис, полученный от бакуфу. Гильдия на считывала всего несколько десятков домов, что также упрощало контроль. Чиновники знали, сколько примерно риса поступало в тот или иной дом. Кроме того, рисоторговцы хорошо запомнили 1836 г., когда многие из них подверглись наложению и конфискации имущества, поэтому достаточно precisely выполняли распоряжения властей.

Из таблицы 10 видно, что в 1840 г. по сравнению с 1830 г. цены на рис снизились. Данные о ценах на другие потребительские товары приводятся в таблице 11.

Из таблиц видно, что в 1840 г. цены на потребительские товары значительно превышали уровень 1830 г. Так, на хлопковую одежду цена была выше на 26,6%, на sake — на 36,9%. Таким образом, цены на продовольственные товары снижались медленнее, чем цены на рис, которые в 1840 г. были ниже уровня 1830 г. (см. таблицу 10).

Сильное недовольство руководителей бакуфу вызывала, в особенности, высокая цена на хлопковую одежду, которую согласно указам о соблюдении экономии должны были носить повседневно и самураи, и простые горожане. Цены на нее были достаточно низкими на протяжении всего периода голода и начали повышаться только с 1836 г., в то время как на другие товары они росли с 1832-1833 гг. С 1836 г. цены на большинство товаров

уже стали снижаться, напротив, цена на одежду из хлопка в 1841 г. достигает наивысшей отметки. Объяснить это можно только тем, что издание указов о соблюдении экономии вызвало рост спроса на хлопковую одежду, и торговцы, воспользовавшись моментом в целях получения дополнительной прибыли, подняли цены на данный товар. Это вызвало раздражение правительства, оно требовало снижения всех без исключения цен и поэтому решилось на применение более жестких административных мер в отношении торговцев.

Таблица 10*. Цены на рис** в Осака в 1830-1843 гг.

Год	Весна	Лето	Осень
1830	79,3	75,5	77,7
1831	87,4	81,0	73,7
1832	74,9	71,5	67,8
1833	76,7	78,2	96,2
1834	122,3	134,1	83,9
1835	81,2	64,2	84,3
1836	86,2	75,6	139,2
1837	154,4	135,0	121,9
1838	109,4	100,0	115,5
1839	90,0	97,7	75,4
1840	56,5	57,1	61,7
1841	56,8	63,3	68,5
1842	80,7	78,9	62,1
1843	66,7	64,4	79,3

*Kozo Yamamura. A Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Cambridge, 1978. P. 52.

** Момме за 1 коку.

* * *

Итак, в хозяйственной жизни сёгуната первой половины XIX в. происходили серьезные перемены. Отражением их являлись финансовые и бюджетные проблемы бакуфу. При этом реформы финансовой системы и государственного аппарата становились неизбежной необходимостью. Перед политиками встала трудная задача выбрать момент и модель будущих преобразований.

Таблица 11*. Цены** на основные потребительские товары

Год	Мясо (1 кан)	Соль (1 кан)	Соевый соус (1 коку)	Сакэ (1 коку)	Ламповое масло (1 сё)****	Хлопковая одежда (1 ган)
1830	1.3(100)***	15.5 (100)	68.2 (100)	135.0 (100)	3.1 (100)	6.0 (100)
1831	1.3 (100)	15.0 (97)	67.9 (99.6)	144.8 (107.2)	3.2 (103.2)	6.5 (108.3)
1832	1.3 (100)	15.0 (97)	68.2 (100)	144.2 (106.8)	3.4 (109.7)	6.1 (101.7)
1833	1.3 (100)	15.0 (97)	70.3 (103)	150.6 (111.5)	3.5 (112.9)	6.1 (101.7)
1834	1.5 (115)	16.0 (106.7)	77.7 (113.9)	184.8 (136.9)	3.6 (116.1)	5.9 (98.3)
1835	1.6 (123)	17.5 (116.7)	76.0 (111.4)	179.0 (132.6)	3.8 (122.6)	6.1 (101.7)
1836	1.7 (130.7)	17.4 (116)	76.1 (111.6)	176.0 (130.4)	4.0 (129)	6.3 (105)
1837	2.3 (176.9)	35.2 (234.7)	100.4 (147.2)	311.2 (230.5)	5.0 (161.3)	6.8 (113.3)
1838	2.0 (153.8)	34.4 (221.9)	106.8 (156.6)	295.0 (218.5)	4.8 (154.8)	6.4 (106.6)
1839	2.3 (176.9)	36.9 (238)	103.9 (152.3)	231.3 (171.3)	4.8 (154.8)	8.0 (133.3)
1840	2.1 (161.5)	28.5 (183.9)	94.6 (138.7)	184.8 (136.9)	5.0 (161.3)	7.6 (126.6)
1841	2.0 (153.8)	28.8 (185.8)	94.2 (138.1)	179.0 (132.6)	4.6 (148.4)	8.8 (146.6)
1842	1.9 (146.1)	28.5 (183.9)	95.6 (140.2)	165.5 (122.6)	4.5 (145.2)	8.8 (146.6)
1843	1.8 (138.5)	23.2 (149.7)	92.7 (135.9)	148.0 (109.6)	3.7 (119.4)	8.4 (140)

* Kozo Yamamura. A Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Cambridge, 1978. P. 59.

** В момме.

*** В скобках здесь и далее указаны процентные данные (1830 г. взят за 100%).

**** Мера ёмкости, равная 1,8 л.

Раздел 2

Политические факторы и реформы. Принципы правления Токугава, определявшие политику бакуфу

Каждый политик времен сёгуната стремился сверять свои действия с деятельностью его основателей, в первую очередь Токугава Иэясу. Беспрекословное следование прецедентам прошлого для чиновников администрации было непреложным законом. Для них действия основателей сёгуната как бы олицетворяли предел человеческой мудрости. В рамках принципов, заложенных первыми сёгунами, протекали собственно реформы.

В первую очередь эти принципы касались отношений между сёгуном и даймё (самураями высокого ранга), что являлось предметом особых забот Токугава Иэясу при построении сёгуната. Суть этих принципов сводилась примерно к следующему: создать такую систему, при которой можно было бы подавить любое выступление даймё, и одновременно тщательно продуманной регламентацией и строгим контролем искоренить дух эпохи гражданских войн, изжить в самурайской среде идеи бунта против своих господ-даймё.

Иэясу стремился утвердить принцип незыблемости существующего порядка и при решении государственных дел установить приоритет прецедентов далёкого прошлого. Он взял себе титул сначала букэ-но торё (главы самураев), а затем и сёгуна, для чего окончательно став из Мацудайра — Токугава и тем самым напрямую связав себя с основателем первого сёгуната Минамото Ёритомо. Принятием этих титулов он обеспечил себе верховенствующее положение и заставил даймё признать себя главой их сообщества. Но этого ему казалось недостаточно, и он создал такую систему, в которой сводилась бы к минимуму сама возможность посягнуть на его права.

Первостепенной задачей для Иэясу было подчинение себе даймё. Для этого он предпринял ряд решительных мер. Прежде всего, он рассредоточил их владения выгодным для себя образом и обязал даймё выполнять санкин котай (предоставление заложников), разрешил им заключение браков только с позволения сёгунов, ограничил их контакты с двором императора в Киото, уменьшил число замков в их владениях, (ремонт их можно было производить только по особому разрешению сёгуна), обязал безотказно участвовать в строительных проектах бакуфу (в возведении новых замков и строительстве ирригационных сооружений). Кроме того, он вывел из-под влияния даймё важнейшие города, порты, рудники, а также установил полный контроль над внешней торговлей⁵⁵.

В 1600 г. сразу после битвы при Сэкигахара Иэясу приступил к массовым переделкам даймё, с тем, чтобы затруднить своим потенциальным противникам создание коалиции, а также получить возможность постоянно контролировать их действия. При Иэясу было произведено свыше 90 переделок даймё⁵⁶. К примеру, крупнейший даймё западной Японии Мори Тэрумото был переведен из Хиросимы в Тёсю, лишившись при этом сразу двух третей своих владений. Были значительно урезаны и владения Тоётоми Хидэёри — малолетнего наследника предшествующего правителя Тоётоми Хидэёси. В итоге установилось правило, согласно которому даймё должны были по требованию сёгуна переходить из одних владений в другие независимо от их размеров.

Процесс переделок был завершен в 1615 г. при сыне Иэясу Хидэёри. После победы над коалицией, которую возглавлял Тоётоми Хидэёри. В итоге 39 даймё лишились своих владений или получили меньшие по размерам. Тогда же было дано распоряжение оставить во владениях не более одного замка и не производить в них ремонт или реконструкцию без разрешения бакуфу. Одновременно даймё были обязаны существенно упростить оборонительную систему владений. В результате было ликвидировано множество горных замков, которые были значительно лучше приспособлены для ведения военных действий⁵⁷.

В 1615 г. был издан кодекс “Букэ сёхатто” (Законы для самураев), заложивший идейные основы сёгуната. Самураи, сказано в нем, должны получать знания и постоянно совершенствоваться в воинском искусстве (бунбу), что, по сути, означало: овладевайте знаниями и совершенствуйте свои воинские навыки, а не занимайтесь борьбой за власть и составлением заговоров. В том же году был издан кодекс “Кинтю нараби Кугэ сёхатто” (Законы для аристократии), строго разделивший аристократию и самурайство. В нем подчеркивалось, что дело аристократии — заниматься на укама (гакумон). Смысл этих распоряжений сводился к следующему: предназначения аристократа и самурая различны между собой, каждому из них следует заниматься своим делом, а не тем, что предписано другим. Одновременно в обоих кодексах были предусмотрены отдельные внутрисословные иерархии для самураев и для аристократии, разделявшие их на две обособленные группы, что пресекало возможность установления родственных связей между двором императора и самурайскими домами. В результате был сформирован еще один принцип сёгуната — разделение самурайства и аристократии Киото⁵⁸.

Помимо контроля за даймё необходимо было также установить контроль за многочисленными мелкими самураями. Это была еще более сложная задача, выполнение которой позволяло бы избавиться от укуреившихся

в обществе представителей эпохи войн, когда в нем господствовал дух бунта, и самураи низких рангов не боялись ломать устоявшийся порядок и выступать против высших самураев. Установить такой контроль призван был кодекс “Букэ сёхатто”, который выстраивал самураев в виде иерархии во главе со своим даймё на вершине, запретив менять сюзерена по своему усмотрению.

Бакуфу постоянно было готово к военным действиям, как с внешним врагом, так и с даймё, и содержало для этого многочисленную армию самураев, каждый из которых получал паек рисом и был готов в любой момент выступить в поход против врагов сёгуна. По этому вопросу взимание поземельного налога рисом было для властей непреложным законом, который соблюдался вплоть до последних дней сёгуната.

Важной мерой было перемещение огромных масс самураев в города, что сопровождалось превращением крестьян из подданных конкретно го мелкого самурая в подданных даймё или сёгуна. В результате были полностью разорваны связи мелких самураев с деревней. Когда самураи жили в деревнях, они черпали из нее финансовые и людские ресурсы, и это позволяло им противостоять центральной власти разных уровней. Деревенские самураи являлись источником постоянной напряженности в стране. Во время междоусобных войн эпохи Сэнгоку самураи, опираясь на деревню, создавали союзы и восставали против сюзеренов. Иэясу это хорошо понимал и использовал начатые при Хидэёси земельные переписи и кампанию “охоты за мечами” для того, чтобы отделить “нижние этажи” самурайской иерархии от их сельской основы. Земельные переписи устанавливали прямые отношения между даймё и крестьянами, жившими в их владениях, а “охота за мечами” предусматривала конфискацию оружия у всех, за кем не признавался статус самурая.

Наряду с регламентацией отношений между самураями была создана система четырех сословий — си-но-ко-сё. Согласно ее принципам самураи были отделены от простолюдинов, прежде всего, от крестьян, что закрывало последним путь в ряды привилегированного сословия и ограничивало их общественную функцию производством риса и других продуктов для нужд населения страны. Крестьянство, в свою очередь, было отделено и от городского населения, состоявшего из двух сословий — ремесленников и торговцев, за которыми были закреплены функции по обслуживанию товарного и денежного обращения.

С 1602 г. стала действовать санкин котай — практика предоставления заложников. В соответствии с ее требованиями семья даймё, включая старшего сына — наследника дома, постоянно жили в столице, а сами даймё должны были попеременно проводить один год в столице, а другой — в

своих владениях. При переездах даймё всегда сопровождало большое количество самураев дома, которые затем оставались при нем в Эдо.

Санкин котай давала дополнительное средство контроля за даймё. Предоставление заложника, прежде всего, было подтверждением лояльности того дома, который посылал такового. В данном случае — лояльности конкретных даймё по отношению к дому Токугава. По правилам того времени в случае измены даймё заложник должен был быть казнен. Эта система не была изобретением сёгунов Токугава. Предоставление заложников существовало во всех предшествующих сёгунатах и особенно широко практиковалось во время междоусобных войн. С 1635 г. пункт о санкин котай был внесен в "Букэ сёхатто", после чего стали регламентировать численность и состав свиты, поставленные в зависимость от статуса и доходов домов. Поэтому санкин котай тоже стала одним из элементов статусной организации общества, и ее требования соответствовали положению каждого дома в самурайской иерархии⁵⁹.

Сам сёгун стоял на вершине иерархии даймё и мог по собственному усмотрению собрать их войска под свои знамена. Тогда образовывалась огромная армия, которая могла устрашить любого противника. Она создавалась только для демонстрации силы и считалась непревзойденным по степени воздействия инструментом власти. Нескончаемая процессия, насчитывавшая десятки тысяч человек, несколько дней подряд могла двигаться в Киото или к могиле Иэясу в Никко, демонстрируя всем воинскую мощь сёгунов. Десять таких процессий состоялось при сёгуне Иэмицу в первой половине XVII столетия, в период переустройства страны после победы над домом Тоётоми. Их цель состояла в устрашении даймё демонстрацией военной силы и была успешно достигнута, так как практически никто не выступил против Токугава во время следовавших затем многочисленных перемещений даймё из одних владений в другие.

Иэясу заботился о том, чтобы получить в свои руки рычаги действенного давления на даймё. Одним из таких рычагов становятся строительные и восстановительные работы. Впервые эта идея была реализована в 1607 г., т. е. спустя год после формальной передачи Иэясу власти своему сыну Хидэтада. Иэясу оставил ему резиденцию в столице, а сам решил поселиться в Сунпу (нынешний город Сидзуока). Для возведения подobaющей резиденции в том же году были даны распоряжения всем крупным даймё о посылке ремесленников и строительных материалов. Распоряжения были быстро выполнены, и в июле строительство замка в Сунпу было завершено. Однако уже в декабре случился пожар, и замок полностью сгорел. Тогда были даны распоряжения о восстановительных работах, и через четыре месяца замок был отстроен заново. В результате этого прецедента

сёгуны получили возможность требовать от даймё участия в своих строительных проектах, не заботясь об их финансовом обеспечении. Более того, осуществление таких проектов было дополнительным средством давления на даймё: те, к кому Иэясу относился с почетом, обычно несли основное бремя таких расходов.

После битвы при Сэкигахара Иэясу сделал своими владениями города Киото, Нара, Фусими, Сакаи и Нагасаки и установил контроль за деятельностью торговцев из этих городов. В 1615 г. после победы над Хидэри, под контроль Токугава переходит Осака, который постепенно приобретает центральное положение в новой системе рыночных связей.

Главной характерной чертой рынка при Токугава стала его централизация. Началом этому было положено Иэясу, который объединил торговцев шелком городов Сакаи, Киото и Нагасаки в гильдию Ито ваппу накамэ⁶⁰. Затем этот принцип был распространен на всю страну, и была создана система рыночных связей с центром в Осака. Например, все товары, предназначенные для торговли с иностранцами, свозились сначала в Осака. Важнейшим экспортным товаром была медь, которую с рудников всей страны доставляли сначала в Осака, где ее обрабатывали и превращали в слитки, потом отправляли в Нагасаки, а оттуда — в Европу. Поступавший из-за рубежа женьшень, сначала доставлялся тоже в Нагасаки, затем шел в Осака, после чего рассылался по всей стране. Нагасаки играл роль порта приемки, в то время как основным центром торговли являлся Осака.

Централизация торговли была удобна для создания системы всеобъемлющего контроля. Это позволило также лишить даймё западной Японии их экономического могущества, которое во времена междоусобных войн во многом держалось на доходах от внешней торговли. Так появился еще один механизм контроля над даймё. По этому в дальнейшем бакуфу при проведении экономической политики строго придерживалось принципа централизации и активно защищало позиции осакских торговцев.

Перестановки даймё в первые пятьдесят лет существования сёгуната были проведены так, что все крупнейшие рудники, например, на о. Садо, оказались под контролем бакуфу. Это позволило еще более усилить централизацию. Тем самым Иэясу сосредоточил в своих руках добычу основных полезных ископаемых, которые поступали на экспорт. Кроме того, металл был основным сырьем для чеканки монеты, что обеспечило Токугава Иэясу контроль за выпуском денег и за всей денежной системой страны.

Другим принципом было запрещение христианства и ограничение внешних контактов, что давало дополнительные рычаги контроля. Поставив под контроль внешнюю торговлю, бакуфу монополизировало не только доходы, но и ограничило поток оружия и проникновение военных знаний в

страну. Запрещение христианства было лишь инструментом в борьбе за контроль над внешней торговлей.

Основополагающие принципы внешней политики сёгуна Токугава были заложены еще в XVII в. Обычно эта система отношений обозначается термином "сакоку", что означает "закрытые страны", но содержание его менялось со временем. Термин "сакоку" появился достаточно поздно в XIX в., что было связано с ужесточением режима установленного в XVII в. Закрытость страны означала жесткий контроль бакуфу за внешними связями и четкую регламентацию того, с кем и каким образом осуществлялись зарубежные связи. Внешние связи были ограничены контактами с тремя странами — Китаем, Кореей и Голландией, а также с северными народами, которые не имели своей государственности. С другими странами контакты были разорваны и не возобновлялись. На каждом направлении создавалась своя система отношений. Для контактов с Голландией была создана фактория в Нагасаки. Сношения с Китаем осуществлялись через Нагасаки и острова Рюкю, подконтрольные Сацума, с Кореей — через о. Цусима и даймё этого острова по фамилии Со, с северными народами отношения поддерживались через самого северного даймё, носившего фамилию Мацумаэ⁶¹.

По сравнению с XVI в., когда отношения на официальном уровне почти не поддерживались, а на море безраздельно господствовали японские пираты, бакуфу в XVII в. значительно усилило свой контроль. Однако некоторым даймё было разрешено осуществлять внешне торговую деятельность. Особенно большие привилегии имел даймё Сацума по фамилии Симадзу, который в 1609 г. военной силой подчинил королевство Рюкю по распоряжению Токугава Иэясу и затем фактически осуществлял контроль за этой страной с санкции Эдо. Сацума вел торговые операции с Китаем при посредничестве Рюкю. В 1687 г. бакуфу установило лимиты объема этой торговли, и тем самым фактически признало ее полуофициальный характер⁶².

Ограничение внешней торговли привело к тому, что экономика Японии практически не была связана с внешними факторами. Это оказало большое влияние на финансовую систему страны, которая зависела только от действий руководителей бакуфу и их решений по объемам и срокам печатания монеты.

Морская оборона Японии строилась по принципу ответственности того или иного даймё за отдельные участки побережья. Если под контролем даймё находился достаточно протяженный участок береговой линии, то оборона побережья считалась его прямой обязанностью. В этом случае даймё не выполнял иных служебных обязанностей и мог не занимать государственных посты (и не нести связанных с этим расходов). Соответственно

охрана и оборона побережья велись не посредственно самураями того даймё, в чьих владениях находился участок побережья. Бакуфу брало на себя оборону только нескольких ключевых портов — Эдо, Осака, Нагасаки.

Таковы были некоторые основополагающие принципы правления, заложенные первыми сёгунами. Опираясь на них, страна прожила в мире более двух сот лет, до середины XIX в. Нельзя утверждать, что эти принципы были абсолютно неизменяемыми. Уже в конце XVII в. возникла необходимость приспособить их к изменившимся условиям в стране. Эту задачу выполнили реформы, проведенные под руководством восьмого сёгуна Ёсимунэ. Тогда были обозначены те элементы, которые можно было менять, не ломая существующей системы в целом, и определен предел допустимых перемен. В этих рамках проводились и реформы годов Тэмпо.

Реформы годов Кёхо — образец для реформаторов

В начале XIX столетия встал вопрос о путях стабилизации ситуации в стране, первый министр Иэёси Мидзуно Тадакунэ взял за образец реформы, проводившиеся под руководством восьмого сёгуна Ёсимунэ. Это объяснялось не только личными симпатиями сёгуна Иэёси к Ёсимунэ, но и тем, что реформы годов Кёхо содержали ряд действенных мер по нормализации обстановки в стране. Чтобы охарактеризовать эти меры, необходимо сначала коснуться вопроса хронологии.

Согласно принятому тогда в Японии летоисчислению отсчет истории страны велся в соответствии со сменой императоров, а не в связи с правлением сёгунов. Период Кёхо (1716-1736 гг.) и время правления сёгуна Ёсимунэ совпадают лишь частично. Он вступил на свой пост в 1716 г., когда происходила смена девиза императорского правления, поэтому название Кёхо было выбрано исследователями для обозначения реформ. 1736 г. — дата смерти императора — уже не имеет отношения к их хронологии. Реформаторская политика Ёсимунэ продолжалась практически всю его жизнь. После передачи власти сёгуну Иэясу в 1745 г., т. е. после того, как Ёсимунэ формально перестал носить титул сёгуна, он прожил еще шесть лет, до 1751 г. (на положении огосэ — удалившегося от дел сёгуна), полностью контролируя деятельность бакуфу.

Основной проблемой для бакуфу в этот период было состояние финансов. Если во времена правления Иэясу и первых сёгунов бакуфу не испытывало недостатка в финансовых ресурсах, то после большого пожара в замке Эдо, случившегося в 1657 г., выяснилось, что возможности казны не безграничны. На восстановление сгоревшего замка было истрачено столько средств, что казна в конечном итоге оказалась пуста и потребовались

срочные меры по ее пополнению. Уже при сёгуне Цунаёси (он правил в 1680-1709 гг.) в этом отношении были предприняты некоторые шаги (конфискация владений даймё за различные провинности, наказание недобросовестных чиновников, перемена монеты и др.), однако они не дали желаемого результата.

При сёгунах, правивших после Цунаёси, так же делались попытки стабилизировать финансы. Наибольшую известность получили действия советника шестого и седьмого сёгунов (Иэбу и Иэцугу) по имени Арай Хакусэки. Его меры касались практически всех проблем, решение которых было продолжено во время реформ годов Кёхо, но ему, как и администраторам сёгуна Цунаёси, не удалось добиться заметных успехов. Более того, в казну стало поступать так мало риса, что в 1721-1722 гг. возникли трудности с текущими выплатами пайков самураям. Ситуацию усугубляли огромные долги бакуфу (на момент вступления Ёсимунэ на пост сёгуна их общая сумма равнялась 1 млн. 800 тыс. рё), а после 1720 г. добавилась еще одна проблема — необходимость восстанавливать мавзолей сёгуна Иэмицу, сгоревший во время пожара⁶³.

Таким образом, к началу правления сёгуна Ёсимунэ бакуфу оказалось в весьма непростой ситуации. Вместе с тем оно уже имело определенный опыт преобразований, что позволило сразу приступить к реформам. Лозунг был прост — экономия. «Мы должны требовать, — писал Ёсимунэ, — чтобы все было скромно и умеренно... не только у главы дома, но и у всех самураев, и на землях у простолюдинов. Однако с давних времен, уже не известно даже с каких, в этом мире стали любить роскошь (каби), что естественным образом привело в упадок воинскую доблесть (буби). Дошло до того, что стало досадно и больно смотреть на нравы самураев дома. По сравнению с предками разительное отличие состоит в том, что все сейчас любят роскошь. Предки говорили, что внешне надо выглядеть чуточку роскошным, а сердце должно быть целиком отдано воинскому искусству. У самураев различного ранга заметно, что они пытаются быть такими, как простолюдины, и стали такими же мягкотелыми»⁶⁴.

Проведение в жизнь лозунга экономии подкреплялось авторитетом основателя сёгуна Токугава Иэясу. Вот, что писал Ёсимунэ: «Со времени Гонгэн-сама (посмертное имя Иэясу — С.Т.) существуют различные указания, ставшими законами, которые необходимо соблюдать. К ним относятся также заветливо считать свои расходы, чтобы сокращать их по мере возможности, чтобы не выбрасывать вещи, которые на время стали ненужными»⁶⁵. Экономия рассматривалась как один из фундаментальных принципов, завещанных Токугава Иэясу, как неотъемлемая составляющая воинской доблести (бубу) — одного из основных положений «Букэ сё-

хатто». Во времена Иэясу это было важно, чтобы определить статус самураев и выстроить их иерархию. Тогда было необходимо покончить с эпохой войн — Сэнгоку и ее принципом гэкокудзэ (нижестоящие свергают вышестоящих), обрести социальную стабильность, заставить самураев жить соответственно своему статусу, не стремиться к свержению вышестоящих и довольствоваться умеренным продвижением по социальной лестнице. Поэтому принцип строгого соблюдения экономии действительно был фундаментальным. Реформаторы, признавая важность этого принципа, толковали его в нужном для себя плане, применительно к решению финансовых проблем. Были изменены только акценты — от самураев стали требовать жить строго в соответствии с доходами, предусмотренными статусом.

Призывая вернуться к образцовым обычаям прошлого, реформаторы отнюдь не стремились воссоздать каркас общества прошлого, а пытались решать назревшие проблемы, в данном случае — финансовые. Обращение к лозунгам и традициям прошлого давало возможность проводить реформы в рамках существующей системы, опираясь на ее господствующие идеи. И на той стадии общественного развития, когда проводились реформы годов Кёхо, этого было достаточно для достижения основной цели — финансовой стабилизации.

Фундаментальные принципы, зародившиеся в упорной борьбе XVI столетия, стали руководством для бакуфу на многие годы вплоть до самого конца сёгуната. Новые положения, вводимые во время реформ, никоим образом не противоречили этим основным нормам. Например, лозунг соблюдения экономии ничего существенно не менял в структуре самурайских домов и в системе отношений между самураями.

Стратегическая цель бакуфу заключалась в том, чтобы в максимальной степени сократить расходы государства и простых самураев и одновременно увеличить свои доходы и нормализовать денежное обращение. Под лозунгом соблюдения экономии проводилась политика сокращения расходов. Если говорить конкретнее, она была направлена на уменьшение текущих расходов простых самураев, которые должны были отказаться от излишеств, включая дорогую одежду, продукты питания, предметы роскоши и дорогостоящие церемонии. Наряду с этим бакуфу намеревалось восполнить нехватку средств в казне за счет взносов даймё, рассматривая в долгосрочном плане увеличить доходы за счет сбора земельного налога и разрабатки целинных земель, а также мер по нормализации денежного обращения.

Общее распоряжение бакуфу о всеобщей экономии административному персоналу и самураям предписывало сократить пищевой рацион, исключив из него дорогие продукты, заменить шелковые ткани на хлопчат-

то бумажные. Затем были изданы распоряжения относительно конкретных ограничений, касавшихся писем, подарков, свадебных церемоний, одежды, производства и продажи предметов роскоши⁶⁶. Сам сёгун демонстрировал пример во всем, ограничив свой пищевой рацион, нося только одежду из хлопка и сократив расходы на свою семью.

В качестве чрезвычайной меры по стабилизации финансов было дано распоряжение всем самураям сделать единовременный взнос в казну (агэмай) в размере одной сотой своих официальных рисовых доходов. В порядке компенсации даймё было разрешено на полгода раньше срока, предусмотренного по санкциям, вернуться из столицы в свои владения. В результате этой акции было собрано около 180 тыс. коку риса, что равнялось примерно десятой части годовой суммы сбора поземельного налога на землях бакуфу⁶⁷. Однако этого было очень мало, чтобы улучшить финансовое положение, требовались более значительные источники доходов.

В целях пополнения своих доходов бакуфу предприняло меры по расширению обрабатываемых площадей посредством строительства ирригационных сооружений и разработки новых земель. Привлечение средств государства и даймё позволило реализовать не сколько крупных ирригационных проектов в провинциях Мусаши, Этиго и др. Было начато осушение болот в районе Инба (этот проект не был завершен)⁶⁸.

Бакуфу попыталось увеличить сбор налогов за счет изменения способов оценки урожая. В ходе реформ годов Кёхо применялись два способа оценки урожая — кэмми и дзёмэн. Первый способ предполагал ежегодное обследование урожая с выездом на поля для определения налога, а второй — установление размера налога на основе средней цифры сбора за последние несколько лет. Каждый из них имел свои достоинства и недостатки. Кэмми был более эффективным с точки зрения точности определения размеров налога, ибо административный персонал выезжал в деревни для установления уровня налогов, а дзёмэн позволял обойтись без проведения ежегодных обследований, которым обычно сопутствовали различные злоупотребления. По этому власти чередовали оба способа определения налогов: когда ставилась цель восстановить или увеличить сбор налогов, вводился кэмми, если же необходимо было закрепить уровень сбора налогов и ограничить злоупотребления, вводился дзёмэн.

Составной частью реформ была кампания борьбы с недобросовестными чиновниками. Этой задаче, в частности, отвечало введение дзёмэн. Не менее важное значение в пресечении злоупотреблений чиновников имело упразднение кутимай — однопроцентного налога с населения на оплату своей деятельности и перевод местной администрации на фиксированные пайки из хранилищ бакуфу. Строго наказывались вплоть до отстранения от

должности чиновники, которые за взятки регистрировали заниженные данные об урожае с крестьянских полей (считалось даже, что такие злоупотребления являются главной причиной уменьшения сбора поземельного налога).

Приметой времени при Ёсимунэ становится приход на службу в финансовое ведомство и в сельскую администрацию ученых, врачей, т. е. людей не связанных прежде в своей профессии со сбором налогов, что способствовало оздоровлению аппарата⁶⁹.

Острота финансовых проблем обусловила реорганизацию административной системы. Если раньше деятельность администрации, включая финансовую, по очереди курировались каждым членом правительства, то с мая 1722 г. финансовыми делами стал постоянно заниматься один человек — каттэ какари родзю (родзю, курирующий финансы). Чиновник, занимавший этот пост, автоматически становился, используя современную терминологию, не просто министром, а председателем правительства, совмещающим должность министра финансов. Вслед за назначением каттэ какари родзю чиновники финансового ведомства (кандзёсё) были разделены на тех, кто вел финансами, и тех, кто занимался судебными исками. Затем в подчинение каттэ какари родзю перешли сельские чиновники бакуфу — дайканы. Таким образом, была создана вертикаль финансовых чиновников, контролирующая доходы и расходы.

Используя лозунг соблюдения экономии, реформаторы пытались усилить контроль правительства над ценами. Прежде всего, обращалось внимание на два момента: распространение на рынке дорогих вещей и дисбаланс цен, ставший следствием понижения цены на рис по сравнению с другими товарами повседневного спроса в результате роста продаж риса из владений даймё. Считалось, что использование дорогих вещей является одной из причин повышения цен. Соответственно, если запретить покупать дорогие вещи и дать указание соблюдать экономии, то цены не будут расти.

Достичь оптимального, по мнению бакуфу, баланса цен можно посредством усиления контроля за рынком через систему торговых гильдий с монопольными правами на торговлю отдельными товарами, ибо через такие гильдии можно проводить регулирование цен административными мерами, например, конфискацией незаконно полученной прибыли и введением фиксированных цен. Поэтому в ноябре 1721 г. торговцам Эдо было дано распоряжение обращаться к гильдиям с условием не повышать цены после стихийных бедствий⁷⁰. Надо сказать, что независимо от этого условия бакуфу всегда требовало снизить цены при любом их повышении.

В обмен на услуги по контролю над ценами гильдиям давалось право по своему усмотрению производить прием новых членов и обращаться в административные органы с просьбами о наказании на рушителей монопольных прав⁷¹. Таким образом, им гарантировалась право самостоятельно определять количество торговцев, занятых на рынке и поддержка государства в борьбе против конкурентов.

В качестве одной из мер по стабилизации цен предусматривалась нормализация денежного обращения. Для этого была сделана попытка установить устойчивые пропорции между различными видами монет в содержании благородных металлов. С 1736 г. на чинается перечеканка всех видов золотой и серебряной монеты, чтобы в обращении осталось по одному виду каждой. Однако эта реформа так и не была доведена до конца. Ее незавершенность неизбежно породила у администраторов после дующих поколений желание завершить начатое Ёсимунэ до конца и создать строгую упорядоченную систему, в которой были бы зафиксированы все обменные курсы.

В результате вышеназванных мер удалось достичь временной стабилизации финансов бакуфу. С 1722 г. бюджеты правительства имели положительное сальдо, которое в отдельные годы доходило до 35 тыс. коку рисом и 100 тыс. рё в год. В 1744 г. бакуфу удалось собрать рекордную сумму налогов — 1 млн. 462 тыс. коку⁷², за все время существования сёгуната.

И хотя финансовая направленность реформ годов Кёхо очевидна, тем не менее реформаторская деятельность того периода охватывала и многие другие стороны жизни общества. Во время реформ была введена система должностных выплат мелким самураям на государственных должностях. Отныне после вступления на государственную должность самурай помимо своего семейного дохода получал небольшие доплаты, которые должны были частично компенсировать расходы, связанные с выполнением должностных обязанностей. Это, по мнению руководителей бакуфу, должно было стимулировать административных чиновников лучше выполнять свою работу.

Для возрождения самурайского духа особо поощрялись занятия воинским искусством. Вновь были введены состязания между самураями в воинском искусстве, а также стали широко проводиться соколиные охоты и загонные охоты на оленей.

В ходе реформ годов Кёхо с целью укрепления крестьянского хозяйства и повышения способности крестьян платить земельный налог бакуфу стимулирует возделывание технических и нетрадиционных продовольственных культур. Именно в эти годы благодаря рекомендациям чиновников бакуфу в Японии повсеместно начинают выращиваться сацумаимо (ба-

тат), который на долгие годы становится одной из основных продовольственных культур, обеспечивавших существование крестьян.

Важным моментом в деятельности бакуфу этого периода была реализация мер по подготовке к стихийным бедствиям. В деревнях создавались специальные хранилища продовольствия, которые можно было использовать только во время голода. В городах реорганизовывалось пожарное дело. В Эдо, где пожары были частым явлением, были построены пожарные станции и подготовлены специальные пустыри для спасения населения во время бедствия.

Простым самураям и чиновникам бакуфу было предписано свободно высказывать свое мнение по вопросам управления государством и излагать свои соображения в письмах прямо на имя сёгуна. Простолодины также получили возможность обращаться к сёгуну — мяэсу бако (ящик для петиций), который три раза в месяц выставлялся в специальном месте в городе.

Предпринятое в 1728 г. после 65-летнего перерыва паломничество в Никко стало не только весомым свидетельством возросшего авторитета сёгунской власти, подорванного предшествующими неудачами в управлении экономикой, но и в определенной степени демонстрацией успехов финансовой политики бакуфу. Из казны сёгунов на это грандиозное мероприятие было истрачено 200 тыс. рё.

Успешное решение многих финансовых и социальных проблем в ходе реформ годов Кёхо сделало их образцом для последующих руководителей бакуфу. В мае 1841 г., когда следовало обнародовать высочайшей воли сёгуна, в сопроваждавшем его послании родовой цели реформ формулировались, прежде всего, как возрождение и неукоснительное соблюдение политики реформ годов Кёхо и Кансэй. В нем говорилось: "Получив известие о высочайшей воле, следует вспомнить распоряжения годов Кёхо и Кансэй, прислушаться к каждому слову, исправить расхождения с этими распоряжениями в политике и идти правильным путем"⁷³.

Однако решение сёгуна Изэси объяснялось не только положительным результатом этих реформ. Взять их за образец заставили его и соображения политического порядка, вытекавшие из борьбы придворных группировок в период передачи поста сёгуна от Изэнари к Изэси.

Механизм передачи власти в сёгунате и борьба придворных группировок

Официальный отчет реформ годов Тэмпо начался с момента передачи власти сёгуном Изэнари сёгуну Изэси, хотя указы и распоряжения ба-

куфу, носившие реформаторский характер, появились уже в 1838 г. Какую цель преследовал Иэёси, торжественно провозглашая свою высочайшую волю? Создавала ли борьба придворных группировок какую-то угрозу его положению? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо коснуться правды передачи власти внутри дома Токугава.

Основатель сёгуната Токугава Иэясу установил четкие принципы выбора наследника, согласно которым верховная власть переходила старшему сыну. Назначив своего третьего сына на следником (сёгун Хидэтада). Иэясу пошел с ним на конфликт, когда тот в свое время решил сделать выбор не в пользу старшего сына, заставив его изменить решение. Тем не менее, принципы наследования, установленные Иэясу, не удалось сохранить в неизменном виде. Вот как выглядит линия наследования власти в доме сёгунов:

1. Токугава Иэясу	Овари, Кии, Мито (госанкэ*)
2. Хидэтада (сын Иэясу)	
3. Иэмицу (сын Хидэтада)	
4. Иэцуна (сын Иэмицу)	
5. Цунаёси (сын Иэмицу)	
6. Иэнобу (племянник Цунаёси — внук Иэмицу)	
7. Иэпугу (сын Иэнобу)	
8. Ёсимунэ (дом Кии)	Таясу, Хитоцубаси,
9. Иэсигэ (сын Ёсимунэ)	Симидзу (госанкэ**)
10. Иэхару (сын Иэсигэ)	
	11. Иэнари (дом Хитоцубаси)
	12. Иэёси (сын Иэнари)
	13. Иэсада (сын Иэёси)
14. Иэмоти (дом Кии) (потомок Иэнари)	
	15. Ёсинобу (дома Хитоцубаси—Мито)

* Дома сыновей Иэясу с особым статусом.

** Дома сыновей сёгуна Ёсимунэ с особым статусом.

Принцип наследования власти старшим сыном в неизменном виде действовал только столетия до четвертого сёгуна Иэцуна, у которого не было детей. Власть в этом случае перешла к его брату — Цунаёси⁷⁴. У Цунаёси также не оказалось наследника, не было у него и младших братьев. Руководителям бакуфу пришлось рассматривать самые разнообразные варианты, в том числе возможность наследования власти домами других младших сыновей Токугава Иэясу (с этого времени они стали именоваться госанкэ). В конечном итоге эти варианты были отвергнуты, и Цунаёси сделал приёмным сыном своего племянника, который был внуком третьего сёгуна Иэмицу. Он затем становится шестым сёгуном Иэнобу⁷⁵. Тем самым впервые был создан прецедент передачи власти не напрямую потомку сёгуна в первом поколении (сыну сёгуна), что существенным образом повлияло на выбор наследника в дальнейшем.

При сёгуне Иэнобу проблема наследования повторилась опять. Два его старших сына умерли, и на следником пришлось утвердить третьего последнего сына, которому в тот момент было всего лишь три года и восемь месяцев. Однако он умер в возрасте семи лет, и ситуация с преёмником вновь зашла в тупик, выйти из которого взялись прямые потомки Токугава Иэясу по линии младших сыновей — главы домов Овари, Кии и Мито⁷⁶.

После многочисленных консультаций восьмым сёгуном дивастии стал Ёсимунэ — глава второго в иерархии госанкэ дома Кии. Сразу после своего назначения он приступил к реформам, которые проводились не только для решения экономических проблем, но и для закрепления его положения как сёгуна.

На личном опыте убедившись в важности вопроса наследования, Ёсимунэ сделал выбор в пользу своего старшего сына — Иэсигэ. Это решение далось Ёсимунэ нелегко, так как Иэсигэ страдал расстройством речи, а главное мало интересовался вопросами управления страной и военным искусством, что вызывало сомнения в его способности справляться с обязанностями сёгуна, тогда как второй и третий сыновья (будущие даймё Таясу и Хитоцубаси) — были его полной противоположностью. Тем не менее, Ёсимунэ, зная важность четкого права наследования для политической стабильности, передал власть Иэсигэ, создав отдельные дома для других сыновей — госанкэ. При этом им было предоставлено преимущественное право в вопросе наследования поста сёгуна в случае отсутствия у него сыновей, ставившее их выше госанкэ и дома Кии, из которого был выходцем сам⁷⁷.

Именно сёгун Ёсимунэ как раз глубоко почитался двенадцатым сёгуном Иэёси, чья судьба решилась благодаря правилу, подтвержденному Ёсимунэ. Двенадцатый сёгун Иэёси, при котором проводились реформы годов

Тэмпо, был старшим из сыновей одиннадцатого сёгуна Иэнари и стал наследником. Поэтому Иээси, при почти полном незнании конкретного содержания реформ, высоко чтит восьмого сёгуна Ёсимунэ и посещал его могилу. Соответственно упоминание во время обнародования высочайшей воли сёгуна Ёсимунэ (сёгун годов Кёхо) было глубоко связано с личным отношением к нему Иээси.

У Иээси были сложности во взаимоотношениях с отцом и женской частью его двора из-за того, что его мать была протеже первого министра годов Кансэй Мацу дайра Сада но бу, смещенного с поста первого министра по личному распоряжению Иэнари. Тем не менее, Иэнари у которого было более десяти сыновей, достигших совершеннолетия, сделал наследником Иээси, как в свое время Ёсимунэ старшего сына.

Здесь надо напомнить, что принцип наследования был нарушен еще раз при вступлении на престол сёгуна Иэнари — отца Иээси во второй половине 80-х годов XVIII столетия. Тогда безвременная смерть сыновей десятиго сёгуна Иэхару в очередной раз поставила вопрос о наследнике⁷⁸. Наследовать должен был один из представителей дома Таясу. Однако отец будущего сёгуна Иэнари Хару сада из дома Хитоцуба си при активной помощи первого министра Танума Окицугу в результате сложных интриг отправил на иболее вероятного претендента на пост сёгуна из дома Таясу Мацу дайра Сада но бу в качестве наследника в дом Сиракава. Дом Таясу оказался после смерти старшего брата Сада но бу на какое-то время без главы, что позволило сделать Иэнари сёгуном, несмотря на то, что дом Хитоцуба си был младшим по отношению к Таясу⁷⁹.

Сёгун Иэнари прожил 69 лет, из которых почти пятьдесят официально занимал пост сёгуна. Его правление было самым длительным за всю историю существования династии Токугава. 15-летним он вступил на этот пост в 1787 г., и только в 1837 г. передал его наследнику Иээси, сохранив значительное влияние на бакуфу вплоть до своей смерти в 1841 г.

Иэнари мало вникал в политику, полностью полагаясь на старших административных чиновников бакуфу — родню, которые вели все текущие дела. Первые годы его правления совпали по времени с реформами годов Кансэй, которые связываются с именем Мацу дайра Сада но бу, а конец — с началом реформ годов Тэмпо, проводившихся Мидзуно Тадакуни. Сам сёгун не запомнился современникам ни политическими, ни реформаторскими идеями.

Более всего его имя ассоциировалось с борьбой придворных группировок, большим гаремом и влиянием его женщины на политику. Сёгун обладал крепким здоровьем. Несмотря на то, что периодически его беспокоили сильные головные боли, он даже в самые холодные дни не надевал более

двух косодэ (нижняя рубаха, но сившаяся под верхней на кидкой), никогда не пользовался котцу (жаровня с углями для обогрева помещения), каждую неделю проходил курс иглоукалывания и любил соколиную охоту. Сёгун имел множество наложниц и детей. Всего у него помимо жены (она была дочерью даймё Симадзу из Сацума) было около сорока наложниц, родивших в общей сложности пятьдесят пять детей, из которых более двадцати дожили до совершеннолетия. Такое количество детей у сёгуна создало массу проблем для администрации и стало поводом для насмешек современников.

Сёгуна также упрекали в том, что он позволяет женской половине своего дома вмешиваться в принятие важных государственных решений. Дело в том, что при дворе Иэнари приобрели значительное влияние лица, выступавшие патронами тех женщин, которые попадали в сёгунский гарем. Так, Накано Сэкио — приемный отец наложницы Омиё, являвшейся одной из самых влиятельных придворных дам, в любой момент мог получить аудиенцию у сёгуна, а его положение при дворе было сравнимо с положением отца сёгуна — Хитоцуба си Хару сада и отца жены сёгуна — Симадзу Сигэхидэ. После смерти Хару сада и Сигэхидэ влияние Накано Сэкио еще более усилилось, чему не смог воспрепятствовать глава администрации бакуфу Мидзуно Тадакира.

В правление сёгуна Иэнари возвышение его родственников достигло такого предела, что 20-30-е гг. XIX в. нередко в литературе именуется эпохой трех старцев — Хитоцуба си Хару сада, Симадзу Сигэхидэ и Накано Сэкио. Все оказывали на сёгуна Иэнари огромное влияние в ущерб интересам других близких двору домов (в первую очередь госанкэ). Все трое играли ключевую роль в закулисной борьбе того времени и имели множество противников и просто завистников. Все они отличались стремлением к роскоши, что вызвало не приязненное отношение к ним в обществе.

Выходец из госанкэ Хитоцуба си Хару сада приложил много усилий для того, чтобы его сын Иэнари стал сёгуном. В борьбе за этот пост для Иэнари с влиятельными домами Овари, Кии и Мито, Хару сада активно опирался на помощь самых различных домов, в том числе и тодзама (не имевших близких отношений с домом Токугава). В качестве платы за это законной женой Иэнари стала дочь главы второго по величине дома Японии — Симадзу из Сацума. При прежних сёгунах контакты с такими домами ограничивались строго официальными отношениями, но Хару сада в нарушении правил добился того, чтобы женой, Иэнари, тогда еще наследника, стала девушка из дома тодзама, что обеспечило ему поддержку со стороны многих извещных домов этой группы.

При Иэнари Харусада получил безраздельный контроль над бакуфу и сохранил его в течение трех последующих десятилетий вплоть до своей смерти в 1827 г. Не будет преувеличением сказать, что первая половина правления сёгуна Иэнари была не столько эпохой самого Иэнари, сколько эпохой — Харусада. Дом отца сёгуна поражал изысканностью, как это подобает истинному правителю страны. И пока Иэнари занимался своим многочисленным гаремом, страной управлял Харусада при помощи первых министров — сначала Мацудайра Нобуакира, а затем Мидзуно Тадакира.

Симадзу Сигэхидэ после заужества дочери официально ушел в отставку с поста главы дома, передав его своему сыну Наринобу, и поселился в столице, где пользовался значительным влиянием, соревнуясь с Харусада в роскоши и изысканности. В 1809 г. Сигэхидэ сместил Наринобу, когда тот посмел порицать отца за неумеренность в расходах. После Наринобу дом возглавил его сын — Нарюки, который уже ни в чем не пережил Сигэхидэ, всецело следуя его воле.

Для укрепления связей дома Симадзу с домом Хитоцубаси, Сигэхидэ женил своего правнука Симадзу Нариакира на дочери тогдашнего даймё Хитоцубаси, являвшейся внучкой Харусада⁸⁰. Заключая этот брачный союз, Сигэхидэ строил далеко идущие планы. После того, как сёгуном стал Иэнари из дома Хитоцубаси, именно этот дом стал наиболее близким к сёгунскому и должен был представлять на следника в случае отсутствия у сёгуна сыновей. Сигэхидэ надеялся, что ребенок родившийся, от брака Нариакира, свяжет его кровными узами с Хитоцубаси и через него с сёгунским домом. Однако брак этот не дал детей, и Сигэхидэ пришлось довольствоваться лишь ролью отца жены сёгуна, которая правда тоже давала значительный вес в столице.

Симадзу Сигэхидэ использовал свое возросшее влияние для того, чтобы получить дополнительные привилегии Сацума в торговле с Китаем. В 1818 г. ему удалось выдать свою приемную дочь за родственника первого министра Мидзуно Тадакира — даймё Мидзуно Тадамицу. По этому в министерстве Тадакира внимательно прислушались к просьбам из Сацума. В 1834 г. Сацума получает разрешение на торговлю с Рюкю на 20 лет.

Харусада для достижения своих целей умело использовал детей сёгуна Иэнари. Он направляет его сыновей и дочерей в качестве на следников в клочьях дома даймё для усиления своего влияния. Своих детей он определил в дома госанкэ Хитоцубаси и Таясу, а детей Иэнари — в дома госанкэ (Кии, Овари и Мито), практически полностью выключив их из придворной борьбы. Одним из первых получил в жены дочь Иэнари даймё Мито по имени Токугава Наринобу. Сыновей получили дома Кии и Овари. Посредником в этих переговорах зачастую выступал родню Мидзуно Тадакира,

который успешно использовал при этом финансовые затруднения даймё. Например, после женитьбы даймё Мито бакуфу обжаловалось выплачивать по 10 тыс. рё в год в качестве компенсации расходов дома на содержание высочайшей особы. Это была значительная сумма, если учесть, что общий годовой доход Мито составлял в то время около 100 тыс. рё.⁸¹

В 1827 г. Харусада умирает. После него постепенно усиливаются позиции при дворе наложницы Иэнари Омие и ее приемного отца Накано Сэкио. Однако ни по масштабу влияния, ни по умению проводить свою политику они не могли сравниться с Харусада. В результате обостряется борьба придворных группировок, что приводит к ослаблению Сацума и усилению госанкэ.

Влияние дома Симадзу постепенно ослабевает из-за внутренних противоречий. В 1833 г. умирает Сигэхидэ. После его смерти в Симадзу разрастается конфликт между главой дома Симадзу Нарюки и Симадзу Нариакира. Поскольку брак Нариакира был бездетным, ему пришлось отказаться от мысли сблизиться с сёгунским домом и попытаться возглавить дом Симадзу, что раскололо этот дом на враждующие партии и сильно ослабило его позиции в столице, особенно после смерти первого министра Мидзуно Тадакира в 1834 г. Этим незамедлительно воспользовались его противники, которые напали атаку на самую важную привилегию Симадзу — вести внешнюю торговлю через Рюкю. В 1837 г. действие этого разрешения было приостановлено⁸², и усилия дома Симадзу были направлены только на то, чтобы добиться восстановления этой привилегии, однако они не принесли успеха.

Партия Омие была очень слаба, чтобы контролировать даймё и, что важнее — дома госанкэ, которые приобретают самостоятельную роль в придворной борьбе и начинают бороться за лидерство при дворе сёгуна и за влияние в выборе наследника наравне с госанкэ. Одним из первых заявил о своей самостоятельности дом Мито, главой которого был упоминавшийся выше Токугава Наринобу, же на тый на дочери Иэнари. Он не имел детей, поэтому в этом доме проблема наследования становится причиной конфликта его самураев с администрацией бакуфу. Последняя предложила наследника из дома Симадзу, а самураи Мито поддержали кандидатуру младшего брата Наринобу — Нариаки. В конечном итоге главой дома Мито стал Токугава Нариаки, но за это бакуфу отказало ему в финансовой помощи. Для дома это был чувствительный удар, что сделало неизбежным проведение внутренних реформ, направленных на финансовое оздоровление, включавших экономии расходов и повышение доходов (реформ годов Тэмпо в Мито).

В то же время проведение реформ годов Тэмпо в Мито дало Нариаки политический шанс — он обрел имидж реформатора. После официальной передачи сёгунского поста Изэси Нариаки начинает активно ратовать за проведение внутренних реформ в стране и направляет несколько писем в адрес сёгуна Изэси, доказывая необходимость преобразований на уровне бакуфу по рецептам, опробованным в Мито. “Найо гайкан” (внутренние ве урядицы и внешние осложнения), — так именовал он свои идеи, — заимствовав этот термин у Мацудайра Сададзюбу, использовавшего его во время реформ конца XVIII столетия.

Когда стало ясно, что Изэари намерен официально передать пост сёгуна Изэси, у Омие, положение которой целиком и полностью зависело от Изэари, появились могущественные противники, делавшие ставку на нового сёгуна. В их число вошли известные дома госанкэ, некоторые административные чиновники бакуфу, а также недовольная часть женской половины сёгунского дома, руководимая постепенно набравшей силу придворной дамой по имени Анэкодзи из известной придворной фамилии в Киото. Ключевую роль во фракции Изэси играл дом Кию, пользовавшийся сильной поддержкой женского окружения нового сёгуна.

Уже в середине 30-х гг. борьба разгорелась с такой силой, что стала достоянием общественности, положив начало острой критике дурных нравов женской половины сёгунского дома (руководимой Омие), а также обвинениям в расточительности администрации бакуфу и окружения сёгуна Изэари. Особенно много уколов досталось первому министру Мидзуно Тадакира.

Так получилось, что после отставки Мацудайра Сададзюбу в течение сорока лет на посту первого министра находились с небольшим перерывом только двое — Мацудайра Нобуакира и Мидзуно Тадакира. В общественном мнении они получили прямо противоположные оценки. Деятельность Мацудайра Нобуакира как активного участника реформ годов Кансэй, последовательно продолжившего их курс, была признана положительной. Что касается Мидзуно Тадакира, то считалось, что он предал забвению курс реформ годов Кансэй, и ситуация при нем во многом напоминала о временах правления Танума Окицугу, являвшегося символом корыстного чиновника. Современники критиковали Тадакира за отход от “правильной” линии, преобретение административными обязанностями, использование личных связей, поощрение взяток и применение недостойных методов. Об отношении к Тадакира образно свидетельствует популярный каламбур того времени: “Мидзуно дэтэ мотоно танума ни нари ни кери”. Фраза имеет два перевода: “После того, как уходит вода, остается поле, покрытое грязью” и “Мидзуно появился и стал таким же, как Танума”.

Политическая карьера Мидзуно Тадакира началась в 1785 г., когда он стал косё (секретарем-камердинером) при Изэари, который в то время еще не был сёгуном. Общественное мнение целиком приписывает последующее продвижение Тадакира по служебной лестнице бакуфу от косё до родзю этому факту, а также по мощи ловкого каро дома Мидзуно (старшего администратора из числа самураев дома) по фамилии Хидзика Та Нуиносукэ, главным средством которого в улаживании дел служили подарки и подношения. Кроме того, Тадакира своими действиями выразил симпатии к Танума Окицугу, сыну которого он вернул конфискованные отцовские владения в Сагара и позволил занять пост вакадосиэри (всего на один ранг ниже родзю), что также было негативно воспринято в обществе.

В действительности же пороки и злоупотребления, приписываемые Мидзуно Тадакира его критиками, были значительно меньшими, и его действия не выходили за рамки общепринятого тогда поведения. К тому же, если действия отца сёгуна Харусада из дома Хитоцубаси, по поручению которого действовал Тадакира, остались в тени, то, понятно, что вся критика была направлена на первого министра.

Лидер реформаторской партии Мидзуно Тадакуни в силу сложившихся обстоятельств также примкнул к критикам Тадакира. Тадакуни был первым министром при наследнике и сразу оказался в числе сторонников нового сёгуна Изэси, для которых Тадакира был удобным объектом для обвинений.

Начиналась же карьера Мидзуно Тадакуни при активной поддержке Мидзуно Тадакира. Он был его дальним родственником и в свое время дал себя уговорить поступить на административную службу. Для этого в качестве предварительного шага потребовалось уйти из владений Карацу (они находились на Кюсю), даймё которых нес необременительные обязанности по обороне Нагасаки, в какие-то иные владения, подходящие для административной карьеры. Были выбраны расположенные недалеко от столицы владения Хамамацу.

Оказалось, что реальные доходы Хамамацу значительно ниже доходов Карацу. При одинаковом официально зарегистрированном доходе в 60 тыс. коку Карацу реально мог дать 250 тыс. коку, а Хамамацу — лишь около 150 тыс. Поэтому часть самураев дома Мидзуно Тадакуни выступила против его планов, а один из старших административных чиновников даже совершил сэшпукэ (самоубийство) в знак протеста⁸³. Тадакуни все же сделал по-своему, рассчитывая, видимо, на административных постах компенсировать материальные потери. По этой причине он постоянно стремился как можно выше подняться по служебной лестнице, чтобы получить до пол-

нительные земельные владения (заметим, что ему так и не удалось достичь уровня до ходов Карацу).

В 1817 г. Мидзуно Тадакуни перешел в Хамамацу и начал карьеру чиновника, шаг за шагом проходя все ее ступени, пока в 1828 г. не стал родю западной части замка, где была в то время постоянная резиденция наследника. Живя в столице, он помогал Мидзуно Тадакира, который определял его на службу к будущему сёгуну Изэси, тогда еще на следнику, чтобы держать под контролем его действия. Тадакуни удалось установить прочные связи с Изэси, очень пригодившиеся, когда по следний стал сёгуном. Он устроил нескольких женщин в гарем Изэси, в том числе, мать будущего наследника, а также Окин, которая стала любимой наложницей Изэси. Родив ему троих детей, Окин заняла важное место в иерархии женской половины сёгунского дворца, постоянно оказывая поддержку Тадакуни. Ее безвременная смерть в августе 1843 г. в возрасте лишь 25 лет предшествовала падению Тадакуни, который в следующем месяце был отправлен в отставку

84

В 1834 г. Мидзуно Тадакира умирает. Тадакуни занимает освободившееся место родю центральной части замка и становится членом совета родю — основного административного органа бакуфу. С самого начала своей деятельности он возлагает большие надежды на связи с Изэси, а его отношения с Омиё, которая до самого конца делала ставку на Изэнари, постепенно начали накаляться. Поэтому он примкнул к противникам Омиё и оказался в числе критиков Тадакира.

Так распределились противоборствующие стороны при переходе власти от Изэнари к Изэси. Ни одна партия не имела подавляющего преимущества. Даже сёгун и его партия имели неустойчивое положение. Несмотря на то, что Изэси стал наследником на законных основаниях, интриги против него продолжались и после того как он стал сёгуном: Поэтому для него остро стоял вопрос об укреплении собственной власти, и провозглашение реформ было в его интересах.

Послание Токугава Нариаки с предложениями о реформах

Как уже отмечалось, в правление Изэнари на протяжении длительного времени госанкэ не играли значительной роли при сёгунском дворе: они не только вернули себе прежние позиции при дворе, но и значительно

усилили свое влияние на политику бакуфу, чему способствовали экономические трудности в стране, обусловившие необходимость преобразований.

Токугава Нариаки, став главой дома Мито, лишился регулярной финансовой поддержки со стороны бакуфу. Чтобы компенсировать потери даймё пришлось предпринять ряд внутренних реформ, что создало ему репутацию реформатора, и он не преминул воспользоваться этим для укрепления своих позиций при дворе.

Токугава Нариаки направляет в адрес сёгуна Изэси ряд писем, содержащих предложения по поводу изменения ситуации в стране. Наиболее известное из них датируется июнем 1839 г. Историки дали ему на звание "Бодзю фудзи" (Письмо года собаки) в соответствии с принятым тогда летоисчислением.

Послание Нариаки достаточно объемно, по современным издательским нормам примерно 20 страниц машинописного текста. Проблемы в нем изложены с подразделением на внутренние (найю) и внешние (гайкав). Первым отведен значительное больше места, что отражало их приоритетное значение для автора.

Нариаки полагает, что общество, как и организм большого человека, нужно свое временно лечить, чтобы не получить осложнений⁸⁵. Симптомами болезни являются трудности внутри страны и внешняя угроза.

В качестве первой меры для поддержания мира и спокойствия, а также для нормализации управления бакуфу Нариаки считает необходимым представить чиновникам и самураям возможность свободно высказывать свое мнение по вопросам управления государством и на родом. В связи с этим он предлагает порвать с существующей практикой, когда советниками является узкий круг приближенных сановников и женщин, весьма падких на взятки (имеется в виду окружение сёгуна Изэнари)⁸⁶. Особенно не терпимо Нариаки относится к взяткам. Он пишет: "Во взятках помимо прямого вреда есть еще и скрытое зло. Если кто-то берет взятки от лъстцов и за это предоставляет им должности, то и те берут взятки и, в свою очередь, также продвигают лъстцов по служебной лестнице. Поэтому для управления Поднебесной нет порока хуже взяточничества. Проводя преобразования, очень сложно выявить всех взяточников, но если в обществе можно будет свободно высказывать свои мнения, то при внимательном ознакомлении с ними можно будет понять, где именно берут взятки"⁸⁷.

Далее он говорит о недостатках в управлении бакуфу и даймё, у которых не хватило запасов зерна для помощи бедствующим во время голода годов Тэмпо, отчего погибло много народа. При этом Нариаки вставляет замечание о слабости военной подготовки самураев и отсутствии поощрения за выигранные боевыми искусствами, отчего, по его мнению, не удалось пре-

тянские бунты в Кофу (провинция Каи) и в Осака (выступление под руководством Осие Хэйхатири), поэтому следует хорошо разъяснить ситуацию, в которой оказалась страна, а также заняться усилением береговой обороны⁹⁷.

Кроме того, в числе важных мер Нариаки называет строгое соблюдение указов о запрете христианства, о выдворении из внутренних вод страны иностранных судов, а также предлагает приступить к строительству крупных судов для нужд береговой обороны при непременном условии — чтобы они не выходили за пределы акватории страны⁹⁸.

Суммируя рассуждения Нариаки, можно отметить следующее. С его точки зрения, основные проблемы страны связаны с внутренней политикой. Это — голод годов Тэмпо, взятки и недобросовестность чиновников, плохое качество монеты, повышение цен, нехватка денег в казне, ослабление воинского духа и падение морали. Большинство проблем можно решить, проводя в жизнь политику соблюдения экономии. Это даст возможность сократить бюджетные расходы, обойтись без перечеканки монеты, не допустить повышения цен, а также заставит самураев заниматься военной подготовкой.

Нариаки говорит о необходимости вернуться к реформам годов Кёхо и Кансэй, которые проводились под лозунгом борьбы с роскошью и за соблюдение экономии. Между ними прошло около 40 лет, поэтому, по его мнению, следует повторять реформы через такой промежуток времени. Далее он пишет, что этот срок уже прошел со времен реформ годов Кансэй, и чтобы сохранить существующую систему на следующие 30-40 лет, важно сейчас провести ряд таких же преобразований.

Соблюдение экономии в жизни сёгуната Токугава

В послании Токугава Нариаки сёгуну проблема соблюдения экономии — одна из центральных. Это не случайно, потому что экономии придавалось исключительно важное значение в сёгунате. Эти простые и хорошо понятные идеи далеко выходили за рамки экономии в обычном смысле этого слова и возводились в ранг принципов государственной политики, за несоблюдение которых строго карали. Поэтому несколько подробнее остановимся на том, какой смысл придавали современники этим идеям.

Роскошь и неумеренность Нариаки относит к главным порокам своего времени. Многие известные политики сёгуната подчеркивали ключевое значение соблюдения экономии. Так, Мацудайра Сада nobu, который осуще-

ствлял руководство реформами годов Кансэй и пользовался большим авторитетом у реформаторов 40-х гг. XIX в., писал: "Просвещенные руководители все соблюдали экономию, а те, кто, в конце концов, потерял свои владения и даже лишился жизни, пребывали в роскоши. Процветание и упадок, возвышение и падение страны зависят от того, соблюдается или не соблюдается экономия"⁹⁹.

Понять полнее суть политики экономии и логику действий администраторов того времени позволяют дневники Фудзита Токо, ближайшего помощника Токугава Нариаки. Размышляя о принципах управления и устройстве государственных дел, он пишет, что экономия — один из принципов сёгуната, а Токугава Иэясу и его сыновья, создавая сёгунат, заложили основы благообразного и экономного поведения, в котором видели одну из основ существующего порядка.

По мнению Фудзита Токо, экономия в сёгунате перестала соблюдаться должным образом. Примерно в годы правления сёгуна Цунаёси (конец XVII в.) появилась тяга к роскоши, что как считает автор дневников, вело к падению нравов и истощению финансов. В годы Кёхо были предприняты попытки изменить положение, но начатые реформы (прекрасные, по его оценке) остались без завершения. Затем, продолжает Токо, к власти пришли нечестные на руку старшие администраторы типа Танума Окипугу, использовавшие ее в своих корыстных целях, и ситуация значительно ухудшилась. Под руководством Мацудайра Сада nobu и в годы Бунка (начало XIX в.) вновь были предприняты попытки поправить положение и осуществить большие реформы, но они также не удалось вследствие саботажа старших администраторов. Поэтому политика пережила застойный период. Фудзита Токо считает, что для возрождения экономии необходимо отправить в отставку лиц, которые обманом прорвались к власти, и вместо них назначить людей просвещенных и высоко нравственных, проявивших себя в воинских искусствах. Важно решительно бороться с тягой к роскоши, покончить со взяточничеством, сделать скромность и экономность первейшими жизненными принципами. Бакуфу должно стать примером в этом, "быть на шаг впереди других"¹⁰⁰.

Обратим внимание на то, что Фудзита Токо говорит о принципах управления в условиях сложившейся внутриполитической ситуации, признавая тем самым, существующие трудности. В первую очередь он обращает внимание на истощение государственных финансов. Для него корни этой проблемы — в падении нравов и нечистоплотности государственных чиновников. В свою очередь падению нравов, по его мнению, способствует привычка к роскоши. Для исправления нравов нужно соблюдать экономию как в государственных делах, так и в быту.

Фудзита Токо пишет: "Роскошь и экономное поведение напрямую сказываются на государственном управлении. У людей низкого социального положения, как только они чуть-чуть ослабят контроль над собой, сразу возникает тяга к изысканной одежде и пище. Но еще в большей степени это относится к лицам высокого положения. Они не имеют недостатка ни в чем, поэтому естественным образом привыкают к роскоши и уже не могут обойтись без дорогих и модных вещей. В результате этого начинают небрежно относиться к государственной политике. Государственные финансы оказываются в стесненном положении. Немало случаев, что и само государство оказывается в опасном положении"¹⁰¹. Для восстановления финансов, заключает автор, необходимо бороться с распространяющимися в обществе вредными привычками, прежде всего, с привычкой к роскоши, а также проводить в жизнь политику экономии.

Пример в этом отношении должен был показывать глава государства. Как образно заметил Нариаки: "Сёгун сродни ветру, а те, кто стоит ниже него — трава. Как при дуновении ветра трава склоняется к востоку или западу, так же и общественные нравы, их разрушение и укрепление — все в воле сёгуна"¹⁰². Сёгун должен был, соблюдая экономию, не только ограничивать себя в использовании государственных средств, но и демонстрировать пример умеренности в своей пище и одежде. Тогда он имеет право требовать того же от своих подданных. Можно с недоверием относиться к искренности помыслов, скрывавшихся за подобным поведением того или иного государственного чиновника, но нельзя отрицать того, что идеи экономии разделяли многие государственные деятели. Особенно она была популярной в период правления восьмого сёгуна Есимунэ, который на официальных церемониях появлялся в одежде из хлопка, и отдал распоряжение сократить до минимума количество блюд, подаваемых к его столу.

Интересны и высказывания о принципах реализации политики соблюдения экономии. Начинать административные и финансовые реформы нужно с принятия жестких мер в отношении административных чиновников, не выполняющих свои обязанности. Сёгун Есимунэ, инициировавший проведение реформ годов Кёхо, так сформулировал эту мысль: "если эти личности (чиновники — С. Т.) ударяются в роскошь и потакают своим желаниям, это не только их собственная ошибка, это недостаток в контроле над ними"¹⁰³.

В то время считалось важным не только усиление контроля над чиновниками, но и привлечение новых людей в администрацию. Токугава Нариаки писал: "Выберите на государственные должности людей, обладающих талантами и добродетелью. Награждайте людей скромных, порядочных, умелых в воинском деле. Обратите свой взгляд и возвысьте вне оче-

ред людей, непревзойденных в литературе и воинском искусстве. Если таким образом вы облагодитесь нравы в Поднебесной, не будет более доброго дела по отношению к Иэясю"¹⁰⁴.

Политика соблюдения экономии, подчеркивали многие видные люди того времени, полезна для достижения самых разнообразных целей, в том числе и для ликвидации последствий голода годов Тэмпо. Чтобы понять логику таких взглядов, снова обратимся к трудам Фудзита Токо. Тяжелые последствия голода, считает он, в определенной степени возникали из-за низкой эффективности деятельности государственных чиновников: "Если будут управлять достойные люди, то никто не будет умирать от голода. Чиновники должны так организовать работу, чтобы заставить богатых (крестьян) помогать бедным, перераспределять рис и зерновые, которые скрывают во время голода беззастенчивые торговцы, создавать зернохранилища на случай голода, из которых продавать и раздавать продовольствие в критическое время"¹⁰⁵. И это была точка зрения не только Фудзита Токо, ее придерживались многие администраторы того времени.

Идеи соблюдения экономии широко использовались при проведении аграрной политики. Интересен в этом плане доклад дайкана Яманути Гоитиро от августа 1843 г., от правлений по поводу реформ, касавшихся сбора поземельного налога: "На местах многие годы господствуют дурные нравы, которые трудно поддаются исправлению. Давно хотелось, чтобы были даны указания об их скорейшем исправлении. Исходя из принципов управления людьми, основанных на поощрении и наказании, необходимо усилить строгость, чтобы исправить испорченные нравы. Не существует людей, порочных от рождения, но нынешние люди, руководствуясь дурными мыслями, совершают недопустимые поступки — тратят нерационально свои средства, закладывают свои поля, унаследованные от предков, начинают воровать имущество других, если сами попадают в трудное положение. К счастью, мы живем в управляемом мире ... и многочисленные распоряжения в области сиссо и кэнъяку (умеренности и экономии — С.Т.) в еде, одежде и жилище призваны помочь каждому"¹⁰⁶.

Большое значение, придаваемое политике соблюдения экономии, и ее посредственное участие в ней высших руководителей бакуфу делали ее также удобным инструментом политической борьбы. Даже самого сёгуна можно было критиковать за недостаточную приверженность принципам экономии, как это пока зал пример Иэнари. Но в еще большей степени эти принципы использовались как инструмент в борьбе между политическими группировками при сёгунском дворе, боровшимися за власть. Это в полной мере проявилось в 1841 г., о чем будет сказано ниже.

Играя важную роль в жизни сёгуна Токугава, политика соблюдения экономии являлась также способом решения бюджетно-финансовых проблем правительства и борьбы с ростом цен. Однако проведение такой политики подразумевало не только сокращение расходов. Считалось, что это позволит существенно повлиять на общественное сознание, заставит административных чиновников более прилежно исполнять свои обязанности, а простых жителей и самураев более строго придерживаться морально-нравственных норм.

Соответственно, административные чиновники, выступавшие за проведение политики соблюдения экономии, важными составными элементами политики стабилизации финансов видели не только собственно финансовые меры по сокращению государственных расходов и повышению доходов, но также борьбу с роскошью и другими пороками, которые, как считалось, влияют на состояние финансов государства.

Поэтому рассуждения о не необходимости экономии не были просто риторикой. Большая кампания по соблюдению экономии не только во многом определила политику годов Тэмпо, но по своим масштабам превзошла все другие кампании, которые пережила Япония на протяжении всей истории существования сёгуна Токугава.

* * *

Итак, в 40-х гг. XIX в. несколько факторов обусловили неизбежность реформ. Прежде всего, это напряженная ситуация в экономике страны, особенно с государственными финансами. Затем обострение борьбы придворных группировок в момент передачи власти от сёгуна Иэвару к Иэёси, что заставляло бакуфу обратить внимание на финансово-экономические трудности и вместе с тем использовать их в своих политических целях. В то же время проведение преобразований по образцу реформ годов Кёхо и Кансэй представлялось политиком годов Тэмпо полезным как для нормализации обстановки в стране, так и для достижения своих планов в борьбе за власть.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Лещенко Н.Ф. "Революция Мэйдзи" в работах японских историков марксистов. М., 1984; Совастеев В.В. Проблемы буржуазной революции Мэйдзи в японской историографии, Владивосток, 1984.
- 2 Оиси Синдзабуро. Тэмпо ки-но сэйкаку. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1976. С. 354.
- 3 Нихон си дзитэн. Токио, 1966. С. 1091.
- 4 Абэ Макото, Сакаи Хадзимэ. Хокэн-но доё. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1963. С. 4.
- 5 Сибусава Эйити. Токугава Ёсинобу ко дэн. Т. 1. Токио, 1971. С. 17-18.
- 6 Окамото Рёити. Тэмпо кайкаку. Нихон рэкиси. Т. 13. Токио, 1964. С. 349.
- 7 Нихон си дзитэн. С. 1092-1093.
- 8 Оиси Синдзабуро. Указ. соч. С. 350.
- 9 Китадзима Масамото. Бакухан тайсэй-но кумон. Нихон рэкиси. Т. 18. Токио, 1966. С. 232.
- 10 Фудзино Тамоцу. Нихон хокэнсэй то бакухан тайсэй. Токио, 1980. С. 302.
- 11 Тояма Сигэки. Киндай си гайсэцу. Нихон рэкиси. Т. 14. Токио, 1963. С. 20.
- 12 Симадзу Нариакира-но субэтэ. Токио, 1989. С. 41.
- 13 Кавасаки Фусагоро. Эдо. Токио, 1987. С. 15.
- 14 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. Токио, 1989. С. 53-55.
- 15 Нихон-но мэйтё. Т. 29. Токио, 1973. С. 87.
- 16 Baba Masao, Masahiro Tanemoto. Foreign trade and economic growth of Japan. Токио, 1968. Р. 73.
- 17 Нихон-но мэйтё. Т. 26. Токио, 1970. С. 18.
- 18 Хаями Акира. Дзинко то кэйдзай. Токио, 1975.
- 19 Там же.
- 20 Сэкияма Наотаро. Указ. соч. С. 137-141.
- 21 Хокэн сякай-но мурато мати. Токио, 1961. С. 302.
- 22 Цудзи Тацуя. Токугава Ёсимунэ. Токио, 1958. С. 81.
- 23 Нихон-но мэйтё. Т. 29. С. 95-96.

- 24 Ояма Сикитаро. Бакумацу дзайсэй си кэнкю. Токио, 1974. С. 34-35.
- 25 Тотиги кэн си. Т. 5. Токио, 1974. С. 812-814.
- 26 Окамото Рёити. Указ. соч. С. 349.
- 27 Такэути Макото. Бакуфу кэйдзай-но тэнбо то кингю сэйсаку-но тэнкай // Нихон кэйдзай си тайкэй. Т. 4. Токио, 1965. С. 208.
- 28 Офурэгаки Тэмпо сүсэй. Т. 2. Токио, 1958. С. 168.
- 29 Миками Рюдзо. Эдо-но кахэй моногатари. Токио, 1996. С. 150.
- 30 Миками Рюдзо. Эдо бакуфу, тосан-э-но мити. Токио, 1991. С. 44.
- 31 Миками Рюдзо. Эдо-но кахэй моногатари. С. 120-122.
- 32 Кобата Адуси. Нихон киндзан-си-но кэнкю. Токио, 1968. С. 141.
- 33 Миками Рюдзо. Эдо-но кахэй моногатари. С. 182.
- 34 Там же. С. 182-184.
- 35 Цудзи Тацуя. Указ. соч. С. 103-105.
- 36 Миками Рюдзо. Эдо-но кахэй моногатари. С. 107.
- 37 Сакудо Ётаро. Кинсэй хокэн сякай-но кахэй кингю кодзо. Токио, 1971. С. 238.
- 38 Нисикава Сюнсаку. Нихон кэйдзай-но сэйтё си. Токио, 1985. С. 47.
- 39 Яги Акихиро. Кинсэй-но сёхин рюцу. Токио, 1978. С. 179.
- 40 Ока Мицуо. Носон хэнбо то дзайга сёнин. Нихон рэкиси. Т. 12. 1976. С. 74.
- 41 Smith Th. C. Agrarian origins of early modern Japan. Stanford, 1959. P. 167.
- 42 Андо Сэйити. Эдо дзидай-но номин. 1959. С. 59.
- 43 Аоки Митио. Тэмпо содо ки. Токио, 1979. С. 96.
- 44 Нихон кэйдзайси. Т. 2. Токио, 1989. С. 46.
- 45 Токио-но хякунэн си. Т. 1. Токио, 1973. С. 1069.
- 46 Там же. С. 1061.
- 47 Яги Акихиро. Указ. соч. С. 179.
- 48 Там же. С. 192.
- 49 Там же. С. 166, 178.
- 50 Аоки Митио. Указ. соч. С. 92-93.
- 51 Иноуэ Кацуо. Бакумацу исин сэйдзи си-но кэнкю. Токио, 1994. С. 86.
- 52 Миякэ Цугунобу. Бакумацу исин ки Тёсюхан-но сэйдзи кодзо. Токио, 1993. С. 86-181.

- 53 Hauser W.B. Economic growth and institution change in Tokugawa Japan. Cambridge, 1974. P. 16.
- 54 Аоки Митио. Указ. соч. С. 21.
- 55 Китадзима Масамото. Токугава Иэясу. Токио, 1963. С. 165-168.
- 56 Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн. Токио, 1974. С. 37-38.
- 57 Там же. С. 80-81.
- 58 Китадзима Масамото. Токугава Иэясу, С. 212.
- 59 Там же. С. 166.
- 60 Там же. С. 182.
- 61 Аmano Ясунори. Кинсэй Нихон то хигаси Адзиа. Токио, 1988. С. 5-7.
- 62 Канбаси Норимаса. Дзусё Хиросато. Токио, 1987. С. 12.
- 63 Судзуки Кодзо. Эдо-но кэйдзай сисутэму. Токио, 1995. С. 148.
- 64 Нихон сисо тайкэй. Т. 38. Токио, 1976. С. 126.
- 65 Цудзи Тацуя. Указ. соч. С. 55.
- 66 Там же. С. 56.
- 67 Там же. С. 74.
- 68 Там же. С. 77-78.
- 69 Там же. С. 36-38.
- 70 Там же. С. 57.
- 71 Там же.
- 72 Нихон си дзитэн. С. 1091.
- 73 Бакумацу офурэгаки сүсэй. Т. 1. Токио, 1992. С. 20.
- 74 Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн. С. 160.
- 75 Там же. С. 194.
- 76 Там же. С. 212.
- 77 Там же. С. 260-261.
- 78 Там же. С. 295.
- 79 Там же. С. 297.
- 80 Самесима Симета. Симадзу Нариакира-но дзэнгё. Токио, 1989. С. 108.
- 81 Мито си си. Т. 3. Токио, 1976. С. 6.
- 82 Канбаси Норимаса. Указ. соч. С. 44.
- 83 Даймё соран. Токио, 1983. С. 190-191.
- 84 Ооку-но сэйкацу. Токио, 1984. С. 293.

- 85 Митохон сирё. Токио, 1970. С. 82.
 86 Там же. С. 85.
 87 Там же. С. 92-93.
 88 Там же. С. 87-88.
 89 Там же. С. 89.
 90 Там же. С. 91.
 91 Там же.
 92 Там же. С. 89.
 93 Там же. С. 94.
 94 Там же. С. 95-96.
 95 Там же. С. 102.
 96 Там же. С. 96.
 97 Там же. С. 102.
 98 Там же.
 99 Нихон сисо тайкэй. Т. 38. С. 256.
 100 Нихон-но мэйтё. Т. 29. С. 101-105.
 101 Там же. С. 154-155.
 102 Митохон сирё. С. 88.
 103 Нихон сисо тайкэй. Т. 38. С. 127.
 104 Митохон сирё. С. 88.
 105 Нихон-но мэйтё. Т. 29. С. 108-109.
 106 Канагавакэн си. Т. 5. Токио, 1975. С. 496-498.

ГЛАВА II РЕФОРМЫ ГОДОВ ТЭМПО

Раздел 1

Обстановка в стране накануне реформ

При изучении реформ и реформаторской политики, в каком бы обществе они ни проводились, основная задача заключается в уяснении целей реформаторов, в выявлении средств, привлекаемых правительством для их достижения, чтобы на основе конкретных результатов, определить эффективность реформ. Для понимания действий реформаторов необходимо, прежде всего, точно очертить временные рамки проведения реформ, ведь, если, например, опустить начальную стадию реформ и анализировать их в середине, вряд ли можно увидеть суть проводившихся мероприятий. Именно этим руководством вался автор при освещении реформ годов Тэмпо.

Обычно в качестве официального начала реформ берется дата 15 мая 1841 г., когда состоялся прием по поводу дня рождения сёгуна, сопровождавшийся оглашением сёгунской воли и выступлением первого министра Мидзуно Тадакуни. При чем сёгунская высочайшая воля не была сформулирована ясно и однозначно и не содержала четкого распоряжения о начале реформ, такого, например, какое было сделано в годы реформ Кёхо.

Можно быстро убедиться, что фактически реформы начались на несколько лет раньше. Если попытаться сравнить распоряжения, изданные до и после 1841 г. можно легко увидеть, что примерно с 1838 г. активно издавались указы, во многом перекликавшиеся с указами периода 1841-1843 гг. Это указы о соблюдении экономии (сначала они были изданы в апреле-мае 1838 г., а затем несколько раз повторялись), указ о проведении переосенки полей (июль 1838 г.), указ о проверке переписных книг в городах (февраль 1840 г.), о подготовке запасов риса на случай стихийных бедствий (апрель 1840 г.), о сокращении деревнями своих расходов (май 1840 г.), о книгах, переведенных с голландского языка (май 1840 г.), об уличных представлениях (октябрь 1840 г.)¹. Добавим, что запрет не санкционированной торговли Сацума был наложен в июне 1837 г.², а реализация его началась с 1839 г., после чего за 1841-1843 гг. повторных распоряжений на этот счет более не издавалось.

Сёгун Иэсси мало уделял внимания практическим вопросам реализации реформ, полностью полагаясь в этом на высших чиновников бакуфу. Значит, вполне допустимо, что указы и распоряжения высших чиновников

сёгуната могли иметь реформаторский характер значительно раньше 1841 г., если касались практических вопросов управления страной.

Остает ся открытым вопрос о том, почему высочайшая воля была обнародована в 1841 г., и какой смысл имело ее официальное провозглашение? Приводившийся выше перечень указов бакуфу свидетельствует о том, что до 1841 г. внимательно реформаторов подвергся очень широкий круг проблем — от переводов голландских книг на японский язык до регламентации поведения проституток и экономии средств деревенских бюджетов, но анализ каждой из этих проблем в отдельности не даст убедительного ответа на этот вопрос. Ответ на этот вопрос необходимо искать в сложных отношениях внутри сёгунского дома и с наиболее влиятельными домами даймё.

Анализ распоряжений бакуфу, изданных до 1841 г. пока зывает, что мощным толчком к активизации деятельности чиновников бакуфу стали голод годов Тэмпо и работы по восстановлению западной части сёгунского замка (Нисимару), сгоревшей незадолго до этого. Именно это и заставило администраторов бакуфу взяться за оздоровление финансов и решение других многочисленных проблем, накопившихся в обществе. Работа эта проводилась под общим руководством родзо Мидзуно Тадакуни, который полностью определял стратегию и тактику реформ, а также нес ответственность за их результаты.

Голод 30-х гг. XIX в. и обострение экономических проблем

Голод годов Тэмпо был одним из самых жестоких за последние пятьдесят с лишним лет существования сёгуната, когда страна пережила пять таких крупных неурожаев — в годы Кангэй, Кёхо, Тэммей, Тэмпо и Кэйю. Он продолжался несколько лет и затронул обширные районы с севера страны до южных владений, но особенно он свирепствовал на северо-востоке.

Сначала лето 1833 г. выдалось необычайно холодным. Осенью того же года на севере страны в районе Тохоку произошло сильное наводнение, а в долине Канто не прекращались дожди с ураганным ветром, за которыми последовало похолодание, в результате чего погиб весь урожай. Начался голод, повлекший за собой рост цен. Во многих северных районах урожай в том году составил половину и менее обычного, в некоторых местах урожай погиб полностью. В октябре уже на 1 рё можно было купить менее 100 кг риса, что в преддверии зимы обещало плохие перспективы, особенно учитывая то, что предшествующие несколько лет цены на рис постоянно по-

вышались. Градоначальник Осака вынужден был принять меры для увеличения поставок продовольствия в Эдо. Сначала было запрещено скупать продовольствие и придерживать его до повышения цен, затем весной следующего года были проведены проверки в деревнях, расположенных близ Эдо, с целью выявления хозяев, придерживающих продовольствие.

Бакуфу издает также несколько указов, запрещающих повышение цен. Одновременно, чтобы добиться строго исполнения распоряжений были приняты жесткие меры против торговцев. В октябре 1833 г. был арестован и заключен в тюрьму в городе Хёго Такатая Кимпэй по обвинению в нарушении закона о заготовках риса на случай стихийных бедствий. Было конфисковано огромное состояние. Однако бакуфу было разочаровано результатами, так как основную часть из 8 млн. 278 тыс. рё и 924 547 мешков риса составили долговые расписки и обязательства, а реально конфискованные денежные суммы и рисовые запасы были незначительными³.

В 1834 г. урожай почти достиг обычного уровня, но цены не снизились, что предвещало продолжение тяжелой ситуации.

В 1835 г. на севере страны погода вновь была неустойчивой. Летом и осенью произошло резкое похолодание, в результате чего был собран чрезвычайно низкий урожай⁴. Следующий год лишь ухудшил ситуацию.

Зима в 1836 г. выдалась очень мягкой, но весной из-за северных ветров началось резкое похолодание, так что даже в Канто приходилось по утрам надевать теплую одежду. С наступлением осени участились дожди, на севере сменившиеся ранними заморозками. В итоге в Тохоку не созрел не только рис, но и другие зерновые.

Неурожай затронул обширные районы, включая запад и юго-запад страны, где сбор урожая не превышал одной трети обычного. Ситуация ухудшилась вследствие перекачки медной монеты, начатой в 1835 г. В результате цены поднялись до небывалой высоты, когда за 1 рё можно было купить только 50–70 кг риса.

Сильный неурожай почти по всей стране и высокие цены очень затруднили доставку дополнительного продовольствия в наиболее пострадавшие северные районы, поэтому количество погибших от голода превысило несколько десятков тыс. человек. В августе и сентябре 1836 г. происходят крестьянские волнения в центральных провинциях Каи и Микава, получившие большой резонанс в стране.

Бакуфу было опять вынуждено принять меры против скупки продовольствия, разрешив торговлю рисом даже не членам гильдий, а также издав ограничения на использование риса для производства сакаэ. Из столицы был запрещен вывоз продовольствия. Даймё получили распоряжение привезти в столицу дополнительное количество риса, во исполнение которого

ними было доставлено 27 700 коку. Увеличилось количество раздаточных продовольственных пунктов⁵. С 1833 по 1837 гг. пять раз проводилась бесплатная раздача продовольствия и денег из резервов бакуфу на случай голода, причем дважды в 1836 г. (см. таблицу 12).

Были организованы приюты, в которых могло пребывать одновременно 5800 человек. Здесь также производилась бесплатная выдача продовольствия из расчета 3 го — около 500 граммов в день⁶.

В городе резко упала занятость населения. Городские власти были вынуждены организовать общественные работы по расчистке замковых рвов. В 1837 г. на них ежедневно было занято по 600 человек, которым выдавалось в качестве платы по 176 мон в день⁷.

Жесткие меры применялись против торговцев. В мае 1836 г. в Эдо было арестовано несколько рисоторговцев-фудаси из квартала Саруяте, в том числе Мацую Сакити и Инкё Садакити, по обвинению в излишней роскоши. У них были отобраны лицензии на ведение торговой деятельности и конфискованы усадьбы. Фудаси из квартала Тэнгьотё Исэя Кахэй был обвинен в том, что он подражал в своем образе жизни даймё — устраивал представления театра Но и соколиные охоты в своей усадьбе. Также по обвинению в чрезмерной роскоши было наказано несколько человек, торговавших удобренными, сахаром и другими товарами. Большинство арестованных торговцев было отправлено в тюрьму.

Таблица 12*. Раздачи продовольствия населению столицы из хранилищ бакуфу

Период	Всего роздано норм **	Общее количество выданного риса (в коку)	Количество выданных денег (каммон)***
Сентябрь-октябрь 1833 г.	318 420	11 939	
Октябрь-декабрь 1833 г.	319 359	11 985	
Июнь-август 1834 г.			
Июль-сентябрь 1836 г.	333 827	12 522	
Ноябрь 1836 – апрель 1837 г.	350 355	6 562	109 377
	409 164	15 359	

* Ёсида Нобуюки. Кинсэй кёдай тоси-но сякай кодзо. Токьо, 1991. С. 14.

** Обычная норма равнялась 3 сё 7 го на человека, что составляет около 6.7 кг.

*** 1 каммон равнялся 100 медных мон.

Один из торговцев Исэя Кахэй, испугавшись ареста, повесился. Чтобы избежать дальнейших репрессий, рисоторговцы-фудаси срочно сделали большой денежный взнос в казну бакуфу — 50 тыс. рё единовременно и обязались уплачивать по 10 тыс. рё ежегодно в течение последующих пяти лет⁸. Бакуфу интересовало не только строгое соблюдение экономии торговцами, но и деньги ростовщиков. Репрессивными мерами подлозунгом соблюдения экономии бакуфу пыталось завладеть их капиталом, однако оно быстро убедилось, что те не обладают несметными сокровищами, и прекратило аресты.

Не сумев получить значительные средства от рисоторговцев, бакуфу попыталось в максимальной степени извлечь доходы от перечековки медной монеты. Ее было необходимо быстро обменять на золотую, по этому в декабре 1836 г. бакуфу установило заниженный обменный курс: вместо 6650 медных мон за 1 рё — 5850 мон за 1 рё. Было дано распоряжение мевьялам производить без ограничений обмен по новому курсу. Одновременно бакуфу ввело ограничение на обмен бумажных денег, выпускавшихся даймё, чтобы быстрее провести обмен своих запасов монеты. Вся операция завершилась в короткие сроки, так как уже была намечена перечековка золотой монеты, и высокий курс медной поддерживался только в зимние месяцы. Уже в марте 1837 г. бакуфу распорядилось понизить обменный курс медной монеты, а летом этого года провело перечековку золотой⁹. Все эти действия значительно дестабилизировали и без того сложную ситуацию на внутреннем рынке.

В феврале 1837 г. произошло восстание в Осака (под руководством Оспо Хэйхати ро), отразившее накаленную обстановку в стране.

Погода вновь не благоприятствовала хорошим урожаям. С февраля 1837 г. опять пошли дожди с сильным ветром. На острове Сикоку в мае началась эпидемия, что еще более ухудшило снабжение продовольствием центральных районов, в результате чего опять повысились цены¹⁰.

В 1838 г. плохие погодные условия на севере в Тохоку и неурожай на Сикоку продолжили череду неурядиц последних лет, а новая перечековка монеты еще более ухудшила положение с ценами. В мае на острове Садо произошел новый бунт, что всерьез обеспокоило высших руководителей бакуфу.

Голод высветил сразу несколько острых проблем. Во-первых, резко снизился сбор поземельного налога, так как во многих деревнях были введены налоговые льготы, и размер податей был сокращен на 30-50%. В 1835-1836 гг. сбор поземельного налога дал чуть более 1 млн. коку риса, что было самым низким показателем со времени голода годов Тэммей (80-е гг. XVIII в.)¹¹. При таких низких доходах пожар в западной части замка

(Нисимару) в марте 1838 г. явился настоящим бедствием, потребовав дополнительных финансовых ресурсы и еще более увеличив расходы бакуфу.

Во-вторых, были де стабилизированы кредитная и денежная системы. Низкий уровень доходов вынудил власти пойти на сокращение выплат пайков самураям и временно прекратить выдачу кредитов. Масштабная раздача бесплатного продовольствия из хранилищ бакуфу, которые в нормальной обстановке функционировали как кредитные учреждения, уменьшили их резервы.

В 1836 г. запасы риса в хранилищах бакуфу, предназначенные для помощи населению, уменьшились в три раза, а денег — в два раза по сравнению с 1828 г. (см. таблицу 13). Возникла опасность, что эти запасы иссякнут, и тогда будет трудно удержать ситуацию под контролем и предотвратить бунты (утиковаси), какие были в Эдо в период голода годов Тэммей.

В 1836 г. массовые раздачи пришлось проводить дважды, несмотря на самый малый уровень запасов. По этому на следующий год были предприняты экстренные меры для пополнения запасов продовольствия и было дано распоряжение вывезти в столицу большую часть хранившегося продовольствия, что поставило Осака в критическую ситуацию. Это было одной из причин выступления его жителей под руководством Осиро Хэйхатиро, направленного против политики бакуфу, брошившего город на произвол судьбы. К счастью для Осака, голод не усилился, что спасло население. Однако появление в качестве руководителя вооруженного выступления лица в статусе самурая было крайне серьезным сигналом для руководителей бакуфу, свидетельствовавшее о радикализации настроений в среде самурайства и его готовности организовывать антиправительственные выступления.

Таблица 13*. Запасы риса и наличных денег в учреждениях бакуфу

Год	Количество риса (коку)	Количество денег (рё)
1828	171 109	462 400
1834**	93 710	260 000
1835	98 026	259 828
1836	57 441	224 000
1842**	160 000	
1843	229 083	168 629

* Ёсида Нобуюки. Кинсэй кёдай тоси-но сякай кодзо. Токио, 1991. С. 14.

** Данные за 1829-1833 и 1837-1841 гг. отсутствуют.

В-третьих, в крупнейшие города, находившиеся под контролем бакуфу, устремился поток беженцев, которые наводнили Осака и Эдо. Особенно трудным был 1837 год, когда на улицах каждый день подбирали трупы, а обессиленные люди лежали вдоль дорог и не получали помощи. Продуценты, организованные властями, не могли обеспечить всех, обратившихся туда. В последующие годы ситуация несколько разрядилась, но появилась новая проблема — как вернуть крестьян в деревню, ведь у них уже не было семян, а поля успели стать целиной.

В-четвертых, резко подскочили цены на продовольствие. Например, цена на риса в два и более раз превышала обычный уровень. В отдельные месяцы она поднималась в четыре раза выше обычного.

В-пятых, резко увеличилось число грабителей, разбойников и воров, которые создавали серьезные проблемы с поддержанием правопорядка¹².

В-шестых, голод Тэмпо резко усилил напряженность в деревне и вызвал рост количества крестьянских выступлений. Если в 20-е гг. происходило в среднем ежегодно 30-50 выступлений крестьян, то в 1833 г. их было зарегистрировано — 133, в 1836 — 171, в 1837 — 112¹³.

Тем не менее, финансовые трудности значительно больше заботили реформаторов, чем рост крестьянских выступлений во время голода. Бакуфу в тяжелые годы не доводило дело до крайности и разрешило сокращать в критический момент поземельный налог. Поэтому поводом для выступления крестьян чаще всего становились действия старост и деревенской администрации, к примеру, несправедливая разверстка налогов и трудовой повинности, неправильное использование средств деревенских бюджетов и т. п., а также высокие цены на продовольствие во время голода¹⁴.

Как видим, голод поставил перед бакуфу многочисленные внутренние проблемы, решать которые необходимо было безотлагательно. При этом выбор средств был ограничен рамками прецедентов, созданных в период правления предшествующих сёгунов. Реформы годов Кансэй, одной из важнейших целей которых была ликвидация последствий голода годов Тэммей, и реформы годов Кёхо, включавшие меры по преодолению последствий голода годов Кёхо, отвечали потребностям реформаторов. Поэтому Мидзуно Тадакуни уже с 1838 г. начал реализовывать меры по улучшению финансового положения и ликвидации последствий голода, как это делалось в период предшествующих реформ. С этой целью от лица первого министра были изданы распоряжения о повышении сбора налога, регулировании денежного обращения и цен и др.

Пожар в Нисимару и обострение финансовых трудностей

Не успела страна оправиться от последствий голода, а бакуфу пополнить свои доходы, как возникла новая большая проблема. 8 марта 1838 г. произошел пожар в западной части сёгунского замка, именовавшейся Нисимару, которая выгорела почти дотла. Работы по ее восстановлению потребовали новых крупных расходов.

Восстановление Нисимару стало и острой политической проблемой. Дело в том, что за год до этого сёгун Иэнари удалился в отставку. При этом он сохранил значительное влияние на дела в стране. После своей отставки Иэнари переселился в Нисимару, оставив Иэси Хоммару — основную резиденцию. Бывшего сёгуна многое не устраивало в Нисимару, прежде всего размеры резиденции, которая была мала для его многочисленного семейства. Иэнари был сёгуном на протяжении почти пятидесяти лет и привык, чтобы его распоряжения выполнялись беспрекословно. Под давлением своих многочисленных наложниц и их приближенных Иэнари еще до пожара потребовал расширить Нисимару. Мидзуно Тадакуни уговаривал его временно отложить перестройку, ссылаясь на сложное финансовое положение в стране, только что пережившей голод.

Пожар в Нисимару снял вопрос о сроках проведения перестройки, но обозначил множество других, связанных с финансированием самого строительства.

Бакуфу имело возможность использовать ресурсы даймё и горожан. По традиции, установленной еще при Токугава Иэясу, большие восстановительные работы в сёгунском замке не были делом только самого бакуфу и осуществлялись на средства, поступавшие от всех без исключения самураев, которые в обязательном порядке должны были вносить определенные суммы в соответствии с официальным размером своих владений. Уже 22 марта были даны распоряжения всем самураям о сборе средств на его восстановление в пропорции 1500 рё с каждых 10 000 коку доходов¹⁵.

В результате в 1838 г. было получено в общей сложности 1 млн. 412 тыс. 169 рё, из которых даймё внесли 1 млн. 23 тыс. 934 рё, самурай среднего ранга (с владениями от 500 до 10000 коку) — 80 455 рё, а самурай низкого ранга (с владениями от 100 до 500 коку) — 52755 рё и некоторую сумму горожанам¹⁶. Наиболее крупную сумму в 100 тыс. рё внес даймё Симадзу¹⁷, тогда как самый большой взнос из числа сделанных другими даймё равнялся 30 тыс. рё.

Симадзу рассчитывал этим же путем привлечь на свою сторону Иэнари и женскую половину замка, чтобы добиться возобновления разрешения на торговлю с Китаем, действие которого было приостановлено в предыдущем году. В целом же даймё неохотно давали деньги, ссылаясь на свои трудности. Во время голода годов Тэмпо им пришлось понести значительные расходы. Их финансовые ресурсы сократились из-за массивных закупок продовольствия и временного освобождения деревень от уплаты земельного налога. Бакуфу отреагировало на недовольство самураев изданием распоряжения о строгом соблюдении экономии.

Тадакуни, неспий ответственность за финансы бакуфу, должен был изыскать средства на оплату строительства, что оказалось весьма затруднительно. С одной стороны, даймё неохотно расставались с деньгами, с другой — обитательницы женской половины замка выдвигали все новые требования, что было связано с новыми расходами. Тадакуни должен был учитывать сложное финансовое положение бакуфу. Средств, полученных от даймё, было недостаточно для бакуфу, поэтому пришлось восполнить их за счет доходов, полученных от переканки. В 1838 г. они впервые превысили 1 млн. рё, составив 1 075 950 рё и дав треть всех государственных доходов¹⁸. При этом бакуфу осознало острую необходимость пополнить свои доходы от земельного налога. Необходимо было найти выход из создавшейся ситуации. И Тадакуни прибег к мерам по финансовой стабилизации, которые предпринимались в годы реформ Кёхо и Кансэй, издав указы о соблюдении экономии и улучшении сбора земельного налога. По этому уже в 1838 г. появились указы, которые заложили основу будущих реформ.

Курс, взятый Тадакуни, дал первые плоды. Строительство Нисимару было успешно завершено, и уже в начале 1839 г. сёгун переехал в новые апартаменты, а Мидзуно Тадакуни получил в награду дополнительные 10 000 коку¹⁹. Вместе с тем обострившаяся борьба придворных группировок давала хороший повод для продолжения курса на соблюдение экономии.

Неудача самборётикаэ 1840-1841 гг. и ослабление контроля над даймё

Важной политической проблемой для бакуфу стали отношения сёгунского дома с даймё, которые добавили напряженности в разгоравшуюся придворную борьбу. Эта проблема связана с обустройством детей сёгуна Иэнари, начало которому было положено еще при отце Иэнари Хитодубаси Харусада для усиления позиций сёгунского дома.

Обустройство детей сёгуна стало сложной проблемой для руководителей бакуфу, уже не имевших финансовых возможностей создавать новые дома, как это делалось при Иэясу или Ёсимунэ. Правда, бакуфу еще было в силах выплачивать значительные денежные суммы для компенсации расходов по содержанию высоких наследников, либо предоставлять небольшие земельные владения. Обычно размеры денежной компенсации в таком случае составляли одновременно 10 тыс. рё, после чего ежегодно выделялась меньшая сумма — в 3-5 тыс. рё. В случае предоставления земельных владений определенных правил не существовало. Например, даймё из Миасака в 1817 г. получил дополнительные владения с официальным доходом в 50 тыс. коку, а даймё из Акаси в 1839 г. — с доходом всего 20 тыс. коку²⁰.

После смерти Харусада в 1827 г. действия по обустройству детей сёгуна теряют свою прежнюю целенаправленность и все более из политики бакуфу превращаются в политику даймё, которые в принятии детей сёгуна в свои дома увидели возможность усиления собственного влияния и получения дополнительных средств из казны. Более того, родственные связи с домом сёгуна стали использоваться для приобретения дополнительных выгод за счет соседних даймё. В 1836 г. состоялся трехсторонний обмен владений Татебаяси, Хамада и Танакура, благодаря чему существенно увеличил свои доходы Мацудайра из Татебаяси, зятем которого был один из младших сыновей Иэнари²¹.

Итоги обмена 1836 г., с одной стороны, вызвали желание других родственников Иэнари повторить неравные обмены владениями, а, с другой — сплотили тех, кто мог стать жертвой таких планов. Поэтому следующая попытка провести обмен Кавагоэ, Сёнай и Нагаока в 1840-1841 гг. стала причиной острого конфликта, встретив серьезное противодействие со стороны даймё.

Инициатором обмена 1840 г. стал даймё Кавагоэ Мацудайра Наричуне, который также принял в свой дом одного из сыновей Иэнари и поэтому рассчитывал на поддержку бакуфу в своих действиях. Он решил поменять свои владения на Сёнай — более крупные и доходные, официально зарегистрированный доход которых в 150 тыс. коку почти в два раза превышал официальный доход Кавагоэ, равнявшийся 80 тыс. коку.

Против неравноценного обмена выступил даймё Сёнай по имени Сакаки Тадаката. Не оставило его то, что поручено заниматься практической организацией обмена было Мидзуно Тадакуни. Появляются слухи, что нают кампанию против проведения обмена. Они рассылают письма в адрес влиятельных чиновников. В Эдо были посланы их представители, которые с удивительной легкостью получили доступ ко многим влиятельным госу-

дарственным деятелям, таким как даймё Мито Токугава Нариаки и тайро Ии Наоаки²².

Причины той легкости, с какой крестьяне нашли понимание у самых высших представителей бакуфу, — в настроениях даймё, опасающихся повторения таких обменов как в 1836 г. Пока это не касалось их лично, они не шли на прямой конфликт с бакуфу и предпочитали действовать как защитники интересов народа, а также критиковать сёгуна и его администрацию за излишнюю расточительность.

Дом Сакаи из Сёнай получил поддержку многих даймё, прежде всего тогдама, не имевших близких родственных связей с сёгунским домом. В письме, поданном на имя сёгуна Иэёси в январе 1841 г. (Иэнари тогда был уже серьезно болен), даймё настаивали, что владения давались им по воле сёгунов за заслуги в качестве награды, поэтому без основательных причин, на которых могут быть должностные и иные проступки, нельзя проводить обмена. Точно так же нельзя без достаточных заслуг конкретного даймё увеличивать владения. Именно такие правила, подчеркивалось в письме, были установлены первыми сёгунами династии и в таком виде сохранились в период руководства первых министров Мацудайра Сададэ и Мацудайра Нобуакира. И только при Мидзуно Тадакира эти правила были нарушены, и стало отдаваться предпочтение родственным связям с сёгунским домом²³.

В январе 1841 г. в разгар этой борьбы умирает сёгун Иэнари. Липившись мощной поддержки со стороны бывшего сёгуна, процесс обмена владений был остановлен, ибо Иэёси не был намерен поддерживать все отцовские начинания в пользу братьев. Поэтому 12 июля 1841 г. последовал указ об отмене прежнего распоряжения о проведении трехстороннего обмена. Фактически спор между главами Сёнай и Кавагоэ выиграл Сакаки Тадаката, поддержку которому оказали многие даймё, ранее не имевшие заметного влияния в политике. В результате возрос их авторитет и влияние в столице. Однако борьба на этом не закончилась, ибо бакуфу так просто не прощало строптивость, даже если его руководители признавали правоту оппонентов. Поэтому большая часть даймё с самого начала очень сдержанно отнеслась к реформам, видя в них скрытую угрозу для себя.

Сёгуны утратили важное право перемещать даймё по своему усмотрению, что привело к ослаблению их реальной власти.

Объявление высочайшей воли должно было усилить позиции нового сёгуна и способствовать восстановлению его прежней власти над даймё.

Завещание сёгуна Иэнари и обострение борьбы группировок внутри бакуфу

На протяжении всего существования сёгуната борьба придворных группировок велась за пост сёгуна. На власть претендовали, естественно, ближайшие родственники правителя, вовлекая в свою борьбу другие знатные дома, не имевшие кровных связей с сёгуном, а также влиятельных административных чиновников.

2 апреля 1837 г. Иэнари удалился в почетную отставку (стал огосё), оставив пост сёгуна своему сыну Изёси. Такая практика была распространенным явлением при Токугава. В этом случае отец-сёгун формально оставлял пост и постепенно передавал в руки сына все рычаги управления страной, чтобы сделать плавным и безболезненным процесс передачи власти. Мидзуно Тадакуни, который прежде являлся первым министром при наследнике, сразу приобретает значительное влияние, но одновременно становится противником ряда министров и влиятельных женщин гарема Иэнари, где ведущую роль играла Омиё.

В апреле 1837 г. на Мидзуно Тадакуни были возложены обязанности по проведению восстановительных работ после пожара в Нисимару. Хорошо представляя состояние бюджета бакуфу и даймё, Тадакуни стремился по возможности сэкономить финансовые ресурсы. При этом он оказался, как говорится, между молотом и наковальней — между даймё, которые считали расходы чрезмерными и опасались новых поборов со стороны бакуфу, и женской половиной сёгунского дома, на стаивавшей на расширении дворца. Его противники из окружения сёгуна Иэнари постоянно пытались создавать конфликтные ситуации. Когда в очередной раз Мидзуно Тадакуни попросили внести дополнительные изменения в проект женской половины дворца, он твердо отказал в выделении средств. Узнав об этом, Иэнари поддержал женскую половину, в результате Тадакуни получил приказ покинуть замок, что было почти равносильно отставке. Ему пришлось приложить много усилий и понести немалые расходы для того, чтобы уладить конфликт. После этого Тадакуни только ждал удобного момента, чтобы нанести ответный удар. Слухи относительно Омиё и Никкея были самым походящим для этого поводом.

Венцом интриг стало появление завещания сёгуна Иэнари, составленного им накануне своей смерти (Госумидзукэ дзикэн). Дело было в том, что старший сын Изёси был от рождения слабым здоровьем и в перспективе развернувшейся еще при жизни Иэнари. Согласно завещанию фактически

устанавливался новый порядок наследования, который заключался в том, что после сёгуна Изёси должен был наследовать его больной сын Исэсада, а далее — приемный сын из дома тодзама даймё по фамилии Маэда²⁴. Такое завещание было выгодно для Омиё, дочь которой от сёгуна была выдана замуж за даймё Маэда. Было очевидно, что Омиё пытается использовать близкие связи с Иэнари, чтобы изменить систему престолонаследия, отстранить самого Изёси и сделать в будущем сёгуном своего внука.

Однако такое завещание полностью отстраняло от участия в выборе наследника не только самого Изёси, но и дома Хитоцубасы, Таясу, Кири, Овари, Мито, что никоим образом не устраивало последних. Поэтому завещание было объявлено фальшивым, Омиё была удалена из столицы, а входившие в число ее сторонников Хаэяси Тадафуса, Минобэ Мотинару и Мидзуно Тадацу подвергнуты наказанию.

Конфликт Омиё со сторонниками Изёси достигает пика в 1841 г. Однако не задолго до этого начались нападки на монаха по имени Никкей, который благодаря Омиё приобрел особое влияние при дворе Иэнари. Монах, являвшийся в действительности отцом Омиё, в свое время был настоятелем в Тисэнъин (часть храмового комплекса Хоккёдзи — храма сутры лотоса) в провинции Симоса. Потом он перебрался в Эдо, где к нему на проповеди стали приходить женщины из сёгунского замка. В 1818 г. сёгун заболел, и Никкей через посредничество Омиё получает позволение явиться в замок, чтобы узнать, не вызвана ли болезнь сёгуна проклятием.

Заметим, что в Японии, где традиционно было сильно синтоистское влияние, особое значение имел культ духов, обладающих способностью мести или проклятия. Иэнари боялся духа Изэмото — сына сёгуна Изэхару (предшественника Иэнари). В истории смерти Изэмото много туманного, известно только, что он был единственным наследником Изэхару и умер в возрасте восемнадцати лет. Обстоятельства его смерти были достаточно странными: он поехал на охоту, по дороге заболел и через два дня скончался. Вполне возможно, что он был отравлен²⁵. В любом случае его смерть освободила путь Иэнари для признания его наследником. Сам Иэнари, тогда еще ребенок, не мог быть замешан в этой истории, однако по каким-то причинам он испытывал страх перед мстительным духом Изэмото.

Никкей посоветовал Иэнари умиловить дух Изэмото, построив для него несколько храмовых сооружений. Настоятелем нового храмового комплекса стал сам Никкей. Паломничество туда получило официальное одобрение бакуфу, и в него отовсюду стали стекаться богомольцы. Этот храмовый комплекс приобрел особую популярность у женщин из сёгунского замка, которые, несмотря на свое высокое положение, не отличались

строгим бла гонра ви ем. По этому вско ре по ползли слухи о том, что обща ют ся они там не толь ко с бога ми.

В 1840 г., когда сёгун Иэнари уже был болен, на пост дзися бутё (чи новника, в компе тенции кото рого на хо ди лись дела храмов и мона стьрей) на зна чает ся Абе Маса хиро. Он был из окру жения придворной дамы Анэ кодзи, соперни чавшей за влия ние с Омиё в женской части сёгунского зам ка. Именно ему поручается прове сти провер ку слухов о Никкее. В июле сле дую щего го да, вско ре после обна ро до вания сёгун ской воли, Абе Маса хиро пред ставил до кладную за писку, по ма те ри алам кото рой Никкей был при знан ви но вным в на ру ше нии мона шеского обе та и при го во рен к высылке на дальние острова, что было равно ценно на ка за нию за се рьёзное уго ловное пре ступле ние. Часть храмового ком плекса вла сти при ка за ли снести, и 10 октяб ря 1841 г. при боль шом сте че нии на ро да она была раз ру ше на под ру ко вод ством Абэ Маса хиро.

Никкей умер в тюрме. Нака но Сэкио был ли шен своей летней ре зи денции на о. Мукодзима и на сле дую щий год умер. Была так же на ка за на и сама Омиё — она дол жна была покинуть сто лицу и пе ре се лить ся к своей до че ри под до машний арест²⁶. Шесть дру гих придворных дам были по стри жены в мо на хии, а еще 36 жен щин были вы сланы из дво рца без на ка за ния. По лу чи ли от став ку не сколь ко де сят ков чи но вни ков, при на дле жав ших к пар тии Омиё, в том чис ле Хае жи Та да фу са, Мид зу но Та да цу, Ми но бэ Мо ти на ру²⁷. Пар тия Иэёси одержала пол ную побе ду над пар тией Иэнари.

В тот же пе ри од ушли в от став ку не кото рые выс шие чи но вни ки ба ку фу — про тив ни ки Мид зу но Та да ку ни. 13 мая — тай ро Ии Нао аки, сыграв ший боль шую роль в от ме не трех сто рон не го об ме на Ка ва го э, Сё на й, На га о ка, а 3 ию ня род зю Ота Сукэ мото²⁸. В ито ге в со ставе со ве та род зю (выс ших чи но вни ков сёгун ской ад ми ни стра ции) оста лись толь ко лю ди, кото рые под дер жи ва ли Мид зу но Та да ку ни.

На ка за ние Никкея, Омиё и их сто рон ни ков было про ве де но с це лью ус тра ве ния придворных гру широ вок, тесно свя зан ных с сёгу ном Иэна ри. Влия тельные дома дай мё О ва ри, Ки и и Ми то — с удо вле тво ре нием при ня ли из ве стие об опале Омиё и На ка но Сэкио, по сколь ку это от кры ва ло для них путь к уси ле нию соб ствен но го влия ния при дво ре.

Так же с удо вле тво ре нием вос при нял эти из ве стия и Мид зу но Та да ку ни, по стра дав ший от про ис ков Омиё. Поэ то му для пер во го ми ни стра ре фор мы ста но вят ся сред ством ус креп ле ния сво его по ло же ния при дво ре, уси ле ния влия ния на сёгу ва Иэёси. В це лом эти ре фор мы дол жны были со дей ст вовать ре а ли за ции уже на ча той про грам мы фи нан со во го оз до ров ле ния, ней тра ли зо вав на не ко то рое вре мя влия ние жен ской по ло ви ны ок ру же ния

обоих сёгунов, которая традиционно протнвилась принятию режима со блю де ния стро гой э ко но мии.

Са мо по се бе вы ра же ние сёгун ской воли и про воз гла шение ре фор м было под твер жде нием прав сёгу на Иэёси на все со став ляю щие сёгун ской вла сти²⁹.

15 мая 1841 г. была обя вле на выс очай шая воля. В этот день в зам ке Эдо про во ди лся при ем по слу чаю 48-ле тия сёгу на Иэёси. На нем как обыч но при сут ст во ва ли все выс шие чи но вни ки ба ку фу из чис ла дай мё. Од на ко на этот раз при ема жда ли с осо бым ин те ре сом, ибо мно гие до га ды ва лись, что го то вит ся важное за яв ле ние. Пер вым об ра тил ся к со бра в шим ся сёгу ну: “В осу ществ ле нии по ли ти ки, — ска зал он, — не об хо ди мо опи рать ся на за вез ты пред шес тву ющих сёгу нов, и в осо бен ности не укос ни тель но сле до вать во ле сёгу нов го дов Кё хо и Кан сэй”. Эти слова и счита ют ся выс очай шей во лей о на ча ле про ве де ния ре фор м го дов Тэм по. За тем пер вый ми ни стр (род зю сю дза) Мид зу но Та да ку ни за чи тал по сло ние от и ме ни выс ших ру ко во ди те лей ба ку фу (род зю), кото рое пред пи сы ва ло всем ад ми ни стра тив ным чи но вни кам не укос ни тель но сле до вать рас по ря же ниям го дов Кё хо и Кан сэй, а так же ста ви ло сле дую щие за да чи: лик ви ди ро вать по след ствия го ло да, бо роть ся со зло упо тре бле ния ми, ус луч шить тор го ву ю де я тель ность³⁰. С это го мо мен та ве дет ся офи ци аль ной от сче т ис то рии ре фор м го дов Тэм по.

За метим, что обя в ле ние на ча ла ре фор м, не со про во жда лось выд ви же нием продуманной про грам мы ре фор ми ро вания и кон крет ных мер по ее ре а ли за ции. Это была сво его ро да де мон стра ция сёгу ном Иэёси го тов но сти взять на себя ру ко вод ст во страной и его стрем ле ния ус кре пить свою власть по ру че нием Мид зу но Та да ку ни при ня ть меры для оз до ров ле ния си ту а ции в стране.

Раздел 2

Основные направления реформ.

Меры по восстановлению сбора поземельного налога

Как уже говорилось, доля доходов от поземельного налога с каждым годом неуклонно уменьшалась. Голод годов Тэмпо еще более ухудшил ситуацию. По этому для бакуфу вопросы повышения своих доходов и, прежде всего, сбора поземельного налога во время реформ имели первостепенную важность. Относительно торика (взимания поземельного налога по документам периода реформ) было издано три больших указа. Первый — летом 1838 г., второй — осенью 1841 г., а третий — летом 1843 г., всего за несколько месяцев до отставки реформаторов.

Первый из них последовал вслед за указами о соблюдении экономии, изданными в связи с пожаром в Нисамару, по этому в нем также предписывалось строго соблюдать экономию. Вне всякого сомнения, указы 1838 г. о соблюдении экономии и о взимании поземельного налога являлись звеньями одной стратегической линии на сокращение расходов и восстановление доходов. Во многом такой курс влиял и на выбор конкретных мер, направленных на улучшение сбора поземельного налога.

Учитывая, что деревня еще не оправилась от последствий голода, бакуфу, боясь ухудшить и без того сложное положение крестьян увеличением поземельного налога, утверждало, что хочет лишь скорейшим образом восстановить прежний уровень сбора налогов, который существовал до наступления голода. Поэтому главная цель по тексту указа состояла в том, чтобы бороться с необоснованными вычетами и недобросовестностью при взимании поземельного налога. Для ее достижения нужно добиться сокращения числа земель, с которых во время голода был понижен налог, но в дальнейшем не был восстановлен до прежнего уровня³¹.

Центральный пункт в распоряжениях бакуфу относительно сбора поземельного налога касался мер по выявлению земель, на которых оценка урожая была необоснованно занижена. Для этого чиновникам вменялось в обязанность проводить ежегодные обследования (кэмми), во время которых размер налога устанавливался на основе визуальной оценки чиновником будущего урожая. Используемый прежде метод установления урожайности полей на основании средних данных за пять лет временно отменялся, так как цифры оценки не отражали реальный сбор урожая, повысившегося после голодных лет. Проведение кэмми требовало много времени, так как административный персонал должен был лично обследовать максимальное количество полей на подведомственной территории.

Руководители бакуфу, не полагаясь только на доклады из деревень, решили провести собственные крупномасштабные проверки, чтобы иметь достоверные данные о положении на местах. Льготы по уплате поземельного налога на время голода годов Тэмпо вводились централизованно административными распоряжениями бакуфу, поэтому налог был сокращен на 35-40%. Однако во многих деревнях урон значительно превысил 40%. Поля забрасывались, крестьяне уходили в города. Это создавало благоприятные возможности для манипуляций с цифрами обрабатываемых площадей. Деревенские чиновники, сообщая полные данные по заброшенным землям, скрывали данные по разработанной целине, а также занижали пока затели урожая с оставшихся земель, что вызвало недовольство бакуфу.

Надо отметить, что система сбора поземельного налога была сложной и включала в себя множество категорий в соответствии с качеством земли. Кроме того, существовали различные вычеты из налогов. Например, действовала льготная ставка для заново возделанных целинных земель, применявшаяся для стимулирования обработки дополнительных площадей. Также при определении налоговой ставки учитывался рельеф местности, удаленность от источников воды и многое другое. Все это создавало множество возможностей для различного рода махинаций. Понятно, что всегда находились изворотливые налогоплательщики и недобросовестные чиновники, которые пытались использовать сложность налоговой системы для пополнения своего кармана.

Самым простым способом уклонения от уплаты налога было занижение категории земельного участка. Для этого во время голода временно прекращалась обработка некоторых участков, а после ее возобновления эти земли указывались как вновь возделанная целина. Некоторые участки оставались не обработанными, а вместо них возделывались поля в лесах и других труднодоступных местах, чтобы избежать регистрации в административных учреждениях. Некоторые чиновники за взятки закрывали глаза на эти факты, а также предоставляли необоснованные льготы. Такая практика получила до достаточно широкого распространения, и о ней прекрасно были осведомлены высшие чиновники бакуфу. В указе бакуфу 1838 г. говорилось, что "...в последнее время распространяется практика, когда деревенские старосты приносят сельским административным чиновникам бакуфу деньги и другие подношения, чтобы те, в свою очередь, формально проводили обследование земельных участков, либо занижали свои оценки категории земель"³².

Недовольство бакуфу вызывали раздутые деревенские бюджеты, из которых оплачивались различные работы, имевшие отношение к общим нуждам деревни — ремонт ирригационных сооружений, извозная повин-

ность и др., включая и оплату деревенских старост и их помощников. Такие расходы могли доходить до 40% от суммы поземельного налога, поэтому администрация бакуфу рассчитывала за счет экономии на расходах деревенских бюджетов получить некоторое количество дополнительных средств на уплату поземельного налога. В указе 1838 г. говорилось: "Существенно повышаются расходы деревень на уплату налогов, а эти расходы хорошо бы сократить, тогда уплата налогов не будет столь обременительным делом и появится возможность увеличить поступление доходов в казну. Для того, чтобы не было излишних расходов, сельским административным чиновникам следует вести тщательный контроль за своим персоналом, чтобы он не допускал злоупотреблений"³³.

Постоянное раздражение высших чиновников бакуфу вызывало и то, что уровень реального обложения на его землях был значительно ниже, чем на землях дайме, и нередко бывало, что крестьяне двух соседних деревень, одна из которых находилась под управлением бакуфу, а другая — дайме, платили далеко не одинаковые налоги. У высших чиновников бакуфу было только одно объяснение — нерадливость административного персонала на местах, что постоянно вызывало желание применить строгие меры в отношении своих чиновников. Поэтому в одном из распоряжений бакуфу за 1837 год подчеркивалось, что доходы снижаются не по вине крестьян, а вследствие недостаточного контроля и недобросовестного выполнения своих обязанностей местными чиновниками и сельскими старостами³⁴.

Были и другие претензии к сельским чиновникам по поводу неточного взвешивания риса в мешках, отправляемых в столицу, и качества самих мешков (подготовка мешков была обязанностью сельской администрации). В указах не раз отмечалось, что рис доставляется в Эдо в плохом состоянии, и требовалось устранить эти недостатки³⁵.

Строгость бакуфу по отношению к своему административному персоналу может вызвать удивление. Однако это была обычная практика. Бакуфу издавало множество распоряжений, в том числе и предписания соблюдать строгие моральные принципы. Суть их лучше проясняют не собственные чиновники среднего уровня предваряли такие доклады кратким изложением своего понимания линии бакуфу. Как правило, они только цитировали ранее полученные распоряжения, однако иногда передавали смысл их своими словами. Показателен в этом отношении доклад дайка на Ямаоути Тоитиро, в котором было написано: "В поведении чиновников, не зависимо от того, управляют они целой провинцией или небольшим уездом, не должно быть несправедливости, ибо тогда он не сможет быть примером в глазах крестьян. Выполнение служебных обязанностей и поведение в быту долж-

ностных лиц имеет прямое отношение к состоянию нравов в деревне. Необходимо жить, смирив свои собственные желания, прилежно заниматься своим семейным делом (управлением деревнями — С.Т.), в промежутках между сельскохозяйственными сезонами изучать агрономию, на смертном одре наставлять потомков делать то же самое и прилежно доводить до ниже стоящих все распоряжения, идущие из столицы"³⁶.

Относительно ситуации в деревне в докладе Ямаоути Тоитиро говорилось: "Касаясь вопроса о стимулировании сельского труда, необходимо отметить, что в деревне лица, в наибольшей степени подвергшиеся воздействию вредных нравов, не любят трудностей работы на земле, гонятся за прибылью от мелкой торговли, совершают недопустимые поступки. Необходимо наставлять их, чтобы они не бросали работу, чтобы не было тзамарити (земель, заброшенных из-за нехватки рабочих рук — С.Т.) и постоянно давать распоряжения о повторной обработке заброшенных земель"³⁷.

Следующий указ о поземельном налоге был издан в ноябре 1841 г., т. е. почти полгода спустя после объявления высочайшей воли. В основных своих положениях он повторял указ 1838 г. и декларировал продолжение политики в том же направлении. В нем констатировалось, что, несмотря на энергичные меры по реализации указа 1838 г., во многих провинциях все еще действуют не обособленные освобождения при сборе энгу, что приводит к сокращению поступления налогов (хотя не совсем ясно, какие годы имеются в виду)³⁸.

В указе обращалось внимание на то, что сбор энгу уменьшается даже в благополучных районах. Отдельные крестьяне в деревнях роскошествуют: едят в будние дни абурайки (жаренные в масле овощи и мясо), пользуются свечами и т. д. (хотя не упоминается напрямую о золотых вещах и других предметах роскоши, о которых обычно говорится в указах о соблюдении экономии для самураев и горожан). Кроме того, в каждой деревне имеются парикмахерские, а также производятся и продаются дорогие сладоности. А если, говорилось в указе, благосостояние некоторых деревень не снизилось значительно в результате голода, значит, нет причин продолжать взимать пониженные налоги, но почему-то налоговые сборы все еще далеки от своего прежнего уровня³⁹.

При этом подчеркивалось, что бакуфу не намерено увеличивать сбор энгу, если это чревато расстройством крестьянского хозяйства. Оно считает возможным взимать налог только с учетом конкретных условий: процветания или упадка деревень, наличия или отсутствия сельских промыслов, удобства географического положения и др. Бакуфу претендует только на то, чтобы вернуть налог на тот уровень, который был до наступления голода.

Перед административными чиновниками указ ставил задачу провести скрупулезное обследование крестьянских земель в целях, "справедливого" налогообложения⁴⁰.

В ходе реализации этого указа были предприняты жесткие меры по отношению к не радивым сельским чиновникам бакуфу. Многие из них были переведены в другие районы или даже лишены должностей, занимаемых их предками на протяжении нескольких поколений. Этот процесс начался еще в 1838 г., а после 1841 г. ускорился. Если в 1839-1841 гг. было смещено или переведено в другие районы всего семь дайканов, то за период 1842 — начала 1843 г. — уже 20. В наиболее важном для бакуфу районе Канто были заменены все восемь дайканов⁴¹. Всего в то время на землях бакуфу работало 38 дайканов, так что можно судить о строгости мер. По замыслу руководителей бакуфу это должно было способствовать уменьшению злоупотреблений и повышению эффективности работы администрации по сбору налогов.

Однако желаемых результатов достигнуто не было. Повсеместно усилия прагматичных чиновников наталкивались на возрастающее сопротивление сельского населения. Несмотря на то, что в распоряжении бакуфу не однократно заявлялось о том, что целью указов является восстановление прежнего уровня сбора земельного налога, крестьяне воспринимали действия бакуфу не иначе, как попытки увеличить налоговое бремя, и никакие разъяснения не могли убедить их в обратном.

В 1842 г. в провинции Оми произошел бунт, вызванный непосредственно мерами по исполнению распоряжений от носителя сбора земельного налога. В эту провинцию в конце 1841 г. была направлена большая группа чиновников с задачей выявить все земли с заниженным обложением. К сентябрю 1842 г. такая работа была в основном закончена, и чиновники приступили к последнему этапу — уточнению земельных реестров по деревням. В этот момент начались волнения. Крестьяне были очень обеспокоены результатами работы чиновников, восприняв их как готовящееся повышение налогов. Кроме того, обнаружилось, что эти чиновники отказываются от взяток, не поддаются уговорам и совсем не желают уменьшать цифры, заносимые в реестры.

В конце сентября 1841 г. старосты деревень, в которых работали переписчики, написали коллективное прошение с требованием о прекращении обмеров земель. Узнав, что прошение отвергнуто, крестьяне (примерно 40 тыс. человек) взяли приступом лагерь переписчиков, вынудив чиновников спасаться бегством. Захваченные переписные книги были сожжены⁴².

Бакуфу строго наказало руководителей бунта. Свыше ста человек было арестовано и подвергнуто допросам, в результате чего более 13 умер-

ло во время следственных пыток в тюрьме. Однако новая перепись больше не проводилась⁴³.

Восстание в провинции Оми показало, что дальнейшие усилия по увеличению сбора по земельному налогу чреваты ростом крестьянского недовольства.

Тем не менее в новом указе о сборе по земельному налогу, изданном в июне 1843 г., основная цель политики бакуфу осталась прежней — борьба с уклонениями от уплаты налогов. Этому указу предшествовало еще одно распоряжение о соблюдении экономии, изданное в марте того же года. Корректировке подверглась только тактика бакуфу. Проведение проверок должно было вестись под непосредственным контролем специально назначенных чиновников из финансового ведомства бакуфу. Все сельские властные сёгуна (за исключением земель на о. Кюсю) были поделены на девять районов, в каждый из которых назначался ответственный чиновник из финансового ведомства.

Реализации нового указа помешала отставка реформаторов во главе с Мидзуно Тадакуни в сентябре 1843 г. После его ухода последовала отставка чиновников финансового ведомства Иноуэ, Нэмото, Хагура и др., непосредственно отвечавших за вопросы восстановления собираемости земельного налога. Их отставка не была напрямую связана с этой проблемой, она явилась следствием борьбы вокруг указа о передаче под управление бакуфу земель вокруг Осака и Эдо. Тем не менее, реализация указов о сборе земельного налога затормаживается, потеряв основных исполнителей.

После отставки партии Мидзуно Тадакуни не получили развития и некоторые другие проекты бакуфу, например, относительно разработки болот в районе Инба. Почему это произошло? Повышение земельного налога было делом долгим и кропотливым, а деньги нужны были не медленно и в большом количестве. Тем более, что в мае 1844 г. случилось новое бедствие — пожар в основной резиденции сёгунского замка в Эдо. Ее восстановление потребовало огромных единовременных расходов — 836 400 рё только в том же 1844 г. (сумма, превышавшая годовой доход от земельного налога) и значительных средств в последующие годы. Дополнительный доход для покрытия этих расходов был целиком получен за счет перечеканки монеты, составившей 856 400 рё, и чрезвычайных налогов с торговцев⁴⁴. Это фактически подорвало курс на постепенное увеличение доходов от по земельного налога, поскольку он не мог дать таких быстрых и нужных результатов, как перечеканка монеты.

Говоря об итогах политики, связанной со сбором по земельного налога, надо отметить, что она дала далеко не такие результаты, на которые

рассчитывали реформаторы. В денежном исчислении доходы от поземельного налога за годы реформ не сколько выросли. Если в 1843 г. они составили 603 700 рё, то в 1844 г. уже — 646 800 рё, то есть выросли на 7%⁴⁵. Произошло ли это за счет повышения урожая или за счет усилий административных чиновников, точно не ясно. Наверное, это не было очень важно для руководителей бакуфу, потому что сама сумма была незначительна по отношению с его запросами. Постепенная кропотливая работа по восстановлению сбора поземельного налога не могла одновременно дать необходимые огромные суммы для покрытия новых срочных расходов. Наоборот, риск усиления напряженности в отношениях с крестьянами был слишком велик по сравнению с финансовыми результатами.

Почему процесс повышения поземельного налога шел так сложно и болезненно? Крестьяне не ждали выплывать его даже в прежних размерах. Причина скорее всего, заключалась в форме уплаты налога — натуральным рисом. Крестьянам, конечно же, выгоднее было продавать его на местном рынке, нежели отдавать его в качестве налогов, не получая взамен ничего. Фундаментальной же причиной было растущее производство технических культур, требовавшее все большего поступления риса на местные рынки вместо отправки его в столицу и другие крупные города. В результате все меньше риса реально шло на уплату налогов, и доходы от поземельного налога бакуфу оставались на прежнем уровне. Выход из этой ситуации был найден во время Мэйдзи исин, когда была отменена уплата налогов рисом и введено денежное налогообложение, что позволило значительно увеличить поступления регулярных налогов в казну. Власти же сёгуната даже не могли и думать о таких преобразованиях.

Указы о возвращении крестьян в деревню. Контроль за численностью населения

Руководители бакуфу, обратив внимание на то, что в районах, где значительно снижался уровень сбора поземельного налога и одновременно наблюдалось уменьшение численности населения, пытались противодействовать этой тенденции. Поэтому вместе с указом о сборе поземельного налога зачастую принимались меры по усилению контроля за лицами, уехавшими в города на заработки. С этой целью вводились новые процедуры регистрации временных жителей, производилась высылка бездомных из городов, создавались специальные учреждения (сочетавшие в себе колонии и работные дома) для городских паузеров, выделялись ссуды для желающих

вернуться в деревню, а также издавались указы о перепроверке регистрационных книг в деревнях.

Бакуфу было всерьез озабочено оттоком населения из деревни в большие города. В выпущенном в апреле 1838 г. указе говорилось, что сокращается население многих деревень, в некоторых оно уменьшилось наполовину из-за последствий голода. Сельские жители уходят в города и в первую очередь в Эдо. Вместе с тем избыток населения в городах осложняет оказание нормальной помощи голодающим. Поэтому, чтобы уменьшить количество жителей городов, было дано распоряжение произвести перепроверку городских переписных книг и не зарегистрированных в них лиц заставить вернуться в свои деревни⁴⁶.

В переписке чиновников за тот же 1838 год отмечалось: «Со времени реформ годов Кансэй бакуфу, не жалея средств, проводило политику возвращения людей в деревню, однако даже в расположенных близко к Эдо деревнях происходит сокращение населения и увеличивается количество заброшенных земель, а одновременно продолжают разбухать переписные книги в городах. Стало мало людей, которые обеспечивают сами себя пищевыми продуктами, наоборот, в городах очень много едоков, что осложняет вспомоществование во время голода, поэтому не за медлительно необходимо провести проверку городских переписных книг»⁴⁷.

В качестве мер по восстановлению численности сельского населения чиновники предлагали в принудительном порядке вернуть в деревню часть городских жителей. Прежде всего, это касалось крестьян, которые ушли в города, спасаясь от голода, и остались там, не желая возвращаться, а также крестьян, ушедших на заработки, но практически постоянно работающих и проживающих в городах, не будучи зарегистрированными в качестве городских жителей.

Во время голода годов Тэмпо крупнейшие города пополнились большим количеством крестьян, надеявшихся найти в них помощь и пристанище. Одновременно города наводнили бездомные, нищие, бродяги, а также разбойники и проходимцы, которые занимались карманными кражами и поджогами домов, по прошайничеству и азартными играми.

Как уже говорилось, власти были крайне обеспокоены не только сокращением налогов, но и сокращением численности податного населения на управляемой территории. В 1838 г., еще до издания указов о поземельном налоге, бакуфу направило предписание всем сельским административным чиновникам представить свои соображения о ситуации в деревне и возможным действиям по ее исправлению. Практически во всех ответах чиновников указывалось на уменьшение численности населения и уход крестьян

ян в города, как на одну из самых серьезных проблем⁴⁸. В ответах сельских административных чиновников выделяются три основных момента.

Во-первых, политика реформ годов Кансэй в части применения выдачи ссуд для стимулирования возвращения людей в деревню не принесла желаемых результатов.

Во-вторых, причина этого состоит в том, что в столицу идут в основном люди ленивые и не любящие сельский труд. Такие люди, сколько им ни выдавай ссуд — долго не задерживаются в деревне.

В-третьих, необходимо синхронное осуществление политики в городе и в деревне, и унификация требований по регистрации населения в городе и деревне. Важно также разработать конкретные меры по борьбе с роскошью⁴⁹.

В апреле 1838 г. последовало указание городским чиновникам провести проверку реестров на селения в Эдо, чтобы выявить примерное количество людей, оказавшихся в городе из-за голода⁵⁰.

В 1839 г. старосте касты на рив Дандзэмону было дано распоряжение принять меры против бездомных и бродяг. Исполняя это распоряжение, он начал проводить облавы и высылку людей за пределы столицы. С марта по сентябрь 1839 г. было поймано примерно 5 тыс. человек. В конце 1840 г. облавы были повторены, и подверглось аресту еще 340 человек⁵¹. Пойманных свозили в городское управление, где производили дознание и выявленные уголовных преступников.

После дознания не уличенных в уголовных преступлениях (а таково было большинство) препровождали до городской заставы и отпускали на волю, приказывая вернуться в деревню. Но через несколько дней большинство этих бедолаг опять оказывалось в городе, что вызывало недовольство горожан беспомощностью властей в наведении порядка.

Бакуфу встало перед необходимостью выработать более эффективную политику. В августе 1841 г. градоначальникам было предложено высказать свое мнение относительно того, как возратить в деревню часть столичного населения. Градоначальник северной части столицы Тояма Кагэмото предложил увеличить число исправительных заведений бакуфу (созданных во время реформ годов Кансэй) и сосредоточить в них арестованных в городе. Определенное количество этих людей предлагалось использовать на разработке целины, в мастерской по производству масла, а часть направить на рудники острова Садо⁵². Однако в этот период дискуссия по поводу содержания политики соблюдения экономии помешала выработать единую линию в этом вопросе. Поэтому после издания распоряжений относительно сбора поземельного налога в 1841 г. руководители бакуфу ограничились повторением распоряжений о проверке регистрационных книг⁵³.

В феврале — марте 1842 г. в рамках кампании по борьбе за соблюдение экономии последовали строгие распоряжения, запрещавшие азартные игры и лотереи в городах (попутно заметим, что в указах обращалось внимание на недопустимость предоставления азабэ самураев для проведения азартных игр, а такие случаи имели место)⁵⁴.

В мае 1842 г. Мидзуно Тадакуни отправил столичным градоначальникам копии ответов сельских чиновников на запрос 1838 г. о ситуации в деревне и еще раз запросил их мнение по данному вопросу. Ответ последних сводился к следующему — необходимо продолжать политику экономии и одновременно строго следить за состоянием регистрационных книг⁵⁵.

В отличие от Тояма Кагэмото чиновники настаивали не на расширении исправительных заведений, а на усилении контроля регистрации прибывающих в город крестьян-отходников. Вероятно, было известно, что исправительные заведения не смогут вместить всех арестованных, а работы по их расширению потребуют больших расходов. Поэтому численность обитателей исправительных заведений за время реформ оставалась примерно одинаковой: в ноябре 1842 г. — 500, в декабре 1842 г. — 460, в марте 1843 г. — 515, с конца весны 1843 г. — около 600 человек⁵⁶. Бакуфу сделало упор в своей деятельности на административный контроль за миграцией населения.

В июне 1842 г. был издан указ относительно деятельности в столице странствующих монахов. Им запрещалось жить в городе, и они должны были находиться при тех храмах, к которым они принадлежали. Без разрешения от настоятелей этих храмов, они не имели права заниматься чтением сутр на улице и собирать народ для проповедей. Им запрещалось иметь учеников, особенно женщинам-монахиням⁵⁷. Цель этого указа состояла в том, чтобы уменьшить активность "самозваных" монахов, которые зачастую являлись крестьянами, жившими на подаяния городских жителей или храмов. Они не отличались от городских нищих, но их утверждения, что они занимаются богоугодным делом, создавали много затруднений городским чиновникам при наведении порядка.

В ноябре 1842 г. последовал указ о возвращении бездомных к прежнему месту жительства. В нем говорилось, что в последнее время очень много бездомных, которые слоняются по городу и занимаются воровством и т. д. По этому предписывалось арестовывать всех лиц без определенных занятий и доставлять их в городское управление. С ними проводили "разъяснительную работу, чтобы поменять образ их мышления и побудить к занятию сельским хозяйством". После чего вызывались представители администрации тех мест, откуда бездомные были родом, под их надзором эти

люди препровождались к прежнему месту жительства, чтобы воспрепятствовать их возвращению в столицу⁵⁸.

Уголовные преступники должны были содержаться в исправительных учреждениях при городских и сельских управлениях и использоваться на общественных работах, например, на подьёме целины. Для этого во всех владениях предписывалось создать подобные учреждения⁵⁹. Таким способом бакуфу решило покончить с принятой ранее практикой наказания преступников, когда их выслали за пределы прежнего места жительства, и они обычно оказывались в столице.

Дайканам было указано создавать исправительные учреждения в первую очередь в тех районах, где много заброшенных земель, перспективных для повторной обработки. В указе говорилось: "Для тех, кто исправился и имеет желание вернуться в деревню выдавать денежные пособия из средств дайканов, предназначенных для этих целей, и отправлять в районы, где много заброшенных земель"⁶⁰.

В результате проведенных мер в исполнение ноябрьского указа количество зарегистрированных попрошак уменьшилось почти в два раза более чем с 700 до приблизительно 300, что сделало возможным переселить их в район Асакуса в Эдо для компактного проживания⁶¹.

9 сентября 1842 г. был издан указ о соблюдении экономии жителями сельских районов. Помимо различных предписаний по соблюдению экономии текст указа включал также пункт, касавшийся крестьян-отходников, о котором надо сказать особо. Этот пункт прямо не связан с темой указа, поэтому долгое время его трактовка вызвала споры среди японских исследователей. Вот перевод этой части: "В последнее время стало мало мужчин и женщин, которые поступают в наем по ремесленным специальностям (сакухоковин). Вследствие этого, естественным образом они стали высоко оплачиваться, особенно стали получать неоправданно высокую зарплату ткачихи, работающие на ткацких станках. Это также как занятие крестьянами торговлей, является потерей изначального их предназначения. Издавна крестьяне стояли отдельно от горожан, которые занимались получением прибыли от торговой деятельности, поэтому надо всеми силами заботиться, чтобы оставалась разница между теми и другими, а крестьяне на стойчиво шли своим путем, занимались сельским хозяйством и не отрывались от своих полей"⁶².

Этот текст некоторыми исследователями трактовался как запрет отходничества как такового. Однако в нем содержится слово "заботиться", которое не имеет значения запрета, а только наставления чиновникам следить, чтобы крестьяне занимались сельским хозяйством и не прерывали обработку своих полей. Что касается упоминания о ткачихах, то опять же ак-

цент сделан на чрезмерно высокой оплате их труда, а не на запрет на ткачество, поэтому, отмечая несоответствие с общим контекстом указа о процедурах регистрации отходников, можно предположить, что, вероятнее всего, рассматриваемый пункт был вставлен из каких-то соображений, связанных с подготовкой других распоряжений об усилении контроля за оплатой труда крестьян-отходников.

В марте 1843 г. были изданы распоряжения о введении новых правил регистрации при уходе крестьян в города. Этим распоряжениям придавалось особое значение, и они были разосланы сразу многим адресатам — самураям бакуфу, городским и сельским чиновникам, администрации религиозных учреждений и др. "С настоящего времени, говорилось в них, должно быть совершенно исключено, чтобы сельские жители вносились в регистрационные книги в Эдо как городские жители"⁶³. Сельские жители не имели права менять свой статус крестьян-отходников и становиться горожанами. Квартальным старостам (нануси) было запрещено самовольно и без достаточных оснований вносить в списки горожан крестьян-отходников. Для контроля над старостами в апреле были назначены новые административные чиновники городского управления (ситюнинбэцу сирабэкакари)⁶⁴. Чиновникам предписывалось также усердно разъяснять крестьянам преимущества сельского труда и предпринимать все необходимые меры по сохранению численности населения, указанной в сельских переписных книгах.

Бакуфу дало распоряжение вернуть из столицы всех, не имеющих семей крестьян, обосновавшихся на задних дворах домов, а также строго контролировать уход крестьян на работы и поступление в учение к монахам.

Крестьяне-отходники составляли значительную часть населения крупнейших городов, таких как Эдо и Осака. Не менее 20-30% зарегистрированного в городских книгах населения этих городов было выходцами из близлежащих провинций и указывало их в качестве места своего рождения⁶⁵. Это были крестьяне-отходники, получившие право жительства в городе, и работавшие там постоянно. Их количество в 5-6 раз превышало численность отходников, не имевших разрешения на постоянное жительство и не зарегистрированных в городских книгах (см. таблицу 14).

Столичные чиновники должны были прекратить практику предоставления права на жительство крестьянам-отходникам и усилить контроль за этой категорией населения.

Административные чиновники обязаны были держать под строгим контролем крестьян всех категорий, уходивших на работы в города (дэкасаги и хококасаги) и поступающих учениками к монахам. Для всех вводи-

лась специальная процедура оформления документов перед уходом в Эдо. Прежде всего, они обязаны были составить прошение с указанием предпологаемого срока пребывания в городе. Затем получить визы деревенского старосты и других чиновников деревни. После этого прошение подавалось в учреждение местного административного чиновника бакуфу, где рассматривалось и заверялось печатью (окугаки). Только после этого документ приобретал юридическую силу, и крестьянин мог отправляться в город. По месту работы документ следовало отдать домовладельцу, который подавал сведения о нем в городское управление, после чего имя прибывшего заносилось в список временных жителей. Те, кто собирался принимать монашество, должны были представлять документы в ведомство храмов и монастырей (дзися бутё)⁶⁶.

Таблица 14*. Численность простолюдинов в столице

Год, месяц проведения обследования	Общая численность населения	Место рождения				Крестьяне-отходники		
		Род. в Эдо	%	Род. вне Эдо	%	Мужчины	Женщины	%
1841 май	563 689	413103	73	150586	26	25 848	8 353	6
1843 июль	553 257	388185	70**	165072	29	22 374	7 101	5
1843 сентябрь	547 921	386040	70	161881	29	19 142	4 950	4

*Токио-но хякуэн си. Токио, 1973. Т. 1. С. 1337.

** Уменьшение процента жителей, родившихся в Эдо, было результатом изменения правил провек, проводившихся администрацией бакуфу.

Несмотря на строгий контроль, новая процедура оформления отходников внедрялась очень медленно. Как явствует из доклада чиновников, от-

ветственных за проверку регистрационных книг, из нескольких десятков тысяч отходников зарегистрированных в сентябре 1843 г., только 414 человек имели документы, оформленные с соблюдением новых требований⁶⁷. Вместе с тем констатируется сокращение количества официально зарегистрированных крестьян-отходников и жителей, указывавших место рождения вне пределов столицы, что отвечало целям указов.

Реформаторам удалось несколько уменьшить количество крестьян-отходников в городах, применив жесткие административные меры, которые были существенно усилены по сравнению с периодом Кансэй. Во время реформ годов Тэмпо была значительно уменьшена выдача ссуд желающим вернуться в деревню. Руководители бакуфу аргументировали это изменение отсутствием позитивных результатов политики годов Кансэй. Они утверждали, что за период с начала реформ годов Кансэй по начало 1800-х гг. было истрачено на эти цели 150 тыс. рё, но это не дало видимых результатов⁶⁸. Поэтому во время реформ годов Тэмпо политика бакуфу была ориентирована в большей степени, чем прежде, на принудительные административные меры. Упор был сделан на усиление бюрократического контроля, для чего была предпринята попытка ввести разрешительную систему пребывания в городе.

Указы о возвращении крестьян в деревню одновременно реализовывались и в городе, и в деревне. Бакуфу ставило при этом сразу две цели — улучшить социальную обстановку в городах, очистив их от бродяг и беглых преступников, и обеспечить деревню рабочей силой. Наряду с мерами по возвращению крестьян в деревню предполагалось поставить бюрократические преграды на пути дальнейшего оттока сельского населения в города, усложнив процедуры регистрации лиц, желающих уйти на заработки.

Практически не была достигнута ни одна из целей этой политики. Несмотря на то, что приток отходников в столицу несколько сократился, бакуфу не смогло воспрепятствовать оттоку населения из деревни и восстановить численность податных крестьян, а также установить полный контроль над крестьянами-отходниками, идущими в города на заработки. Нетреть над крестьянами-отходниками, хотя наказание высылкой удалось улучшить криминогенную ситуацию, хотя наказание высылкой преступников, бродяг и хулиганов было заменено на содержание их в исправительных учреждениях. Усиление административного контроля не принесло нужных результатов ни в городе, ни в деревне.

Касаясь причин неудач политики реформаторов в этой сфере, следует сравнить их действия с политикой годов Мэйдзи. Между ними были кардинальные отличия, заключавшиеся в том, что политика Мэйдзи была ориентирована не на возврат крестьян в деревню, а на максимальную концентрацию населения в городах. Исходя из этих различий и прямой проти-

воположности результатов проводившейся политики, можно говорить о том, что руководителями реформ годов Тэмпо были допущены стратегические ошибки. Попытка вернуть крестьян в деревню самыми жесткими административными мерами была обречена на неудачу.

Политика в области кредита

Голод годов Тэмпо обескровил заемные учреждения бакуфу, почти полностью лишив их средств и создав серьезные проблемы в кредитной системе. Остроую нехватку денежных накоплений вызвал массовый рост долгов как самураев, так и горожан, крестьян, даймё и самого бакуфу. Самое главное — выросло количество просроченных долгов, что привело к сокращению объема оборотных средств в кредитной системе.

С одной стороны, за даймё и самураями числились огромные долги, которые они не могли вернуть, что привело к попытке Сацума в 1835 г. списать свой долг в одностороннем порядке. С другой стороны, во время кампании сбора средств на восстание Нисимару некоторые чиновники бакуфу стали подавать прошения об отсрочке выплаты своих взносов, аргументируя их сложным финансовым положением. Мидзуно Тадакуни был вынужден ответить на это гневным распоряжением от 11 апреля 1838 г. В нем говорилось: «Относительно строительных работ в Нисимару. Среди должностных лиц с доходом менее 10 000 коку есть такие, кто пипет за явление относительно (отсрочки) своих взносов. Это поистине невиданное дело, по этому напоминаем, что уплата взносов является обязательной. Эти просьбы обосновываются безвыходной ситуацией, накопившимися в предшествующих поколениях долгами, при этом за является, что выполнить распоряжение полностью невозможно, что, уплатив взнос, трудно будет продолжать службу и придется просить об отставке. Это не соответствует долгу верности в отношении сёгуна, противоречит его воле»⁶⁹.

Многие самураи, имея значительные долги, требовали от правительства решить вопрос об изменении условий их выплаты, но одновременно жила часть ответственности за рост долгов, и оно должно приложить усилия, чтобы облегчить положение самураев. Дело в том, что в условиях политики жесткой экономии, проводившейся в годы голода годов Тэмпо, самураям временно сокращались пайки под предлогом выделения дополнительных средств на помощь голодающим. Самураи настаивали, что именно по этой причине они начали брать дополнительные кредиты и увеличили свои долги. (Утверждения эти не совсем верны, ибо уже в 20-х гг. XIX в. наблюдал-

ся массовый невозврат выданных ссуд в кредитные учреждения бакуфу. Голод только обострил данную проблему).

Во время голода в 1836 г. бакуфу сделало уступку, разрешив подавать прошения в финансовое ведомство об отсрочке уплаты долгов⁷⁰. Однако самураи рассматривали на более радикальные меры бакуфу, в частности, на отмену долгов, как это было во время реформ годов Кансэй.

Кроме того, самураи были недовольны высоким процентом, взимаемым по частным кредитам, установленным на уровне 15% годовых, и требовали его снижения. В ответ кредиторы заявляли, что такой высокий процент неизбежен, ибо растет количество невозвращенных кредитов, и уменьшается число должников, исправно выплачивающих свои долги. Утверждения кредиторов в целом соответствовали действительности, потому что реально уплачиваемые проценты по долгам даймё уже в 10-х гг. XIX в. не превышали 2%⁷¹.

Руководители бакуфу столкнулись со сложной проблемой восстановления системы кредитования. Они убедились во время конфискации и ареста фудаси, проведенных в 1836 г., что ростовщики действительно находились в сложном положении, ибо при огромном количестве долговых обязательств они не имели свободных денежных ресурсов.

Мидзуно Тадакуни сам был обеспокоен проблемой долгов, для чего затребовал себе все документы по указам о списании долгов (киэнрэй) времен годов Кансэй. Опасаясь повторения указов о полном списании долгов, и чтобы упредить действия бакуфу, кредиторы-фудаси в августе 1842 г. выступили с предложением сократить процент по кредитам до 10% годовых. Ответ бакуфу был положительным. «Хотя и следует провести списание долгов, — говорилось в нем, — но, учитывая, что фудаси внесли значительные суммы на ремонт западной части замка и выступили с инициативой о снижении ростовщического процента, списание долгов проводиться не будет»⁷².

29 сентября 1842 г. вышел указ бакуфу, устанавливающий новый процент по кредитам. Вместо прежних 1 бу с 20 рё (1 рё = 4 бу) устанавливалась плата 1 бу с 25 рё в месяц. Таким образом, годовой процент был уменьшен с 15 до 12%, что было даже несколько выше, чем предлагали ростовщики (ибо 12 процентный уровень был установлен во время реформ годов Кансэй). Одновременно в указе четко говорилось о том, что «списание долгов не будет, кредиторам следует успокоиться и нормально ссужать деньги, а тем, кто надеялся на списание долгов, отказать от этих вредных помыслов и готовиться к уплате»⁷³.

Такое решение вызвало крайнее недовольство самураев, рассчитывавших на безусловное списание всех долгов. Поэтому бакуфу не за долго до-

огставки Мидзуно Тадакуни пришлось резко поменять курс и провести списание долгов. В мае 1843 г. оно издало первый указ о списании долгов самураев. Списывалась половина их долгов кредитным учреждениям (бакуротё кайсё), контролируемых бакуфу, и проценты с оставшейся по половине суммы долгов — всего около 2 млн. рё. По этому распоряжению самураям разрешалась уплата оставшейся половины долга в течение 20 лет, что было чрезвычайно выгодно для них⁷⁴.

Указ этот сильно обеспокоил рисоторговцев, предвидевших, что и им долги не будут возвращены. Их опасения оправдались. Правда, уже после огставки Мидзуно Тадакуни в декабре 1843 г. был издан указ о беспроцентной уплате прежних долгов рисоторговцам. Условия этого распоряжения были абсолютно такими же, как и в майском указе о списании долгов государственным кредитным учреждениям. Процент по старым долгам снижался до нуля, а половина долгов списывалась, оставшуюся же половину разрешалось уплатить в течение 20 лет⁷⁵. Тем самым сменившие Тадакуни руководители бакуфу показали, что они полностью согласны с положениями майского указа.

Надо сказать, что решения бакуфу не помогли восстановить кредитную систему в Эдо, поэтому в 1843 г. оно предприняло попытку использовать традиционных кредиторов даймё — торговцев из Осака. В июле 1843 г. было отдано распоряжение ростовщикам Осака, Сакаи, Хёго о принудительных займах на сумму более 1 млн. рё. Указ вызвал чрезвычайно негативную реакцию не только торговцев, но и даймё, опасавшихся лишиться источника кредитов. Торговцы выступили с возражениями, что если они выплатят такую сумму, то на 3-7 лет придется заморозить выплату ссуд даймё. Бакуфу аргументировало свои требования “расходами по укреплению береговой обороны в условиях участвовавших по явлений иностранных судов в непосредственной близости залива Эдо” и “оставляющим желать лучшего состоянием бюджетов домов самураев бакуфу”. В конечном итоге бакуфу добилось своего и собрало 1 149 822 рё⁷⁶.

Бакуфу также беспокоила проблема роста долгов крестьян и горожан. Чтобы ускорить возврат кредитов на землях бакуфу и в городе Эдо, по предложению Тории Тадатеру была частично ликвидирована практика уплаты долгов в рассрочку (кириганэ), позволявшая должникам по долгу не возвращать полученные кредиты, и изменены сроки выплаты долгов. Прежде суд устанавливал срок от полугода до нескольких лет для выплаты долга, разбивая основную сумму долга на несколько лет для выплаты определяя объемы и сроки уплаты. При такой практике выплата долгов да же после вынесения судебного решения растягивалась на длительный срок. Подобная схема была выгодна самураям-должникам, поэтому в Эдо она ис-

пользовалась применительно и к самураям, и к простолюдинам. В Осака также существовала практика уплаты в рассрочку, но установленные сроки уплаты были значительно короче.

Тории Тадатеру так разъяснял в докладной записке суть своих предложений: “С настоящего времени ликвидируется правило уплаты в рассрочку в отношении крестьян и горожан. Стороны следует вызывать в суд и выслушивать их в присутствии судей. Если содержание заявлений соответствует друг другу и нет никаких нарушений в оформлении документов, то следует дать указание произвести уплату долга в срок, равный двум срокам, предусмотренным для случаев возврата кредитов под залог дома, если должник и после этого не выплачивает долг, то следует заключить его в ручные кандалы и держать в них вплоть до уплаты по его обязательствам. Если и в этом случае происходит промедление, то следует дать распоряжение о конфискации имущества”⁷⁷. Таким образом, смысл новшества заключался в том, чтобы устанавливать через суд четкий срок для уплаты долга, по истечении которого применять в отношении должника жесткие меры, вплоть до конфискации имущества.

Понятие имущества, которое могло быть подвергнуто конфискации, в период сёгуната включало также землю. И хотя с XVII в. в стране существовал запрет на продажу земли с предоставлением “вечного” права собственности, бакуфу уже со времени реформ годов Кёхо (первая половина XVIII в.) фактически признало возможность перехода земли кредитору в судебном порядке. Это предопределило основной механизм передачи земли в годы сёгуната через долговые обязательства, а не путем прямой продажи. Специфической чертой такого механизма была длительность сроков передачи, обусловленных наличием процедуры уплаты в рассрочку.

Новшества, предложенные Торией Тадатеру, несколько упростили процедуру уплаты в рассрочку и соответственно сокращали время перехода имущества кредитору (хотя прямая продажа по-прежнему не разрешалась). Здесь бакуфу сделало верный шаг в сторону некоторой либерализации сделок с землей, но, как и в вопросе о роспуске торговых гильдий, остановилось на полпути и не стало продвигаться в этом направлении, так как его основная цель была совсем другой. Она состояла в том, чтобы частичной ликвидацией рассрочки ростовщиков и тем самым ускорить оборот ростовщичества должников-простолюдинов и тем самым ускорить оборот ростовщических капиталов и увеличить объемы доступных кредитных ресурсов, чтобы в последующем добиться снижения ростовщического процента при предоставлении кредитов (в первую очередь для самураев)⁷⁸.

Действия Тории Тадатеру имели еще один важный момент, в котором можно отыскать параллели с преобразованиями Мэйдзи. Это — рас-

простравление в Эдо правил и практики, применявшихся в Осака, поскольку в период преобразований Мэйдзи многие нормы местного осакского законодательства были введены по всей стране. В частности, хорошо известная земельная реформа проводилась по образцу осакской системы земельных сертификатов⁷⁹.

Вместе с тем шаги бакуфу в этой области, как показала позднее Мэйдзи истин, были недостаточными, чтобы решать на зревшие проблемы, и не могли сами по себе переломить ситуацию в кредитной системе. Бакуфу уже стало чуждо меры только в отношении должников-простолудинов, не затрагивая интересы должников-самураев, в то время как на них приходилась основная часть долгов. Оно не стремилось кардинальным образом изменить ситуацию в сфере кредита, поскольку не могло потребовать от самураев исправной выплаты долгов. Такая политика неизбежно вела к тому, что в дальнейшем трудности бакуфу только возрастали.

Роспуск торговых гильдий и административное регулирование цен

Рост цен в период голода заставил правительство бакуфу предпринять ряд решительных мер. Реформы годов Тэмпо включали в себя сразу несколько направлений, по которым реформаторы пытались повлиять на ситуацию с ценами. Прежде всего, это были меры прямого административного контроля, предусматривавшие регулирование цен посредством указов правительства. Той же цели отвечали указы о соблюдении экономии, запрещавшие пользоваться дорогими вещами, указы о возвращении крестьян в деревню, вводившие ограничения на зарплату слуг и служанок, указы о роспуске торговых гильдий, направленные на увеличение притока товаров в города, и некоторые другие.

Одним из самых заметных шагов правительства в ценовой политике того времени был роспуск кабунакама (торговых гильдий), предпринятый в декабре 1841 г.

Появлению указа предшествовало противостояние в конце 1841 г. между Мидзуно Тадакуни с градоначальниками Эдо Ябэ Садаори и Тояма Кагэмото по поводу политики регулирования цен. Последние не были согласны с планировавшимися мерами бакуфу. До нашего времени содержание этих споров дошло в дневниках Фудзита Токо, доверенного лица Токугава Нариаки и весьма осведомленного обо всем, что происходило в бакуфу. После встречи с Ябэ Садаори в декабре 1841 г. Фудзита Токо записал его слова: "Рост цен стал просто головной болью "Подданных". О нем я

думаю и днем и ночью. Родзю (имеется в виду Мидзуно Тадакуни — С.Т.) и чиновники из ведомства финансов настаивают на том, чтобы наказать нечестных торговцев и упрекают меня за то, что моя позиция не совпадает с их. А я считаю, что виновата чрезмерная до крайности переценка монеты — сей час циркулирует около сотни видов монеты, в то время как двадцать лет назад был только один. Надо сначала прекратить выпуск монеты плохого качества, а затем, если и тогда будет продолжаться рост цен, дать распоряжения расследовать преступления, связанные со злоупотреблениями"⁸⁰.

Противоборство административных чиновников привело к тому, что Тояма Кагэмото, который должен был беспрекословно выполнять распоряжения родзю, на три дня задержал обнародование декабрьского указа о роспуске кабунакама, что было расценено как серьезное нарушение должностных обязанностей. Тояма Кагэмото был лишен права присутствовать на новогодней аудиенции у сёгуна. Но более суровое наказание выпало на долю Ябэ Садаори, который через несколько дней после обнародования указа был отправлен в отставку и посажен под домашний арест в Кувана, где покончил жизнь самоубийством, отказавшись принимать пищу⁸¹. Именно на место Ябэ Садаори был назначен Тории Тадатеру, который прославился своим рвением в осуществлении указов о соблюдении экономии и контроле за ценами.

Указ о роспуске торговых гильдий был обнародован в самом конце 1841 г., т. е. спустя более полугода после объявления высочайшей воли. Его полное название было следующим: "Распоряжение в адрес Токуми донъя о полном на звание было следующим: "Распоряжение в адрес Токуми донъя о прекращении использования таких названий, как накама кабусацу (товарищество обладателей лицензий — С.Т.), а также тонъя накама". Текст его был достаточно коротким, по этому приведем его полностью: "До сего времени те, кто входил в "Хигаки кайсэн цуми тонъя" (Гильдия перевозок восточным морским путем) и в другие объединения, ежегодно платили мёвосточным морским путем) в размере 12 тыс. рё, однако стало известно об их многочисленных злоупотреблениях, поэтому впредь они не будут платить этот налог. Кроме того, отныне не будет допускаться использование таких названий, как накама кабусацу, а также таких названий, как тонъя, накама кумиаи. В дополнение к этому повелеваем, чтобы товары, до сих пор доставлявшиеся на судах, принадлежащих этим объединениям, а также все иные товары, из каких бы провинций они ни привозились, покупались и продавались без ограничений только по собственному усмотрению, т. е. и членам гильдий (сирото) тоже. Кроме того, товары, привозимые из раз- личных владений даймё (кокусанруй), а также любые, привозимые в Эдо товары, могут продаваться не только членам тонъя, а любому человеку

Таблица 15*. Розничные цены в Эдо на товары повседневного потребления в августе 1842 г.

Наименование товара	Единица измерения	Цена		% снижения
		до указа	после указа	
Сёю	1 сё**	188 мон	172 мон	9
Уксус	1 сё	68 мон	64 мон	6
Сахар	1 кин***	2 момме 4 бу	2 момме 3 бу	5
Тофу	1 тё****	48 мон	44 мон	9
Саке высшего качества	1 го	24 мон	23 мон	5
Саке среднего качества	1 сё	148 мон	145 мон	3
Сомэн*****	штуки	17 связок/100 мон	18 связок/100 мон	6
Мисо*****	связка	540 момме/100 мон	600 момме/100 мон	10
Суси*****	момме	14 штук/100 мон	15 штук/100 мон	7
Бумага	1 тё****	36 мон	34 мон	6
Древесный уголь	1 хё	500 мон	466 мон	7
Свечи	момме	31-32 момме/100мон	38-39 момме/100 мон	19

* Китадзима Масамото. Мидзуно Тадакуни. Токио, 1969. С. 379; Токё хякунэн сп. 1973. Т. 1. С. 1296.

** Сё — мера ёмкости в 1,8 л.

*** Кин — мера веса около 600 гр.

**** Тё — единица количества для продуктов, продаваемых в форме бруска.

***** Тё — стопа (20 листов).

***** Сомэн — разновидность лапши.

***** Мисо — густая масса из перебродивших, протертых соевых бобов (для супов).

***** Суси — рисовые колобки, покрытые овощами или рыбой.

Таблица 16*. Цены на рис (1844-1851 гг.) (серебряные момме за 1 коку)

Год	Весна	Лето	Осень	В среднем
1844	74,5	72,6	74,5	73,9
1845	77,0	74,1	94,2	81,8
1846	93,1	99,8	81,4	89,1
1847	84,9	88,5	75,8	83,0
1848	86,2	75,0	83,6	81,6
1849	96,0	96,3	98,8	97,0
1850	101,8	98,8	146,1	115,6
1851	131,1	129,6	82,0	114,2

* Kozo Yamamura. A Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Cambridge, 1978. P. 52.

Таблица 17*. Оптовые цены на основные продовольственные товары (1844-1851 гг.) (в серебряных момме)

Год	Мисо (1 кан)	Соль (1 кан)	Соевый соус (1 коку)	Саке (1коку)	Ламповое масло (1 сё)	Хлопковая одежда (1 ган)
1844	1,8	27,2	94,4	178,5	3,5	8,4
1845	1,8	26,3	97,4	226,0	3,7	8,6
1846	1,8	28,8	97,8	228,0	4,6	8,6
1847	1,8	28,0	96,0	217,0	5,0	8,0
1848	1,8	30,0	97,0	232,0	4,9	7,9
1849	1,8	31,0	103,0	252,0	4,0	7,7
1850	2,1	35,0	107,0	263,0	4,2	8,0
1851	2,1	36,0				

*Kozo Yamamura. A Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Cambridge, 1978. P. 59.

Чтобы уяснить причины неудачи политики бакуфу, следует обратить внимание, прежде всего, на тот факт, что рост цен был вызван не только голодом годов Тэмпо. В значительно большей степени он был следствием массированных перечеканок монеты, проводившихся с 20-х гг. и многократно увеличивших наличную массу денег в обращении. Поэтому роспуск гильдий, постоянно сдерживавших рост цен, освободил дорогу инфляции, и попытки административного контроля были обречены на неудачу в долгосрочном плане, хотя и могли давать кратковременный эффект. Цены росли не потому, что торговцы не соблюдали распоряжений бакуфу, а под влиянием избыточной денежной массы в обращении, образовавшейся после перечеканки монеты. Таким образом, попытки жесткими мерами заставить горожан экономить, а торговцев — снизить цены на ходились в противоречии с экономическими тенденциями того времени и были обречены на провал.

Проблемы японского рынка

Почему роспуск гильдий фактически привел к обратному результату? Ответ на этот вопрос нужно искать не только в системе ценообразования, но и в ситуации на японском рынке, сложившейся на данный момент.

Противниками торговых гильдий были не только отдельные административные чиновники бакуфу. Предложения по роспуску торговых объединений и частичному освобождению рынка лоббировались также многими влиятельными даймё, в том числе Мито и Кию. Даймё Мито Токугава Нариаки (представителем его в Эдо был упоминавшийся ранее Фудзита Токо) направил в адрес сёгуна и Мидзуно Тадакуни несколько посланий, предлагая, в частности, принять меры против гильдий, по его мнению, несправедливо ответственные за повышение цен⁹⁴.

Добиваясь ослабления гильдий, Токугава Нариаки преследовал собственные интересы. Они заключались в том, чтобы расширить доступ на столичный рынок товаров под контролем даймё производств, которые давали доходы в казну местных правителей. Для даймё, постоянно испытывавших острую нехватку финансовых средств, этот источник доходов рассматривался как очень перспективный, поэтому лоббирование проводилось на самом высоком уровне.

Не только Мито, но и другие влиятельные дома, например Кию, также были заинтересованы в расширении продаж товаров из своих владений на столичном рынке. Результатом их коллективных усилий было включение в декабрьский 1841 г. указ о роспуске гильдий пункта, разрешавшего

свободную продажу товаров (кокусанхин), т. е. продукции производств, контролируемых даймё⁹⁵.

После издания этого указа значительно активизировалась деятельность торговцев из владений даймё. Из Акита, Хиросима, Нагоя, Овари, Кию и других владений увеличились прямые поставки в Эдо, минуя Осака. В некоторых владениях были учреждены специальные органы — кайсё, которые должны были одновременно контролировать и оказывать содействие торговцам, связывавшим местный и столичный рынки⁹⁶.

Даймё и торговцы из их владений добивались максимального увеличения выручки и доходов от своих товаров и, соответственно, были заинтересованы в продаже по высоким ценам своей продукции. Это создавало противоречие с целями бакуфу по снижению цен на столичном рынке и заставляло его руководителей спешно пересматривать свое отношение к торговле товарами, поступающими из владений даймё.

Полностью соответствовать такому решению бакуфу позиция осакского градоначальника Абэ Сёдзо. Еще в сентябре 1841 г. во время споров по поводу содержания политики соблюдения экономии Мидзуно Тадакуни отправил запрос в Осака с предложением представить свое мнение относительно причин повышения цен в Эдо. Ответ пришел только в марте следующего года, т. е. уже после издания указов о роспуске торговых гильдий. Из содержания ответа хорошо понятны причины столь затянувшихся раздумий осакских чиновников. Они выжидали удобного момента, так как их точка зрения существенно отличалась от мнения Токугава Нариаки и других влиятельных даймё.

Абэ Сёдзо полагал, что рост цен в Эдо связан не столько со злоупотреблениями членов гильдий, сколько с общим сокращением объема поступавших в Осака товаров. Причин для этого, на его взгляд, было несколько. Во-первых, товары перекупают посредники на пути к Осака и везут в другие провинции или даже в Эдо. Во-вторых, даймё расширяют свои подконтрольные производства и устанавливают прямые связи со столичным рынком. Товары не попадают в Осака и цены на них невозможно контролировать. Кроме этих причин в докладе также называются склонность населения к роскоши и плохое качество монеты.

Предложения Абэ заключались в том, чтобы направить все товарные потоки в Осака, для чего запретить перекупку товаров, следующих в Эдо. Для реализации его предложений в октябре 1842 г. было издано распоряжение о регулировании деятельности торговцев из владений даймё, которым упряднились их права на прямую торговлю в столице. Новые распоряжения бакуфу предписывало все товары направлять в столицу. Новые распоряжения должны были доставляться в столицу. Также правлять в Осака, откуда они должны были доставляться в столицу. Также

в нем запрещалась скупка товаров, производившихся в соседних владениях с целью дальнейшей их перепродажи⁹⁷.

В ноябре последовало новое распоряжение бакуфу, в котором говорилось: "В последнее время даймё районов Кинай, Тюгоку, Сикоку (западной Японии — С.Т.) различными способами скупают и накапливают на своих складах или продают назначенным для этого торговцам в ожидании подъёма цен не только продукты производств своих владений, но и продукты производства других владений. Таким образом даймё используют свою власть, чтобы мешать другим лицам в их торговле. Также до нашего сведения дошло, что даймё собирают налоги с торговцев из других мест (имеется в виду учреждение типа косингата в Симоносэки, специального органа, контролировавшего деятельность перекупщиков и оказывавшего им содействие — С.Т.) и тому подобное. В то время как бакуфу делает все возможное для снижения цен и с этой целью издало несколько распоряжений, такие действия не допустимы и требуют скорейшего исправления. Необходимо как можно быстрее это исправить".

Вследствие этого распоряжения во многих владениях были приняты меры для соблюдения указов бакуфу, например, была приостановлена деятельность косингата в Симоносэки. Соответственно торговцы из владений даймё стали нести значительные убытки и были вынуждены остановить торговлю⁹⁸.

В апреле 1843 г. от имени осакского градоначальника было издано распоряжение, запрещавшее перекупку товаров, предназначенных для Осака, в бухтах Внутреннего моря и в Акамоносэки (в Тёсю). Эта мера была направлена против контрабандной деятельности владельцев мелких судов — *уцумибунэ*, которые за наличные деньги вели скупку и продажу товаров в различных пунктах морского побережья⁹⁹. Но одновременно эта мера ударила по тем даймё, которые покровительствовали подобной деятельности. В частности, сильно пострадал бюджет южного даймё из Тёсю.

В любом случае действия бакуфу по реализации предложений Абэ Сэдо находились в прямом противоречии с финансовыми интересами многих даймё и, естественно, вызвали их сильное недовольство, повлиявшее на их позицию по отношению к Мидзуно Тадакуни. В первую очередь речь шла о таких домах как Ки и Ми то, постоянно увеличивавших свое влияние при сёгунском дворе.

При анализе указов о роспуске торговых гильдий нужно обратить внимание на фразу из распоряжений бакуфу о предоставлении прав на свободную закупку товаров для сирото. Этот термин обычно обозначает новичков и лиц, которые лишь недавно начали какую-то деятельность. Однако в то время под ним понимались самые разные категории торговцев — от

новичков до тех, кто уже по несколько лет занимался торговлей. Всех их объединяло только одно — не признание их прав со стороны гильдий, вынуждавшее заниматься торговлей на полужаконных основаниях.

Впервые пункт о предоставлении свободы торговли для сирото был внесен в указы бакуфу в 70-е гг. XVIII в., во время реализации мер по борьбе с голодом годов Тэммей. Тогда сирото были действительно новичками в торговой деятельности. Однако ко времени годов Тэмпо их состав значительно изменился. Но ситуация тоже претерпела значительные изменения. В 1813 г. было узаконено существование торгового объединения "Эдо токуми донъя", одним из принципов которого был запрет на прием новых членов. Общее количество выдаваемых лицензий на торговлю было ограничено цифрой 1995, чтобы закрепить привилегии членов гильдий. Это привело к тому, что прием новых членов в гильдии прекратился, и торговцы, которые скопили капиталы в 20-30-х гг., оставались за пределами гильдий в качестве сирото и не имели равных прав с членами гильдии.

Сирото, имевшие меньше капиталов, чем члены гильдий, но значительно более многочисленные, боролись против гильдий и их привилегий за равные права и свободу торговли (за снятие ограничений при приеме в гильдии новых членов). Это противостояние породило специфическую форму петиционной борьбы — *кунисо икки*, которая развернулась в районах деятельности гильдий¹⁰⁰. Главной ареной этой борьбы стал район Кинай, где за период 1805-1856 гг. произошло 13 таких выступлений, организаторы которых требовали отмены ограничений на торговую деятельность и свободного приема в гильдии новых членов, а также ослабления контроля цен¹⁰¹.

Как уже говорилось, наиболее мощное *кунисо* произошло в 1823 г., когда петицию подписали 63 старосты, представлявшие крестьян 1007 деревень в провинциях Сэцу и Кавати. На следующий год к ним еще присоединились жители свыше 300 деревень в провинции Кавати, и общее их число достигло 1379-ти с населением около одного миллиона человек. В тот год борьба петиционеров увенчалась успехом — представители бакуфу признали правоту их требований, и 6 июля 1823 г. осакский градоначальник издал следующее распоряжение: "...Производители хлопка и торговцы издал следующее распоряжение: "...Производители хлопка и торговцы получают разрешение самостоятельно продавать и перевозить хлопок в другие провинции. Тонья торговцев хлопком не должна вмешиваться в перевозки по водным путям, а также в перевозки с использованием кули и вьючных лошадей"¹⁰².

Формулировка, содержащаяся в указе о роспуске торговых гильдий, была очень схожа с формулировкой распоряжения 1823 г., а также указов

эпохи Мэйдзи, которыми окончательно были ликвидированы торговые гильдии. Но наряду со сходством есть и большие различия. Издавая указ о роспуске торговых гильдий, бакуфу, конечно же, добивалось не свободы торговли для лиц, не входивших в гильдии, а усиления своего контроля над ценой в городах и для этого готово было пойти на временные уступки. Однако оно допускало свободу торговли только в той степени, в какой это было необходимо для контроля над ценами.

Тем не менее, в связи с роспуском гильдий бакуфу встало перед необходимостью коренной реорганизации рынка и сделало достаточно верный первый шаг в этом направлении. Однако это произошло случайно при попытке решить совершенно иную задачу. Поэтому оно не пошло дальше в своих действиях.

Перед обществом уже в это время стояли важные проблемы, связанные с необходимостью перестройки рынка. Их нельзя было решить только теми поверхностными мерами, которые применяло бакуфу. Поэтому отдельными шагами, наподобие роспуска гильдий, изменить ситуацию было не возможно, наоборот, это вызвало хаос в ценах на рынке. И как следствие в 1851 г. были приняты меры по восстановлению гильдий.

По всем направлениям, где бакуфу случайно выходило на правильный путь решения проблем, действия реформаторов носили поверхностный характер, тогда как необходима была последовательная целенаправленная политика для решения сложных структурных проблем. Одной из таких кардинальных акций мог стать отказ от централизации рынка и перераспределения всех товаров через Осака и создание на его месте более широкого рынка с разветвленной сетью товарных потоков, что было сделано после Мэйдзи, но бакуфу не было готово к таким действиям.

Политика соблюдения экономии в повседневной жизни

В течение всей истории сёгуната политика соблюдения экономии была составной частью тех принципов, которые лежали в основе его существования. При появлении малейших экономических и финансовых трудностей правительство своими указами напоминало о том, что надо жить скромно, соблюдая экономии и сокращая расходы, и издавало запреты на пользование изделиями из золота и серебра, одеждой из шелка, на потребление дорогих пищевых продуктов. Следовать этим указам должны были как самураи, так и все остальные население.

В изучаемый период указы о соблюдении экономии издавались несколько раз, начиная с 1838 г., когда случился пожар в Нисимару и для его восстановления понадобились деньги. Указы обычно были краткими и не содержали объяснения действий руководителей бакуфу, а только перечисляли запреты. Значительно больше о мотивах руководителей в этом отношении говорит переписка родню с административными чиновниками, непосредственно отвечавшими за реализацию решений. Вот выдержка из одного такого документа от марта 1838 г.

“В последние годы несколько раз издавались указы о соблюдении экономии. Однако из года в год расходы продолжают оставаться большими, в частности, в связи с радостными событиями в семье сёгуна, строительством и ремонтом. Непредвиденные расходы накладываются друг на друга. До года Змеи (1835 год, когда был издан указ в связи с голодом — С.Т.) было проведено строгое сокращение расходов, но из-за чрезвычайных обстоятельств они значительно возросли. Перечень статей расходов увеличивается, никак не удается свести доходы и расходы, что требует постоянного внимания. Кроме того, в этом году неурожай был в районе Канто и в северных районах, что отразилось на поступлениях в казну. Поэтому начиная с года Быка (1834 год — С.Т.), было объявлено о соблюдении экономии сроком на 5 лет до года Собаки (1838 год — С.Т.). Такие распоряжения часто издавались с восьмого года Бунка (1811 год — С.Т.), и их следует всегда помнить. В период действия этих указов, какими бы ни были серьезными обстоятельства, высочайшее согласие на предоставление кредитов не будет даваться ни при каких обстоятельствах. В связи с этим все просьбы, влекущие увеличение чрезвычайных расходов, будут отклоняться, поэтому каждому надо соблюдать строгую экономии. Как говорилось ранее, в год Змеи было издано распоряжение о соблюдении экономии на несколько лет. Оно остается в силе и в настоящее время. Сейчас в связи с ремонтом Нисимару остаются огромные суммы. Самураям было дано распоряжение о внесении огромных сумм. Самураям было дано распоряжение о внесении в казну чрезвычайных взносов. Поэтому запрещается подавать прошения с просьбами о предоставлении кредитов и отсрочки уплаты нынешнего чрезвычайного взноса. Позволения не будет даваться. Об этом необходимо издать распоряжения”¹⁰³.

Из приведенного выше отрывка можно сделать вывод о том, что одной из основных целей издания указов об экономии были финансовые трудности бакуфу. Причины отрицательного баланса бюджета виделись чиновниками в росте расходов на содержание семьи сёгуна, на строительные проекты, а также в уменьшении поступлений от земельного дохода вследствие голода и увеличения непредвиденных расходов.

В сентябре 1841 г. был издан указ о соблюдении экономии сельскими жителями, запрещавший использование предметов роскоши, проведение публичных состязаний по борьбе сумо (являвшихся в то время разновидностью зрелищных мероприятий) и представлений бродячих театров (кёгэн, кабуки, дзёрури)¹⁰⁹. Таким образом, опала коснулась и зрелищных мероприятий, ибо власти считали, что они отвлекают людей от работы, а актеры нарушают указы о регламентации одежды, надевая во время представлений яркие костюмы, расшитые золотой нитью и броским орнаментом.

В октябре 1841 г. по распоряжению Мидзуно Тадакуни в городе были распространены сборники указов годов Кёхо и Кансэй по вопросам экономии. Городские старосты должны были зачитывать их перед горожанами раз в месяц, чтобы те постоянно помнили о своих обязанностях.

В октябре 1841 г. было запрещено не только покупать, но даже хранить дорогие вещи дома и предписано сдавать их в городское управление¹¹⁰.

В апреле 1842 г. был издан указ о запрещении торговли ранними овощами и фруктами, которые продавались по высоким ценам¹¹¹.

В некоторых случаях причины запрета трудно объяснить, например, на ловлю рыбы во впадинах сёгунского замка¹¹².

Всего за два с половиной года было обнаружено 178 различных запретов¹¹³. Запрещались дорогие продукты и блюда из них, расшитое кимоно ценой более 150 монне и церемониальное кимоно, стоившее более 300 монне, веера, украшенные золотом или черепаховыми пластинами, расчески и ножички для ножен самурайских мечей, куклы высотой более 24 см, украшенные росписью и инкрустацией предметы домашнего обихода, а также трубки, скульптуры, изделия из слоновой кости, макиэ (лакированные изделия с позолотой), разукрашенные детские игрушки и многое другое. На детские игрушки также устанавливался предел максимальных цен — 1 монне серебром или 100 медных монет¹¹⁴.

Все равно бакуфу было недовольно тем, как соблюдаются указы. Поэтому в 1842 г. началась большая кампания по соблюдению экономии, беспрецедентная по своей жесткости и настойчивости. Немало людей было выслано из столицы, включая некоторых монахов, проводивших богослужения в сёгунском замке. За несоблюдение указов об экономии были наказаны известные актеры кабуки, что должно было продемонстрировать всем принципиальность реформаторов в вопросе о соблюдении экономии.

За нарушение указов в отношении шелковой одежды на улицах арестовывали девушек и отправляли их на ночь в кутузку. За их освобождение родственники должны были заплатить огромный штраф в 3 тыс. медных монет¹¹⁵.

Более всего тогда пострадали простые горожане, которых безжалостно наказывали за малейшее нарушение указов. Людей арестовывали на улице за ношение запрещенной одежды, а в магазинах — за покупку дорогих вещей. При этом запрещенные указами предметы отбирались. Если их можно было сломать, это делали в присутствии владельца, если это были золотые или серебряные украшения, то их отправляли на монетный двор для переплавки в монету. Если вещь сложно было сломать, ее везли в городское управление¹¹⁶.

Городские чиновники рыскали по городу, выискивая нарушителей указов. Чиновники при этом не стеснялись в средствах и могли под видом посетителей магазина уговорить продавца продать им дорогостоящую вещь, и если тот соглашался, его сразу арестовывали и доставляли в городское управление. Информацию о нарушителях получали также от воров и преступников. Использовались и провокаторы, которые должны были ругать реформы в людных местах, а потом власти арестовывали собравшихся послушать их прохожих¹¹⁷.

Кампания 1842 г. превзошла по своей жесткости реформы годов Кёхо и Кансэй. Чтобы понять причины применения таких методов бакуфу, обратимся к переписке администраторов от 1841 г.

Сразу после обнародования высочайшей воли сёгуна о реформах параллельно с переизданием прежних указов о соблюдении экономии между различными административными чиновниками началось обсуждение причин низкой их эффективности. Мнения разделились. С одной стороны, родзю Мидзуно Тадакуни настаивал на скорейшем осуществлении указов, с другой стороны, Тояма Кагэмто (Киндзиро) и Ябэ Садаори, — чиновники, ответственные за управление столицей, — всячески откладывали их реализацию. 22 июня 1841 г. Тояма и Ябэ подали на имя родзю докладную записку, в которой говорилось, что, несмотря на строгий контроль за выполнением распоряжений 1838 и 1840 гг., экономия плохо соблюдается. Причину этого они видели в том, что для самураев были сделаны различные исключения, прежде всего, при покупке дорогостоящих вещей и продуктов. Поэтому, по их мнению, для успешного осуществления указов бакуфу необходимо прежде ликвидировать эти привилегии. Если самураи будут соблюдать экономии, то их примеру обязательно последуют и горожане. Тогда действительно прекратится покупка дорогих товаров. Поэтому Тояма и Ябэ в первую очередь предлагали отменить все исключения, оставленные для самураев¹¹⁸. Как видно из содержания этого послания, основным вопросом для чиновников бакуфу было не просто добиться экономии, а сократить торговлю дорогими вещами и продуктами, что должно было способствовать усилению контроля над ценами в столице. В то время считалось, что если

никто не будет покупать дорогих вещей, то торговцам придется снизить цены на них или вообще прекратить продажу.

В июне 1841 г. Тояма и Ябэ представили Мидзуно Тадакуни проект практических мер по обеспечению соблюдения экономии, скрупулезно заимствованный из распоряжений годов Кёхо и Кансэй, которым предписано было следовать в соответствии с высочайшей волей. Данный перечень содержал только меры, реализовавшиеся в ходе реформ годов Кёхо и Кансэй, тогда как в дальнейшем было издано ряд новых распоряжений, существенно пополнивших этот список. Перед Мидзуно Тадакуни встала проблема выбора — либо строго придерживаться буквы реформ годов Кёхо и Кансэй и сузить перечень запретов, либо следовать только духу реформ и пытаться заставить соблюдать все запреты, независимо от времени их издания.

В период между реформами годов Кансэй и Тэмпо запреты были значительно уточнены многочисленными разъяснениями, выполнить которые полностью не представлялось возможным. По этому городские чиновники противились попыткам Мидзуно Тадакуни повторить все запреты, понимая неэффективность таких мер. Мидзуно Тадакуни видел проблему в другом — прежде всего, в нерадивости административных чиновников и требовал усиления административного контроля, чтобы добиться от самураев и горожан неукоснительного соблюдения требований экономии.

Дальнейшие события показали, что Мидзуно Тадакуни пошел по пути ужесточения контроля за соблюдением запретов. В октябрьском указе 1841 г. были отменены все ранее сделанные исключения для самураев, после чего, по мнению Бакуфу, были устранены все объективные причины, влияющих на уровень цен, и осталось только нежелание горожан следовать его распоряжениям¹¹⁹. В ноябре было приказано собрать в единый список все запреты, изданные Бакуфу.

Вскоре после довали кадровые перемены и смещение Ябэ Садаори. Пришедшему ему на смену Тории Тадатеру было дозволено проводить самостоятельную политику. К нему перешло общее руководство мероприятиями по соблюдению экономии, и он с таким рвением добивался исполнения распоряжений Бакуфу, что заработал прозвище Ёдзо (гадюка). В феврале 1842 г. было закрыто в общей сложности 26 магазинов, в том числе 5 лавок, торговавших перчатками, 3 магазина изделий из черпахового панциря, 2 — одежды разных видов, 2 — зимней обуви, 2 — тканей, 2 — зонтов, а также лавки по продаже кукол, вееров, гэта, воротники для кимоно¹²⁰. Более ста владельцев магазинов было арестовано и посажено под домашний арест. Количество посетителей в некоторых магазинах уменьшилось до 2-3

за день. Ситуация была настолько тяжелой, что некоторые торговцы кончали жизнь самоубийством.

В результате осуществления политики экономии уже в 1841 г. сократился объем продаж товаров ведущих фирм. В известном магазине Этигоя (родоначальнике фирмы Мицуи), специализировавшемся на торговле одеждой, объем продаж в июне 1841 г. сократился на 40% по сравнению с июнем 1840 г. — с 11600 рё до 7000 рё. В магазине Даймаруя за тот же период выручка сократилась с 7600 рё до 4800 рё, а в магазине Сиракья — с 500 до 300 рё¹²¹. Ужесточение мер по соблюдению экономии означало для торговцев только одно — дальнейшее ухудшение торговли и падение объема продаж.

В апреле 1842 г. после издания указа о запрете на ранние овощи и фрукты на чинается массовая проверка торговых точек. Трех продавцов суши подвергли штрафу в 5 тыс. медных монет. За продажу запрещенных сладостей 26 торговцев ушли штрафу по 3 тыс. медных мон. За повторное нарушение на казнили высылкой из столицы или закрытием лавки¹²².

Действия Тории Тадатеру и Мидзуно Тадакуни в рамках кампании по соблюдению экономии и регулированию цен оставили в памяти горожан и самураев самые мрачные воспоминания. Даже некоторое снижение цен в городе не сказалось на репутации реформаторов, которые все более оказывались в изоляции.

Борьба за соблюдение экономии и вопросы культуры и нравственности

Политика соблюдения экономии в различных своих проявлениях выходила за рамки чисто финансовых вопросов и цен и затрагивала многие другие аспекты жизни японского общества, напрямую не связанные с бюджетными проблемами. Коснулась она и таких сфер как культура и нравственность, о чем свидетельствуют административные меры в отношении бродячих театров, издательского дела, публичных домов и т. д.

Поводом для издания подобных указов во время реформ годов Тэмпо стал пожар в одном из кварталов, где обособились многочисленные театральные труппы. Бакуфу издал распоряжение, в соответствии с которым, театрам было выделено новое место значительно меньшей площади. При этом количество трупп было предписано сократить с 200 до 15¹²³.

Вмешательство властей в деятельность театров под предлогом несоблюдения ими экономии было обычным явлением и началось задолго до реформ годов Тэмпо. Еще в 1827 г. столичный градоначальник впервые вы-

нес предупреждение бродячим театрам о том, что их представления отличаются излишней "роскошью". Имелось в виду, что на сцене фигурируют предметы китайского производства, а одежда артистов сшита из тканей с золотой нитью¹²⁴.

Во время реформ годов Тэмпо претензии властей к театрам были двойного рода: к одежде и к репертуару. Вызывали нарекания костюмы актеров, которые, по мнению чиновников, были изготовлены без учета требований экономии, что давало плохой пример публике. По этой причине в июле 1842 г. были арестованы и наказаны известные актеры кабуки Итакава Эбидзо и Оноэ Кикугоро. Причем первый был даже выслан из столицы¹²⁵. Особые нарекания вызвал репертуар, который якобы не соответствовал требованиям укрепления нравственных устоев общества. Поэтому было предписано изменить весь репертуар, включив в него только пьесы на темы синтоистских мифов, японских древних сказаний и повествовавший из военного эпоса¹²⁶.

Издательская деятельность также подверглась внимательству бакуфу в связи с политикой соблюдения экономии. 3 июня 1842 г. появилось распоряжение, в котором говорилось: "К вопросу о новых изданиях. Книги по конфуцианству, буддизму, синтоизму. Медицинская литература и сборники стихов. Не зависимо от вида печатной продукции, книги, содержащие критику порядков и личностей нашего времени на основе чуждых учений (термин, которым первоначально обозначалось христианство — С.Т.), слухов и "домыслов", а также любовная литература (порнографическая — С.Т.), являются недопустимыми. Запрещается публикация, а также распространение произведений о домах и их предках (имеются в виду дома даймё — С.Т.), содержащие расхождения (с официальными хрониками домов — С.Т.)". Власти пытались поставить под свой полный контроль книгоиздательскую деятельность, запрещая публиковать произведения, содержащие слухи и "домыслы" (о сёгунах и сёгунской семье), произведения, вредные с точки зрения морали и нравственности, а также произведения о даймё и их предках. Чтобы облегчить контроль, на каждом экземпляре издания предписывалось указывать имя автора и издателя. Кроме того, издателям вменялось в обязанность представлять в городское управление для получения разрешения на публикацию все без исключения черновики готовящегося издания, и после завершения печатания присылать контрольный экземпляр¹²⁷.

Бакуфу постоянно держало под своим контролем издательскую деятельность. Указы, регулировавшие эту сферу, издавались со времени реформ годов Кёхо. Сходный по своему содержанию указ был опубликован и в годы Кансэй. Указ годов Тэмпо в основной части, касавшейся запрета не-

допустимых про изведений, так же в основном повторял прежние распоряжения. Новой была последняя его часть, где говорилось о необходимости представлять властям все черновики и контрольный экземпляр издания. Внесение некоторых дополнений было вызвано предыдущим изданием в конце 1841 - на начале 1842 г. указов о роспуске торговых гильдий, согласно которым прекращала свое существование и гильдия книгоиздателей. Эта структура несла ответственность перед бакуфу за содержание печатной продукции, поэтому с ее упразднением возникла необходимость передачи ее функций другому органу, чтобы не допустить образования вакуума в системе контроля. Бакуфу пошло по пути использования бюрократических средств, передав функции гильдий государственным органам и установив для издателей дополнительные правила.

Представители бакуфу утверждали, что для них наиболее важным является борьба с произведениями, вредными с точки зрения морали и нравственности. В связи с этим был арестован и отправлен в тюрьму Тамэнага Сюнсуй, в произведениях которого любовь описывалась излишне натуралистически¹²⁸.

Однако не только заботами о нравственном состоянии общества были продиктованы указы бакуфу. Другая цель этих указов — подавление критики в адрес сёгунского дома и руководителей реформ, потому что указы бакуфу нередко были следствием внутренней борьбы различных группировок. Именно по этому, Рютэй Танэжико был наказан за произведение "Нисэмура саки инака Гэндзи" (Неправдоподобные похождения Гэндзи, написанные не Мура саки Сикибу), которое содержало намеки на прежнего сёгуна Иэнари и слишком вольные порядки в его женском окружении¹²⁹. Произведение Рютэя пользовалось популярностью среди дам, которые угаталось обитательницами женской половины сёгунского замка, которые угатывали в нем некоторых своих знакомых. Наказанием этого автора, бакуфу хотело покончить с распространившейся в обществе критикой "неумеренности" сёгуна Иэнари. Борьба против Омиё завершилась, и ее инициаторам больше не нужна была критика сёгунского дома. Чтобы обуздать общественное мнение и прекратить нападки на власть, было проведено заседание суда под председательством самого сёгуна Иэёси, решением которого Рютэй был строго наказан.

Таким образом, указ о регулировании издательской деятельности, создавший запрет публиковать слухи и "домыслы", был удобным инструментом для наказания противников и обуздания общественного мнения.

Бакуфу чрезвычайно болезненно относилось к негативной оценке своих действий и, как правило, никогда не прощало критикам их выступления, потому что почти всегда за критикой и ответными мерами стояла

борьба группировок внутри бакуфу. В декабре 1841 г. был выслан из столицы известный ученый Хирата Ацунанэ, являвшийся одним из представителей школы национальной науки кокугаку. Подтекстом этого распоряжения было стремление руководителей конфуцианской школы Хаяси (официальных идеологов бакуфу) противодействовать возрастающему влиянию кокугаку. В другом случае Ватанабэ Кадзан и Накано Тёэй в 1839 г. были наказаны за критику внешней политики бакуфу (об этом см. далее), а подтекстом ставила борьба различных группировок по вопросам укрепления береговой обороны. Поэтому даже в тех случаях, когда руководители бакуфу признавали критику достаточно справедливой, как это было в случае с Ватанабэ Кадзан и Накано Тёэй, это не избавляло авторов от наказания.

Если какие-то труды не имели прямого отношения к политической борьбе, они особо не интегрировались в строгих цензуров бакуфу. Так, реформаторы практически никак не прореагировали на ставшую политической бестселлером и одновременно политическим знаменем в годы краха сёгуната (бакумацу) книгу Рай Сангё — «Нихон гайси» (Неофициальная история Японии), изданную впервые в 1836-1837 гг. Получается, что бакуфу наказывало за прямую критику действий своих руководителей, но достаточно терпимо относилось к работам, которые не содержали прямых выпадов, хотя и выдвигали очень смелые идеи, действительно опасные для существования сёгуната. Только политической неадекватностью объяснить это трудно. Наверное, причина в том, что политическая ситуация в тот период была иной и не вызывала у бакуфу тревоги за свое будущее, поэтому руководители бакуфу не отнеслись всерьез к идеям Рай Сангё, для восприятия которых еще не была готова социально-политическая почва.

Можно предположить, что политическая ситуация 40-х гг., когда кипела борьба придворных группировок за власть, существенно отличалась от обстановки 60-х гг. XIX в., когда подавлялись идеи, содержавшие угрозу для существования всего режима. В 40-е гг. политический кризис еще не принял такой остроты, которая бы заставляла политиков подавлять идеи, опасные для режима. Характерно, что общество также не сразу обратило внимание на работу Рай Сангё, и только в 60-е гг. она обрела огромную популярность.

Официально заявленные бакуфу причины издания указов о книгоиздательской деятельности также были важны для административных чиновников бакуфу. Во всяком случае, кампания по усилению государственного контроля под лозунгом борьбы с низкопробной литературой велась очень активно, как и за соблюдение нравственных устоев в рамках исполнения указов о соблюдении экономии. Их общим элементом было усиление кон-

троля за проституцией, а также борьба с азартными играми и преступностью.

За два с половиной года — с июня 1841 г. по декабрь 1843 г. — было издано несколько десятков распоряжений, направленных на борьбу с распространением азартных игр и преступности, регламентирующих занятия проституцией. Помимо распоряжений общего плана было издано множество мелких конкретных запретов, например, относительно изготовления воздушных змеев с изображением фривольных сцен и игры на музыкальных инструментах бива и сямисэн (на которых играли на вечеринках). Все вместе эти распоряжения имели довольно внушительный объем, и раз в месяц должны были зачитываться в людных местах¹³⁰.

Указы касались женщин, ведущих распутный образ жизни, рабы женских парикмахерских, бань, игроков в азартные игры, прохожих, скрывавших свои лица, табуированных преступников (табуирование было одним из видов наказания) и др. Наиболее многочисленные из них — указы относительно занятий проституцией.

В столице постоянно существовала большая диспропорция между численностью мужчин и женщин в составе населения. Мужчин в отдельные периоды в столице было вдвое больше, чем женщин. Причем как самураев, так и простолюдинов¹³¹. Самураи, связанные обязательствами по санкин котай, приезжали в Эдо со своими даймё, оставляя, как правило, семьи на родине. Простолюдины приходили в большие города на заработки, а их семьи оставались в деревне. Поэтому преобладание числа мужчин в составе жителей столицы способствовало процветанию проституции.

Для самураев всегда были открыты заведения квартала Ёсивара, обитательницы которых представляли собой элиту полусвета. Численность их доходила до нескольких тысяч¹³². Все они имели официальное разрешение на свои занятия, их имена были внесены в специальные каталоги. Оплата их услуг была весьма высокой, но и требования к ним предъявлялись соответственные. Они должны были владеть музыкальными инструментами, уметь петь, танцевать и т. п. Бордели были украшены работами известных художников того времени. Женщинам из этого квартала посвящали литературные произведения, писали их портреты. Ёсивара, можно сказать, был своеобразным очагом эротической культуры. Влияние ее легко просматривается в литературе и живописи того времени, в том числе и в искусстве укиёэ, которое сохранило нам описания быта и нравов той эпохи.

Для большинства простолюдинов обитательницы Ёсивара были недоступны. Зато к их услугам имелось большое количество незарегистрированных проституток. Кроме того, в столице было немало сомнительного рода харчевен и чайных, где служанками работали женщины, по возрасту не

подходившие для заведений Ёсивара. Нередко именно на них обрушивался гнев общества и администрации, недовольных обилием уличных проституток и нравами, царившими в сомнительных заведениях.

Власти пытались воздействовать на жриц любви различными мерами, в том числе и административными. Обитательниц Ёсивара обвиняли в чрезмерной роскоши, выходящей за рамки провозглашаемого руководителями бакуфу принципа экономного поведения, а уличных проституток — в нарушении запрета заниматься своим промыслом вне пределов отведенных для этого мест. Периодически проводились кампании по борьбе с уличными проститутками. Предпринимались попытки вернуть заблудших в деревню под присмотр родственников. Явных нарушительниц распоряжений бакуфу жестоко наказывали (били палками или плетью, что иногда кончалось смертельным исходом). Время от времени наказывались художники и литераторы, содержание произведений которых рассматривалось как отход от установленных официальной идеологией норм. Особые требования предъявлялись в этой связи к самураям, которые были читателями, а нередко и авторами таких произведений, поэтому распоряжения бакуфу затрагивали и проблемы морали.

Естественно, что опрометчивое поведение отдельных обитательниц женской половины сёгунского замка дало повод для начала новой кампании по оздоровлению морально-нравственных устоев, которым не замедлительно воспользовались политические противники тех, кто пользовался поддержкой этих женщин. Для самураев и простодушных объявление реформ было призвано продемонстрировать намерение реформаторов жестко бороться за соблюдение традиционных моральных норм. Устраняя Омиё, Иэёси защищал свои права, тогда как для всех непосвященных (в том числе и для большинства самураев) она наказывалась за распутство и нарушение правил поведения женщин сёгунского окружения.

Поэтому к основным направлениям реформ по оздоровлению финансов, выравниванию цен, реорганизации управления, добавилась кампания, продиктованная политическими соображениями, по оздоровлению общественных нравов, которая проводилась в рамках борьбы за соблюдение экономии.

В соответствии с указами бакуфу представительницам этой профессии строго предписывалось действовать только в пределах отведенной для этого территории — квартала Ёсивара. В указе от 18 марта 1842 г. всех незарегистрированных проституток, нарушивших это предписание, полагалось отправлять под арест в городское управление. Запрещались занятия данным промыслом в банях, а также совместное мытье мужчин и женщин. Вводились ограничения на размер вознаграждения, и тщательно регламен-

тировалась одежда девушек и обстановка домов терпимости. Незарегистрированных проституток предписывалось арестовывать и отправлять к месту жительства их родителей. Отмечалось также, что предшествующие распоряжения выполняются плохо, так как проститутки устраиваются подальшицами и официантками в чайные и харчевни, меняют место своего жительства и не хотят возвращаться в места проживания родителей. Бакуфу требовало строго наказывать любые попытки уклонения от выполнения указов¹³³.

Обратим внимание на положение об отправке проституток к их прежнему месту жительства. Администрация бакуфу издавна практиковала принудительную высылку женщин легкого поведения в места проживания их родителей. Например, в 1792 г. (в ходе реформ годов Кансэй) правительство даже обязало деревенских чиновников материально помогать таковым женщинам, выделяя им средства для создания своего дома и обустройства хозяйства. В то же время чиновникам предписывалось женщин, которые продолжают прежние занятия, сурово наказывать — заковывать в кандалы и высылать в другие районы¹³⁴. Поэтому указы о контроле за поведением проституток имели дополнительную цель — способствовать восстановлению сельскохозяйственного производства в пустеющих районах, что оказалось невозможным, как и изменить в целом морально-нравственные устои общества.

Все эти указы были направлены на усиление административного контроля над различными сторонами общественной жизни и демонстрировали стремление реформаторов решать нравственные проблемы административными методами.

Заключительный этап реформ и отставка реформаторов

В июне 1843 г. бакуфу издало сразу несколько указов: о взятии под контроль земель вокруг городов Осака и Эдо (дзётирэй), о включении в состав сёгунских владений города Ниигата (Ниигата дзёти), о работах по осушению болот Инба (Инба нума кодзи) и упоминавшийся ранее указ о взимании по земельному налогу (горё кайкаку). Затем в июле последовал указ о разверстке принудительного займа с торговцев в Осака. Все эти распоряжения определяли основные направления политики на последней стадии реформ, поэтому так или иначе, все они были связаны между собой.

Издание летом сразу нескольких важных распоряжений бакуфу не было случайным, так как предварительно в качестве важного подготови-

тельно мероприятия было проведено в апреле паломничество сёгуна в Никко. Бакуфу изначально прогнозировало негативную реакцию большинства даймё на эти указы. Поэтому для их претворения в жизнь нужен был весомый аргумент, который бы заставил противников подчиниться воле руководителей бакуфу. Паломничество и явилось таким аргументом как демонстрация силы сёгуна и мощи его армии.

Негативная реакция даймё прогнозировалась легко потому, что практически все указы (за исключением указа о сборе поземельного налога) непосредственно затрагивали их интересы. Бакуфу никак не могло добиться существенного повышения своих доходов, по этому решилось прибегнуть к крайнему средству — наложить руку на богатства даймё. Руководители бакуфу рассчитывали на то, что под его управление будут переданы высокодоходные земли вокруг Эдо и Осака. Кроме того, они надевались провести ирригационные работы на болотах в районе Инба за счет даймё, и тем самым увеличить площади облагаемых налогами земли. А также перевести мелких самураев с владениями менее 500 коку на фиксированные денежные выплаты из казны. Бакуфу также рассчитывало получить займы у торговцев в Осака, традиционно кредитовавших даймё, а не бакуфу. Важным для него представлялся и контроль над портом Ниигата, являвшимся основной перевалочной базой в бассейне Японского моря.

Отношения даймё с бакуфу были сложными с самого начала реформ, о чем свидетельствовала отмена трехстороннего обмена Сёнай, Кавагоэ и Нагаока и трения при сборе средств на восстание западной части сёгунского замка в 1838 г. Новые проблемы возникли в процессе реализации решений о роспуске торговых гильдий, и к 1843 г. напряженность не уменьшилась.

Уже в 1842 г. от Мидзуно Тадакуни отвернулись многие влиятельные деятели, например, Токугава Нариаки, который выступил против паломничества сёгуна. Если в письме 1839 г. Нариаки призывал сёгуна провести паломничество с максимальным размахом, то в 1843 г. он направляет письмо, в котором, наоборот, просит отказать от этого мероприятия, мотивируя свою позицию финансовыми трудностями в стране и необходимостью экономить бюджетные средства¹³⁵.

Натянутость отношений бакуфу с даймё продемонстрировал инцидент 1842 г. между даймё из Сэндай и двумя чиновниками бакуфу, которые вели подготовительные работы к паломничеству сёгуна в Никко. Процессия даймё, возвращавшегося из столицы, где он был в соответствии с санкцин котай, первой появилась на почтовой станции. Затем туда прибыли чиновники бакуфу, которые по нормам того времени имели преимущественные права при размещении на почтовых станциях. Они потребовали осво-

бодить станцию. Однако даймё был оскорблен таким поведением чиновников, не являвшихся по своему статусу даймё и имевших более низкий ранг. В конце концов, даймё освободил станцию, но затем он потребовал извинений и даже, пригрозил больше не приезжать в столицу и игнорировать санкцин котай¹³⁶. Начался скандал, обостривший непростые отношения в бакуфу.

Мидзуно Тадакуни требовались эффективные достижения в ходе реализации реформ особенно для пополнения казны бакуфу. Предпринятые ранее меры не дали необходимых результатов, поэтому были предложены новые проекты, в том числе ирригация болот Инба, передача под контроль бакуфу земель вокруг Осака и Эдо и перевод на пайки самураев с мелкими владениями. Мидзуно Тадакуни настаивал на проведении паломничества, надеясь, что благодаря этому можно будет преодолеть сопротивление намеченным мерам правительства. Однако он явно недооценил силу растущей оппозиции.

Планы Мидзуно Тадакуни действительно не увеличивали число его сторонников, так как большинство задуманных мер ущемляло финансовые интересы различных групп самураев. Например, руководители бакуфу решили перевести всех мелких самураев с владениями менее 500 коку на фиксированные денежные выплаты в размере 17 рё за каждые 100 коку, о чем было отдано распоряжение 15 августа 1843 г.¹³⁷ Но даже при минимальной ставке налога в 30% со 100 коку можно было получать не менее 30 коку риса, т. е. при стоимости каждого коку около 1,5 рё могли получить почти в три раза больше, чем им предлагало бакуфу. Таким образом, самураи потеряли до половины прежнего дохода при переводе на денежное содержание.

Решение об ирригации болот Инба и передаче под контроль бакуфу земель вокруг Осака и Эдо также было невыгодным для различных групп самураев, и противодействие при попытках его реализации было неизбежным, более того, привело к остроконфликтной ситуации.

На стадии проработки вопроса об осушении болот речь шла исключительно об увеличении доходов бакуфу. Осуществление проекта по включению в сельскохозяйственный оборот значительных земельных угодий (площадью в 27 кв. км.) началось еще в 1842 г. и не предполагало непосредственного участия даймё в осуществлении данного проекта. Возглавивший эти работы Синода Тодзиро по рекомендации Мидзуно Тадакуни ознакомился с идеями известного аграрника того времени Ниюмия Сонтоку. Осенью 1842 г. Сонтоку был переведен в разряд прямых васалов бакуфу и назначен на должность фусин яку каку (младшего административного чиновника по строительным работам) с доходом в 20 хё. В октябре он при-

ступил к обследованию болот Инба и бассейна реки Тонегавы. В ноябре он уже представил доклад, в котором предложил проект обработки этих площадей за счет кредитов крестьянам, рассчитанный на несколько десятков лет¹³⁸. По подсчетам чиновников бакуфу на проведение работ требовалось не менее 150 тыс. рё деньгами и несколько млн. коку продовольствия¹³⁹. В казне свободных денег не было, поэтому предложения Ниномия Сонтаку были отвергнуты, и проведение работ было решено переложить на плечи даймё, что вызвало резко негативную реакцию последних.

Бакуфу надеялось, что сопротивление даймё ослабнет после паломничества сёгуна в Никко, которое состоялось в конце апреля 1843 г. Три дня огромная процессия двигалась между столицей и Никко, действительно произведя большое впечатление на современников, но утратить даймё не удалось.

В мае 1843 г. Синода Тодзиро получает должность дайкана, которая более соответствовала руководителю проекта с участием даймё, что свидетельствовало о том, что решение возложить расходы по ирригации на даймё было принято окончательно. Территория болот была разбита на пять участков, и 9 июня 1843 г. бакуфу отдало распоряжение даймё из Акипугу, Сёнай, Нумадзу, Тоттори, Каифути начать ирригационные работы. Включение в число исполнителей проекта даймё Сёнай, проявившего несговорчивость при попытке проведения трехстороннего обмена (самборётика), было своего рода наказанием за проявленную тогда непокорность. Другие даймё также имели провинности перед бакуфу, что служило основанием для привлечения их к работам. Однако использование этого проекта для наказания даймё только усилило их недовольство.

Другое большое мероприятие бакуфу того времени — попытка перевести под свое управление части земель вокруг Осака и Эдо — также вызвала до полноты недовольства с даймё.

Идея поставить под контроль бакуфу земли вокруг Осака и Эдо принадлежала Хагуре Гэки, который был одним из дайканов в провинции Канто¹⁴⁰. В ответах на запрос бакуфу относительно ситуации в деревне в 1838 г. он сделал это предложение, обосновав его необходимостью взять под контроль поток крестьян, ухивавшихся на заработки. Однако до 1842 г. это предложение не было рассмотрено. Только после того как Хагура Гэки в декабре 1842 г. был назначен андокасира (старший чиновник, контролирувавший поступление доходов в казну бакуфу), Мидзуно Тадакуни обратился к выдвинутой им идее.

1 июня 1843 г. самураям сёгуна, имевшим владения в районах, призывавших к Эдо и Осака, было отдано распоряжение передать свои земли под управление чиновников бакуфу. Мидзуно Тадакуни делает символичес-

кий жест, передав администрации свои земли с доходом в 112 коку¹⁴¹. Через несколько дней последовали указания конкретным домам в районе Эдо, при этом самые большие потери в 15 011 коку должен был понести занимавший пост вакадосиэри Хотта Масацу. 15 июня вышло следующее распоряжение, адресованное самураям, имевшим земли в непосредственной близости от Осака. Оно касалось 16 даймё и 76 хатамото, владевших в этом районе землями с доходом в общей сложности 268 257 коку. В их числе был родзо Дои Тосицура, доход с земель которого составлял 12 884 коку, входивший до издания этого указа в число активных сторонников Мидзуно Тадакуни¹⁴².

Распоряжение бакуфу вызвало большое недовольство даймё и хатамото. В этой связи Мидзуно Тадакуни разразился гневным посланием в адрес административных чиновников и даймё. Прежде всего, он разъяснил причины, побудившие издать такой указ. В первую очередь он называет финансовые трудности бакуфу. “В сёгунских владениях, — говорится в послании, — много мало плодородных земель, на которых трудно проходит согласование вопроса об отмене необоснованных вычетов из налогов (т. е. исполнение указа о поземельном налоге — С.Т.). В то же время возрастают различные расходы в связи с требованиями высочайшей воли. Отданы распоряжения о решении проблемы уплаты кредитов (об отсрочке возврата кредитов в казну — С.Т.), были отменены некоторые налоги, такие как мёгакин и ундзёкин, собиравшиеся с торговых гильдий. Все это прекрасные дела, осуществленные на основе высочайшей любви к подданным, провидимой в ущерб сюзерену и во благо стоящим ниже него”. Именно большие расходы в результате этих действий, подчеркивалось в послании, вынудили бакуфу распорядиться “передать под его управление земли с высокими доходами и получить взамен земли с более низкими доходами в отдаленных районах”¹⁴³.

Далее в документе следует ответ на аргументы оппонентов указа: “Какая бы там ни была родословная, какими бы ни были пожалования за заслуги предков, все находится в воле нынешнего сёгуна, поэтому ссылки на родословные и т. д. означают непонимание самой сути вещей и заботу о своих собственных доходах в ущерб казне. Притом что владения — суть пожалования сёгунов предшествующих поколений, иметь много доходов и пожалования сёгунов предшествующих поколений, иметь много доходов и пожалования сёгунов предшествующих поколений — это абсолютно недопустимо. Во всех домах стало много слуг, у всех разрослись семьи, от этого стало не хватать средств. Если бы все заботились исключительно только о военной подготовке, то доходов бы на все хватало. К тому же следует указать еще на то, что во времена годов Кёхо был издан указ об агэмай (разовом рисовом взносе в казну — С.Т.). Сейчас такого распоряжения дано не было.

Знать это и молча держаться за свою выгоду — нестойко самурая. Напротив, каждого должна занимать не только мысль о том, как быстрее выполнить распоряжение сёгуна, но и что можно предложить от себя. Поэтому это — счастье, что последовало распоряжение о передаче под управление бакуфу части земель. Более того, выполнение его позволяет навести порядок во владениях в районе Эдо и Осака (ликвидировать чужеродности и сделать владения едиными и компактными — С.Т.)¹⁴⁴.

Приведенный выше отрывок содержит основную аргументацию обеих сторон — бакуфу и даймё. Даймё настаивали, выступая еще против трехстороннего обмена, что земли даются за заслуги и отбираются за провинности, поэтому при отсутствии заслуг и провинностей нет оснований для проведения перемещений. В ответ на это Мидзуно Тадакуни заявляет, что все находится в воле нынешнего сёгуна, а доходы даймё — это не личная собственность, которой можно распоряжаться только по своему усмотрению. Раз земли пожалованы сёгуном и доходы пожалованы сёгуном, он может в любой момент потребовать для себя финансовой помощи и забрать их в казну, говорится в послании, поэтому при чтении этого документа достаточно явно проступает цель руководителей бакуфу — увеличить доходы казны за счет даймё и мелких самураев.

Существование указа о передаче земель под контроль бакуфу в районе Эдо и Осака окончилось неудачей для Мидзуно Тадакуни, как и реализация других указов о переводе на денежные выплаты самураев с мелкими земельными владениями и об ирригационных работах на болотах Инба. Причина заключалась в активном противодействии даймё, которые опасались дальнейших попыток бакуфу покуситься на их доходы. Единным фронтом выступили как родственники сёгуна, так и фудай и тодзама, которых в особенности обеспокоили попытки бакуфу забрать себе высокодоходные земли в окрестностях Эдо и Осака.

Многие тодзама даймё владели землями в окрестностях Эдо и Осака. Например, даймё из Сэндай (на севере Японии) имел обширные земли, дававшие 20 тыс. коку в год, в районе Осака. Он и другие даймё не без оснований опасались, что бакуфу попытается посягнуть и на доходы с этих отдаленных владений. Поэтому они выдвигают новый аргумент, заявив о том, что эти земли, дающие денежные доходы, необходимы для оплаты расходов по санкин котай¹⁴⁵. (С этого времени в политике бакуфу появляется политическая проблема санкин котай, которая позднее трансформировалась в борьбу за отмену практики посылки заложников, что было сделано в 1862 г.)

Глава дома Кии, хотя указ и не затрагивал его земли, также встал в открытую оппозицию Мидзуно Тадакуни под тем предлогом, что указ мо-

жет быть распространен и на владения Кии в Мацудзака в провинции Исэ. Но поскольку Исэ достаточно далеко от Осака, действия Кии можно трактовать в первую очередь как желание принять участие в борьбе против Мидзуно Тадакуни.

Даймё начинают активную борьбу против Мидзуно Тадакуни и его финансовых советников. В нее включаются многие фудай, тодзама и родственники сёгуна госанкэ. Наибольшую активность проявляли представители Кии, Мито, Сацума и Хиконэ. Они пользовались активной поддержкой придворной дамы Анэкодзи, которая имела постоянный доступ к сёгуну. Дой Тосицура перешел из рядов сторонников Тадакуни в число его активных противников. Совместными усилиями они убеждают сёгуна сместить своего первого министра и отменить его последние распоряжения. Все обстоятельства были против Мидзуно Тадакуни. 15 августа 1843 г., как уже говорилось, умирает на ложнице Окин, через которую он оказывал влияние на сёгуна, после этого его участь была практически решена¹⁴⁶.

7 сентября 1843 г. был отменен указ о передаче под контроль бакуфу земель вокруг Эдо и Осака. Тогда же были остановлены работы на болотах Инба. И хотя, по свидетельству современников, они были выполнены на 70-80%, более их не возобновляли. Распоряжение об официальном прекращении работ, изданное в июне следующего года, было лишь формальным подтверждением того факта, что они больше не ведутся¹⁴⁷.

За день до отмены указа о передаче земель под контроль бакуфу были отправлены в отставку такие ключевые фигуры, подготовившие этот указ, как Иноуэ Хидэхидэ и Немото Дзэндзэмон (готовившие разработку болот Инба). Оба были понижены в ранге, а Иноуэ в качестве наказания был лишен 250 коку дохода. 15 сентября получил отставку Синода Тодзиро, непосредственно руководивший работами на болотах Инба, и лишен 50 коку своих доходов, а 23 сентября — Хагура Гэки (инициатор передачи под контроль бакуфу земель вокруг Осака и Эдо), одновременно он был лишен — 40 коку доходов¹⁴⁸.

13 сентября 1843 г. был отправлен в отставку сам Мидзуно Тадакуни¹⁴⁹. В ночь после объявления об отставке Мидзуно Тадакуни у его дома собралась большая толпа народа. Люди выкрикивали оскорбления по его адресу, бросали камни, разгромили сторожевой пост, который охранял дом, и разошлись только после прибытия подкреплений из городского управления. Примечательно, что в этой толпе были не только горожане, но и самурай¹⁵⁰.

Многие даймё также были удовлетворены отставкой Тадакуни, реформы которого вызывали у них все большее раздражение. Дома госанкэ (Кии, Овари, Мито) значительно усилили свое влияние на сёгуна Иээси,

особенно дом Кири. Реформы Мидзуно Тадакуни уже выполнили свою роль в придворной борьбе, а их дальнейшее осуществление все более противоречило интересам победившей группировки, которой для закрепления общественной власти необходимо было не обострение отношений с даймё, а их нормализация. Поэтому Тадакуни был отправлен в отставку, а реформы разом прекращены и вместо него место первым министром был назначен Дои Тосицура.

После отставки Мидзуно Тадакуни проблем у бакуфу не уменьшилось. Даймё обрели большую самостоятельность. Непосредственно это проявилось уже в следующем году, когда в замке Эдо случился новый пожар, почти полностью уничтоживший основную резиденцию сёгуна Хоммару, и бакуфу встало перед необходимостью проводить масштабные восстановительные работы.

Пожар произошел 10 мая 1844 г. Как и в 1838 г. бакуфу попыталось собрать с даймё средства на восстановление, о чем 15 мая было дано распоряжение, но реакция даймё была откровенно негативной. По этому Дои Тосицура уже 13 июня под предлогом болезни сложил с себя обязанности руководителя работ по восстановлению Хоммару, которые были поручены родню Абэ Масахиро (в то время ему было 26 лет). Этой ситуацией попытался воспользоваться Мидзуно Тадакуни, имевший опыт успешного руководства восстановлением Нисимару в 1838 г. 21 июня он добился того, что его назначили опять родню, но сделать большего не смог. Абэ Масахиро решительно выступил против этого назначения и в знак протеста отказался являться в замок для выполнения своих обязанностей, и с 22 по 29 июня не выходил на службу. Борьбу выиграл Абэ Масахиро и стоявшие за ним Анэкодзи и дом Кири. В июле Абэ Масахиро получает под свое руководство финансы бакуфу. Хотя Тадакуни удалось добиться, чтобы Абэ Масахиро выполнял эти обязанности вместе с Хори Такасигэ, являвшимся сторонником Тадакуни, реально руководство финансами принадлежало все же Абэ. Тадакуни фактически не выполнял никаких поручений и, подав прошение об отставке, оставил свой пост за несколько дней до объявления об окончании работ в Хоммару. На этот раз он ушел, как гласила формулировка указа, по собственному желанию, однако недруги не простили ему попытки возвращения во власть.

Против Тадакуни были использованы документы, полученные в ходе следствия по делу Гото Сандзаэмона, возглавлявшего монетный двор (гиндза) и руководившего перечеканкой. В них говорилось, что Сандзаэмон давал взятки Мидзуно Тадакуни. В результате Тадакуни был лишен 20 тыс. коку и основной усадьбы в столице и был помещен под домашний арест, где нахаживался почти до самой своей смерти в 1849 г.¹⁵¹

Борьба между Мидзуно Тадакуни и Абэ Масахиро сильно ослабила позиции бакуфу. Абэ Масахиро не удалось добиться расположения даймё в вопросе о ремонте Хоммару. В ноябре он издал распоряжение, по которому суммы взносов даймё были значительно уменьшены. Хотя даймё по новым правилам должны были платить в три раза меньше, т. е. 500 рё с 10 тыс. коку, однако они не спешили вносить свою долю¹⁵². В конечном итоге бакуфу пришлось проводить восстановительные работы за счет собственных средств. Из общей суммы расходов в 2 млн. 474 тыс. рё бакуфу оплатило 1 млн. 754 тыс. рё¹⁵³. Необходимая сумма была получена в основном за счет допполнительной перечеканки монеты.

Молчаливый отказ даймё от платежей на восстановление Хоммару имел далеко идущие последствия. По крайней мере, по мнению японского исследователя Фудзита Сатору, реакция даймё на указ о восстановлении Хоммару повлияла на решение Абэ Масахиро в 1853 г. во время появления американской эскадры Перри. Именно ожидание значительных расходов при решении этого вопроса заставило бакуфу обратиться к даймё представить свое мнение относительно разрешения этой проблемы и возможности прекращения изоляции страны¹⁵⁴.

Возникновение новых проблем бакуфу после указа о передаче земель во круг Осаки и Эдо стало закономерным итогом деятельности реформаторов. Попытки увеличить государственные доходы за счет даймё вели только к усилению напряженности в отношениях с ними, в то время как структурные проблемы, связанные с поземельным налогом или неудовлетворительной системой обложения торговой деятельности, оставались вне поля зрения реформаторов.

Примечания

- 1 Токугава дзюгодайси. Токио, 1968. С.2816-2863.
- 2 Канбаси Норимаса. Указ. соч. С.244.
- 3 Митамура Энгё. Эдо сэйкацу-но ура то омотэ // Митамура Энгё собр. соч. Т. 6. С. 379.
- 4 Эдо дзидай-но кикин. Токио, 1982. С. 105-109.
- 5 Митамура Энгё. Указ. соч. С. 374-375.
- 6 Там же. С. 22.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 380.
- 9 Там же. С. 378.
- 10 Эдо дзидай-но кикин. С. 105-109.
- 11 Нихон си дзитэн. С. 1092.
- 12 Эдо дзидай-но кикин. С. 109.
- 13 Аоки Кодзи. Хякусё икки сого нэнпё. Токио, 1971. С. 31 - 32.
- 14 Мураката содо то ёнаоси. Т. 2. Токио, 1973. С. 328-373.
- 15 Токугава дзюгодайси. С. 2824.
- 16 Там же.
- 17 Симадзу Нариакира-но субэтэ. С. 47.
- 18 Миками Рюдзо. Эдо бакуфу, тосан-э-но мити. С. 152.
- 19 Токугава дзюгодайси. С. 2841.
- 20 Фудзита Сатору. Указ. соч. С. 166-167.
- 21 Там же.
- 22 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. Нихон рэкиси. Т. 22. Токио, 1975. С. 266.
- 23 Фудзита Сатору. Указ. соч. С. 164.
- 24 Ооку-но сэйкацу. С. 273.
- 25 Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэпудэн. С. 295.
- 26 Урабэ Норико. Эдодзё ооку-но оннатати. Токио, 1988. С. 133-136.
- 27 Токио-но хякунэн си. С. 1275.
- 28 Фудзита Сатору. Мидзуно Тадакунни. Токио, 1994. С. 139.
- 29 Урабэ Норико. Указ. соч. С. 136.
- 30 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 1. Токио, 1992. С. 20.

- 31 Там же. Т. 4. 1993. С. 394.
- 32 Там же. Т. 5. 1994. С. 133.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Канагавакэн си. Т. 5. С. 496-498.
- 37 Там же.
- 38 Токугава дзюгодайси. С. 2880.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Огути Юдзиро. Тэмпо ки-но сэйкаку. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио. 1976. С. 344.
- 42 Аоки Митио. Указ. соч. С. 56-58.
- 43 Китадзима Масамото. Мидзуно Тадакунни. Токио, 1969. С. 328.
- 44 Огути Юдзиро. Указ. соч. С. 352.
- 45 Там же.
- 46 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 2. 1992. С. 325.
- 47 Там же.
- 48 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 42-50.
- 49 Цуда Хидэо. Указ. соч. С. 308-309.
- 50 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 2. С. 325.
- 51 Цуда Хидэо. Указ. соч. С. 310.
- 52 Минами Кадзуо. Эдо-но сякай кодзо. Токио, 1969. С. 100.
- 53 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 84-85.
- 54 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 523-528.
- 55 Минами Кадзуо. Бакумацу Эдо сякай-но кэнкю. Токио, 1978. С. 147.
- 56 Токио-но хякунэн си. С. 1330.
- 57 Минами Кадзуо. Бакумацу Эдо сякай-но кэнкю. С. 151-152.
- 58 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 340-341.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Минами Кадзуо. Бакумацу Эдо сякай-но кэнкю. С. 147.
- 62 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 112.

- 63 Там же. Т. 2. С. 330.
- 64 Минами Кадзуо. Бакумацу Эдо сякай-но кэнкю. С. 149.
- 65 Кавасаки Фусагоро. Указ. соч. С. 15.
- 66 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 2. С. 330.
- 67 Фудзита Сатору. XIX — сэйки дзэмпан-но нихон. Нихон рэкиси. Т. 15. Токио, 1995. С. 12.
- 68 Цуда Хидэо. Указ. соч. С. 312.
- 69 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 4. С. 268.
- 70 Офурэгаки Тэмпо сюсэй. С. 713-714.
- 71 Сакудо Ётаро. Указ. соч. С. 516.
- 72 Китабара Сусуму. Эдо-но фудасаси. Токио, 1985. С. 185.
- 73 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 4. С. 487.
- 74 Китабара Сусуму. Указ. соч. С. 186.
- 75 Там же. С. 187.
- 76 Цуда Хидэо. Указ. соч. С. 374-375.
- 77 Исии Рёсукэ. Кинсэй миндзи сосёхо си. Токио, 1984. С. 344-346.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 80.
- 81 Там же.
- 82 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 6-7.
- 83 Оиси Синдзабуро. Кёхо кайкаку. Нихон рэкиси. Т. 11. 1963. С. 304-305.
- 84 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 6-7.
- 85 Нихон дзайсэй кэйдзай сирё. Т. 3. Токио, 1924. С. 493.
- 86 Там же. С. 360-361.
- 87 Кавасаки Фусагоро. Указ. соч. С. 69.
- 88 Окамото Рёити. Указ. соч. С. 226.
- 89 Нихон дзайсэй кэйдзай сирё. Т. 3. С. 493.
- 90 Токугава дзюгодайси. С. 2914.
- 91 Токё хякунэн си. Т. 1. Токио, 1973. С. 1294.
- 92 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 2. С. 330.
- 93 Там же. Т. 5. С. 48.
- 94 Мигтохан сирё. С. 140.

- 95 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 6-7.
- 96 Цуда Хидэо. Тэмпо кайкаку-но кэйдзайтэки иги // Нихон кэйдзай си тайкэй. Т. 4. Ч. 2. Токио, 1965. С. 326-327.
- 97 Осака си си. Т. 4. Ч. 2. Осака, 1912. С. 1623.
- 98 Иноуэ Кацуо. Указ. соч. С. 110.
- 99 О деятельности таких судов см.: Сайто Ёсиюки. Уцумибунэ то бакухансэй сидзё-но кайтай. Токио, 1994.
- 100 Толстогузов С. А. Противоречия городского и сельского торгового капитала и петиционная борьба в первой половине XIX века // Общие движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. Москва, 1987. С. 270-275.
- 101 Ясуока Сигэаки. Нихон хокэн сэйкацу сирон. Токио, 1963. С. 178-181.
- 102 Hauser W.V. Op. cit. P. 16.
- 103 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 4. С. 391.
- 104 Там же. С. 391-392.
- 105 Там же. С. 392.
- 106 Токио-но хякунэн си. С. 1281, 1286.
- 107 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 4. С. 397.
- 108 Дай Нихон кинсэй сирё. Т. 18. Токио, 1963. С. 140.
- 109 Токугава дзюгодайси. С. 2876.
- 110 Токио-но хякунэн си. С. 1290.
- 111 Китадзима Масамото. Мидзуно Тадакуни. С. 338.
- 112 Домон Фуюдзи. Тояма Киндзиро. Токио, 1982. С. 60-61.
- 113 Токио-но хякунэн си. С. 1289.
- 114 Там же. С. 1290. Дай Нихон кинсэй сирё. С. 10.
- 115 Токио-но хякунэн си. С. 1290.
- 116 Там же. С. 1291.
- 117 Там же.
- 118 Дай Нихон кинсэй сирё. С. 149.
- 119 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 4. С. 399.
- 120 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. С. 274.
- 121 Юрагу хокэнсэй. Эмиури симбунся Нихон-но рэкиси. Т. 9. Токио, 1959. С. 238.
- 122 Токио-но хякунэн си. С. 1302.

- 123 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 73-74.
 124 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. С. 179.
 125 Юрагу хокэнсэй... С. 237.
 126 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 73-74.
 127 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 300.
 128 Иидзава Тадасу. Конта Ёдзо, Хаясу Ёсикадзу. Эдо порно-но торисимари, НКК рэкиси-э-но сётэй. Т. 17. Токио, 1990. С. 71-74.
 129 Там же.
 130 Токио-но хякунэн си. С. 1289.
 131 Кавасаки Фусаторо. Указ. соч. С. 19.
 132 Там же. С. 21.
 133 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 272-273.
 134 Офурэгаки Тэмпо сюсэй. С. 749.
 135 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 159.
 136 Там же. С. 171.
 137 Токугава дзюгодайси. С. 2958.
 138 Нихон-но мэйтё. Т. 26. С. 32-33.
 139 Аоки Митио. Эдо то Осака. Тайкэй Нихон-но рэкиси. Т. 10. 1993. С. 4.
 140 Мураками Тадаси. Эдо бакуфу-но дайкан гундзо. Токио, 1997. С. 164.
 141 Юрагу хокэнсэй... С. 240.
 142 Цуда Хидэо. Тэмпо кайкаку. С. 355.
 143 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 2. С. 308-309.
 144 Там же.
 145 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 178.
 146 Ооку-но сэйкаку. С. 293.
 147 Фудзита Сатору. Мидзуно Тадакуни. С. 176-177.
 148 Там же. С. 164.
 149 Там же. С. 164-165.
 150 Там же. С. 183-184.
 151 Там же. С. 194-210.
 152 Токугава дзюгодайси. С. 2981.
 153 Фудзита Сатору. Мидзуно Тадакуни. С. 200.
 154 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 184-185.

ГЛАВА III

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕФОРМЫ.

Внешнеполитическая обстановка в первой половине XIX в.

В конце XVIII - начале XIX веков во внешней политике Японии происходят серьезные изменения. Если на протяжении большей части XVIII в. у японских берегов появлялись только суда Голландии, Китая, Кореи, то в конце столетия здесь побывали суда Англии, Северо-Американских Штатов, Франции и России, что существенно повлияло на внешнюю политику Японии.

В конце XVIII - начале XIX вв. позиция бакуфу в отношении кораблей иностранных держав ужесточилась. Причиной тому было, во-первых, использование европейскими державами методов силового давления для установления торговых контактов, во-вторых, стремление придворных группировок манипулировать лозунгом борьбы с внешней угрозой в политической борьбе.

Именно в этот период появился термин "сакоку" (изоляция страны), который в 1801 г. впервые употребил Сидзуки Тадао при переводе на японский язык книги бывшего служащего голландской фактории в Нагасаки Энгельберта Кемпфера¹.

На рубеже веков бакуфу пришлось существенно изменить свою политику по отношению к иностранным судам. В XVII - XVIII вв. эта политика в основном ограничивалась вопросами оказания помощи судам, потерпевшим кораблекрушение у берегов Японии. В то время это были в основном китайские и корейские суда, с правительствами которых поддерживались регулярные отношения, поэтому были выработаны определенные правила контактов с такими судами. Прежде всего, власти того района, к берегу которого пришло иностранное судно, должны были сообщить бакуфу о его появлении, предоставить команду продовольствие, воду, дрова, а затем проводить судно в Нагасаки, откуда оно должно было быть выдвинуто из японских вод². Для случаев с судами, не принадлежавшими Китаю, Корее или Голландии, у бакуфу не было готовых инструкций, поэтому пришлось выработать фактически новые правила обращения с иностранными

завязать отношения, но каждый раз его встречали лодки, сигналившие ему уходить⁵.

Следующая попытка была сделана в 1803 г., за год до посольства Резанова, когда американский капитан Стюарт, который побывал в Нагасаки по поручению голландской фактории на о. Ява, смог уговорить нескольких английских торговцев из Индии снарядить два судна для путешествия в Нагасаки. Одна из его миссия также закончилась неудачей⁶.

Голландия во время наполеоновских войн, чтобы избежать столкновений с английскими боевыми кораблями, тайно прибегла к услугам третьих стран для торговли с Японией. С 1797 по 1809 гг. приблизительно восемь раз для этого использовались американские суда⁷, благодаря чему американские капитаны получили точные данные о морских путях в Японию. Голландская сторона длительное время скрывала этот факт, но в 1803 г. была вынуждена сообщить об этом бакуфу. Так в Японии появились первые сведения об Америке (уже сильно устаревшие, в частности, в них говорилось, что это часть Англии)⁸.

Завоеванная Наполеоном Голландия оказалась в состоянии войны с Англией. В результате английский флот временно захватил большинство голландских факторий, в том числе и на о. Ява. Последним прибежищем голландцев осталась фактория в Нагасаки, которая тоже стала объектом внимания англичан. В 1813 г. английский губернатор Явы отправил в Нагасаки два судна, но голландский представитель ответил отказом признать власть Англии⁹.

Наибольший резонанс в Японии получил инцидент 1808 г. Тогда в гавань Нагасаки зашел английский фрегат "Фазтон" с целью обнаружения там торговых судов Голландии. Не застав в порту крупных кораблей, он захватил вышедших к нему навстречу представителей голландской фактории и удалился из Нагасаки. Однако градоначальник Нагасаки Мацудайра Ясунидэ счел себя виновным за пропуск судна и совершил самоубийство, что сразу сделало известным всей Японии факт заходов английских судов в порты страны¹⁰.

После прекращения войны с Францией фактория на о. Ява была возвращена Голландии, и активность англичан в попытках установить контакты с Японией снизилась. Тем не менее, в 1818 г. капитан Гордон решил попытаться счастья не в Нагасаки, а в столице и направил свой бриг к г. Урага, расположенному при входе в столичный залив. Его попытка также закончилась неудачей, но надела много шума, заставив говорить о слабости оборонительных сооружений столицы¹¹.

С 20-х гг. в японских водах появилось много иностранных судов, занятых промыслом китов и морского зверя. Китовый жир в больших количе-

ствах стал использоваться на фабриках для освещения (нефть еще не применялась для этих целей), по этому резко возросло число мелких китобойных судов, ведущих промысел в Тихом океане, в том числе и у берегов Японии. Например, в 1822 г. в японских водах находилось постоянно 33 китобойных судна¹². Это создало новую проблему для бакуфу.

Обычно это были мелкие суда, которые не представляли угрозы для безопасности страны. Однако они могли с легкостью приставать к побережью в любом районе и высаживаться еще до того, как успеет прибыть береговая охрана. Высадки китобоев стали происходить в различных пунктах побережья от Мито до Сацума (от Канто до Кюсю), поэтому бакуфу в 1825 г. издало указ о решительном выдворении иностранных судов. Объект действия указа — "мелкие суда, которые в последнее время приближаются в различных местах к побережью, требуют для себя провизии, даже высаживаются на побережье или захватывают продукты с проходящих судов, а также устраивают охоты на диких зверей на суше". Указ предписывал "препятствовать попыткам высадки военной силой, высылать погоню, если судно пыгается уйти в море, а в случае высадки, арестовывать и убивать команду"¹³.

Обстановку также обострил инцидент 1828 г. с немецким ученым Зибольдтом, работавшим в голландской фактории. На обратном пути из Японии его корабль попал в жестокий шторм и был выброшен на берег. Прибывшие японские чиновники среди вещей Зибольдта обнаружили самую подробную карту Японии того времени, составленную Ино Тадака. Она являлась строго запрещенным для вывоза предметом, было начато разбирательство. В ходе его выяснилось, что карта была передана немецкому ученому чиновнику бакуфу по имени Такахаши Кагэясу. Он и его помощники были подвергнуты суровому наказанию, а Зибольдт — выслан из страны без права возвращения. Этот случай крайне отрицательно повлиял на состояние внешнеполитических связей, ибо усилил подозрительность чиновников бакуфу по отношению к европейцам и японцам, изучавшим голландскую науку.

Не смотря на то, что указ 1825 г. касался в первую очередь мелких китобойных судов, в 1837 г. он был применен для выдворения американского судна "Морисон", которое зашло в Урага в надежде добиться разрешения на торговлю. Капитан всячески стремился продемонстрировать свои добрые намерения. На борту судна находилось семейство японцев, унесенных бурей в Америку. С корабля были сняты все артиллерийские орудия.

Японские власти были извещены голландцами о целях капитана корабля и заранее определили свое решение¹⁴. По распоряжению из Эдо градоначальник Урага, даже не вступая в переговоры, как было принято в та-

ких случаях, отдал приказ на обстрел корабля. Когда несколько ядер ушло в море, капитан принял решение уйти из японских вод¹⁵.

Инцидент с судном "Морисон" в очередной раз вызвал споры о надежности обороны Японии, и, прежде всего, столицы. Кроме того, примененные в этом случае указы 1825 г. также вызвало критику. С судна не смогли высадиться находившиеся на нем японцы, что дало еще один повод для критики. Буквально через месяц были опубликованы две работы известных голландцев Ватанабэ Кадзан и Накано Тёэй, содержащие критику действий представителей бакуфу.

Многие современники высказывали свои предложения по поводу совершенствования береговой обороны. В основном они касались того, как эффективнее расположить даймё, чтобы создать оборонительную систему, в которой бы не было уязвимых мест, и на наиболее рационально разместить береговые батареи. Один из таких планов, ориентированный на строительство береговых батарей в районе залива Эдо и на ликвидацию мелких владений на побережье, бакуфу начало реализовывать еще в ходе реформ годов Кансэй, но не успело завершить¹⁶.

Были высказаны и иные предложения. Например, Токугава Нариаки предлагал разрешить строительство крупных морских судов для усиления обороны¹⁷. Свои идеи он неоднократно излагал сёгуну, а также использовал для критики первых министров бакуфу.

Для изучения состояния оборонительной системы залива Эдо Мидзуно Тадакунэ решил провести новое обследование. В этот район были отправлены две инспекторские группы, одну из которых возглавлял Тории Тадатэру, а вторую — Эгава Хидэтапу. И хотя они принадлежали к разным группировкам внутри бакуфу, представленные ими предложения по поводу совершенствования обороны залива были схожими и в целом выдержаны в духе реформ годов Кансэй. Они предлагали построить дополнительные береговые батареи и провести перестановки среди даймё, чтобы передать все участки побережья в руки крупных даймё, имевших больше финансовых средств и людских ресурсов. Различия в планах заключались только в том, где возводить батареи и кому из даймё передавать участки побережья.

Одновременно после проведения обследования состояния обороны неожиданно были выдвинуты обвинения против Ватанабэ Кадзан и Накано Тёэй. В докладной записке, поданной Тории Тадатэру, указывалось, что помимо внешней существует также и внутренняя угроза со стороны лиц, которые занимаются изучением иностранных государств, верят в силу этих государств и строят планы переселения на необитаемые острова (имелись в ви-

ду острова Огасавара, не входившие тогда в состав территории Японии). Началось разбирательство.

Ватанабэ Кадзан был самураем из Тавара в провинции Микава — не больших владений с официальным сбором риса всего в 12 тыс. коку, но на даймё которых лежала обязанность обороны побережья почти всей провинции Микава. Понятен интерес местных самураев к проблемам обороны, ибо это была их первейшая обязанность. Кадзан занимался переводом голландских книг, образовав общество единомышленников, которое именовалось банся (общество по изучению "варварской" науки), где велись дискуссии по вопросам обороны страны. На обсуждениях часто присутствовали такие известные деятели, как Фудзита Токо (из Мито), Эгава Хидэтапу.

Ватанабэ Кадзан помогал Эгаве Хидэтапу в проведении обследования состояния обороны залива и подготовке предложений. Именно этим обстоятельством и воспользовался Тории Тадатэру для борьбы с оппонентом. Обвинив Ватанабэ Кадзан, он поставил под удар Эгаву Хидэтапу. Одновременно он рассчитывал на то, что обвинения против Ватанабэ Кадзан будут поддержаны теми представителями в бакуфу, которых тот критиковал во время инцидента с заходом американского судна "Морисон".

Ватанабэ Кадзан был арестован и подвергнут допросу. Обвинения в планах посетить незаселенные острова отпало, но в доме Кадзана нашли критические записки о военной политике бакуфу, которые были расценены как недопустимые. В конечном итоге, он был помещен под домашний арест в Тавара, где предположительно совершил сэппуку.

Вскоре были изданы указы бакуфу, запрещающие использовать голландские слова в названиях и вывесках, а также об ограничении доступа к переводной голландской литературе лиц, не имеющих к этому не посредственного отношения¹⁸. Для ученых-голландцев наступили трудные времена.

В действиях Тории Тадатэру, видимо, не обходимо, прежде всего, усматривать проявления соперничества различных группировок в бакуфу. Причем это не было только административное соперничество, оно имело и идеологическую подоплеку. Тории был вторым сыном Хаяси Сюсай, твердого сторонника идеи изоляции, главы школы, имевшей привилегию единственного официального учения, признанного бакуфу. По своему статусу глава этой школы приравнивался к родю. По этому представители школы Хаяси ревностно следили за тем, чтобы никакие иные учения не укрепили свое влияние в бакуфу и периодически проводили кампании для устранения представителей других школ и учений: В годы Тэмпо объектом их критики стали не только голландоведы, но и такой известный представитель школы национальной науки, как Хирата Ацутанэ.

Принципиальным моментом в учении школы Хаяси была защита идеи изоляции, которая предполагала максимальное сокращение внешних контактов и решительное пресечение всех попыток иностранных государств завязать отношения с Японией. С таких позиций она критиковала своих идейных оппонентов и политических соперников.

Надо отметить, что гонения на иные школы и идейные направления осуществлялись не независимо от личных пристрастий. Так, сам Тории Тадагэру занимался изучением трудов европейцев, поэтому некоторые современные исследователи причисляют его к голландо-ведам¹⁹, но это не помешало ему стать гонителем Ватанабэ Кадзан.

В такой обстановке в июне 1840 г. приходит сообщение о начале первой "опиумной" войны. Эта новость заставила бакуфу вновь вернуться к проблемам внешней политики и обороноспособности страны.

Реформы обороноспособности страны

В ходе реформ внешнеполитические проблемы постепенно заставляют обращать на себя все большее внимание. Это связано было в первую очередь с событиями первой "опиумной" войны в Китае, продолжавшейся с 1840 по 1842 гг. Первые сообщения о ней поступили уже в июне 1840 г. от голландцев, которые привезли сингапурские газеты с сообщениями о победе англичан в Кантоне. Эти сообщения были встречены в Японии с недоверием, ибо там считалось почти невозможным, чтобы такая большая страна как Китай стала объектом агрессии. Еще большие сомнения вызывали сообщения о масштабах победы англичан. Однако несколько позднее китайские торговцы подтвердили сообщения европейцев, чем вызвали большое беспокойство руководителей бакуфу²⁰.

В Японии много споров вызвал случай с судном "Морисон", поэтому здесь ожидали повторения заходов иностранных судов в японские воды. Предвидя такие попытки, бакуфу решило проверить обороноспособность сёгунской армии, и это было поручено Ходзэ Оносукэ. Представленный им в 1840 г. доклад содержал неутешительные сведения. В нем говорилось: "В частях сёгунской армии к огнестрельному оружию и артиллерии господствует превращенное отношение. Продолжается использование фитилей, которые в Европе давно забыты. В обращении с огнестрельным оружием предпочтение отдается малоценным китайским принципам. Самураи знатных фамилий предпочитают не пользоваться мушкетами, так как стрельба из них может нанести ущерб здоровью. Все плохо стреляют. В мотивации куми и сэнгэ тэппо куми (подразделения, сохранившиеся в сёгунской армии с XVI в., в которых основным видом вооружения было огнест-

рельное оружие — С.Т.) имеется лишь 6 человек, которые сносно умеют стрелять"²¹.

Уже из этого отрывка понятно, что Ходзэ Оносукэ имел представление о состоянии военной техники в Европе. Данные об этом поступали от голландцев через Нагасаки. Там же служили и административные чиновники, хорошо осведомленные о современном уровне развития военной техники и степени отставания Японии. Одним из них был Такасима Сюхан, в обязанности которого входил контроль над торговлей с Китаем и Голландией. Он давно проявлял интерес к европейской военной науке и не сомневался в необходимости срочных преобразований в сёгунской армии. Уже в сентябре 1840 г. Такасима Сюхан отправляет на имя Мидзуно Тадакуни докладную записку, в которой, основываясь на своих познаниях в европейском военном деле, изложил свои мысли по усилению японской армии. Он считал, что преимущества Англии достигнуты в основном за счет прогресса в морском и артиллерийском деле и военной тактике. Поэтому, на его взгляд, было необходимо организовать изучение европейского артиллерийского дела и тактики ведения боевых действий, а также принять на вооружение японской армии мортиры, появившиеся в Европе, и разместить их на береговых батареях у Нагасаки и на побережье залива Эдо²².

Такасима Сюхан уже на протяжении нескольких лет целенаправленно изучал европейское оружие и тактику, для чего использовал свое право заказывать литературу и образцы оружия через голландскую факторию в Нагасаки. В его библиотеке насчитывалось 111 томов книг с описанием различных типов вооружений и методов ведения боевых действий. Закупки образцов вооружений при Такасима приняли систематический характер. В особенности его интересовала артиллерийская техника. В 1832 г. им была закуплена мортира, в 1834 г. — орудие для стрельбы бомбами (начиненные порохом боеприпасы), в 1835 г. — две колесные пушки. Кроме того, ежегодно отправлялись заказы на закупку от 10 до 24 ружей. Часть заказов делалась по просьбам административных чиновников и дaimё. Например, Эгава Хидэтацу заказал 24 ружья, а дaimё из Тавара (где служил Ватанабэ Кадзан) — девять²³.

Такасима получил голландские полевые уставы и проводил обучение проходивших в Нагасаки службу самураев по линейной тактике европейской армии с применением огнестрельного оружия и артиллерийских орудий. Он предлагал принять линейные принципы ведения боя для всей сёгунской армии.

Записка Такасима была передана для ознакомления Тории Тадагэру, который дал отрицательное заключение. Суть его возражений сводилась к тому, что в Японии реализовать эти предложения очень затруднительно,

так как отличается сам способ ведения военных действий, который основан на смелости и мужестве²⁴. (Такую позицию разделяли достаточно многие, и дискуссия о том, что важнее — боевой дух или современное вооружение — продлилась до Мэйдзи исин).

Не смотря на отрицательное заключение Тории Тадатеру, Такаси́ма Сюхан все же получает распоряжение прибыть в Эдо. В декабре 1840 г. он отправляется в столицу вместе с не большим отрядом самураев из Нагасаки, которые проходили подготовку под его началом. С собой он взял четыре артиллерийских орудия и некоторое количество ружей. В столицу Такаси́ма Сюхан прибыл 7 февраля следующего года и готов был сразу приступить к показу своих новшеств, но руководители бакуфу предпочли не спешить.

Использование голландских уставов и европейского оружия было очень смелым шагом для того времени — многие в бакуфу противились нововведениям по европейским образцам. Мидзуно Тадакунни дал свое согласие только после долгих раздумий, выжидая и выбирая благоприятный момент. Демонстрация европейской военной тактики была приурочена к объявлению высочайшей воли. Хотя при этом не упоминалось о военной реформе, сёгунские слова как бы санкционировали новшества, которые сравнительно недавно могли быть наказуемыми. Только в мае Такаси́ма Сюхан смог продемонстрировать тактические упражнения по голландским уставам в местечке Токумаругахара недалеко от Эдо.

Бакуфу действовало очень осторожно, разрешая обучение пользованию европейским оружием и военной науке. До получения особого разрешения от Мидзуно Тадакунни Такаси́ма Сюхан было позволено беседовать на эти темы только с одним человеком — Эгава Хидэтацу. Все ученики Такаси́ма, прибывшие из Нагасаки, были переведены в прямое подчинение бакуфу и не могли без его ведома демонстрировать свои умения.

К началу демонстрации в Токумаругахара, численность отряда была определена в 100 человек, в которые входили исключительно самураи. В подавляющем большинстве они принадлежали к различным подразделениям армии сёгуна, однако 30 человек представляли различные владения даймё: Мито (8), Такасаки (4), Нисио (3), Ивакуни (3), Сага (3), Сёнай (2), Хамамату (1), Сацума (1), Тавара (1) и несколько других²⁵. Хотя в тренировках участвовали не только самураи бакуфу, но ограничения для самураев из тех владений, особенно из западной Японии, сохранялись до июня следующего года, когда бакуфу объявило всех даймё усилить береговую оборону.

В июле 1841 г. Эгава Хидэтацу было дано распоряжение начать в местечке Нираяма отливку пушек по европейскому образцу на основе тех-

нологии, предложенной Такаси́ма. В сентябре следующего года было решено производить артиллерийские орудия всем даймё²⁶.

Такаси́ма Сюхан некоторое время еще пользовался благосклонностью высших руководителей бакуфу. Он получил благодарность от Мидзуно Тадакунни, и бакуфу согласилось выплатить 500 рё за привезенные им артиллерийские орудия²⁷. Однако проекты, предлагавшиеся Такаси́ма Сюхан, были сочтены слишком радикальными. Бакуфу не было готово принять европейское оружие и европейскую военную тактику. К тому же оно испытывало недостаток финансовых средств, по этому в очередной раз было решено переложить бремя расходов на даймё.

Еще во время демонстрации европейского оружия в Токумаругахара часть административных чиновников бакуфу и некоторые командиры воинских подразделений бакуфу выступили против новшеств, предлагавшихся Такаси́ма. Они ссылались при этом на то, что действительные результаты применения европейского оружия неопределенны, а команды на голландском языке и форма, считая по голландскому образцу, есть прямое нарушение указов о запрещении использования голландских слов. По этому уже в июне 1841 г. подобные нововведения были признаны нежелательными²⁸.

Следующий удар был нанесен по Такаси́ма во второй половине 1842 г., когда Тории Тадатеру подготовил на него донос, в котором обвинил его в подготовке заговора. Донос содержал следующие доводы:

- закупка европейского оружия и проведение демонстрации в Токумаругахара представляют собой не что иное, как подготовку заговора;
- превращение в подобие крепости дома Такаси́ма в Нагасаки и хранение там большого количества оружия и снаряжения являются также подготовкой к заговору;
- закупки запаса риса на средства руководимого административного органа это приготовления к реализации преступных замыслов;
- незаконная торговля с европейцами, которая ведется для получения денег на осуществление заговора;
- постройка быстроходных судов для ведения тайной торговли²⁹.

Уже в октябре 1842 г. Такаси́ма Сюхан был арестован. Поскольку он обвинялся в заговоре, было начато серьезное расследование. Обвинения не подтвердились, но Такаси́ма был уличен в злоупотреблениях, допущенных в работе возглавляемого им учреждения, контролирующего торговлю с иностранными государствами³⁰. (Видимо, некоторые основания для этого все же были. Не будучи высокопоставленным чиновником, Такаси́ма тратил деньги на приобретение книг, пушек, ружей, расходуя суммы, соизмеримые с доходами крупных даймё.)

Все имущество Такасима было конфисковано, а сам он оказался в тюрьме, где провел несколько лет. После пересмотра дела, его перевели под домашний арест, из-под которого был освобожден только в 1853 г.³¹

Так закончились попытки реорганизации сёгунской армии. Внешне-политический курс и военная реформа зависели от борьбы придворных группировок, заботившихся не об интересах страны, а об устранении своих соперников.

Кроме того, большое влияние оказывали финансовые трудности, с оглядкой на которые действовали руководители бакуфу решая важнейшие вопросы укрепления обороноспособности страны.

Указ об обращении с иностранными судами

Снятие ограничений в овладении европейской военной наукой для даймё и разрешение им производить артиллерийские орудия летом и осенью 1842 г. были связаны с изданием в июле 1842 г. нового указа об изменении правил обращения с иностранными судами.

Этот указ вышел всего за день до подписания Нанкинского договора, что само по себе случайно, но показывает степень обеспокоенности руководства бакуфу ходом войны и успехами английских войск. Опасаясь слишком жесткими действиями спровоцировать европейские державы на столкновение с Японией, бакуфу в 1842 г. внесло ряд изменений в указ от 1825 г., который требовал немедленного выдворения из территориальных вод Японии любого судна, не имевшего разрешения на пребывание в них.

Эти изменения не коснулись главного положения — о выдворении иностранных кораблей. Согласно новым положениям разрешалось оказывать помощь судам, которые терпят бедствие у берегов Японии. Указ предусматривал сначала предоставить провизию, воду и необходимые материалы таким судам, а затем заставить покинуть акваторию страны. Строго запрещалось устанавливать личные отношения с командами таких судов, а также допускать промеры глубин у японских берегов.³²

В части предоставления провизии и необходимых материалов новые правила обращения с судами европейских стран стали практически такими же, как в отношении судов Китая и Кореи. Это было сделано, чтобы не спровоцировать войну с какой-нибудь европейской страной. По этому можно говорить о том, что на европейские державы были частично распространены правила, действовавшие в отношении китайских и корейских судов. В то же время были полностью проигнорированы важнейшие причины первой "опиумной" войны, которая велась Англией для прекращения режима

изоляции Китая и открытия портов этой страны для своих торговых судов. Режим изоляции Японии и условия торговли остались в неизменном виде.

Что касается вопросов усиления береговой обороны, то Мидзуно Тадакунэ не пошел по пути глубокой реорганизации, а решил постепенно укрепить прежнюю систему обороны, используя для этого ресурсы как бакуфу, так и даймё.

3 августа 1842 г. было дано распоряжение даймё из Кавагоэ, Оси и Имабари взять на себя оборону дальних подступов к заливу Эдо в провинциях Ава, Кадзуса и Сагами, увеличив их доход на 20-30 тыс. коку. В городах Симода и Ханеда были созданы опорные пункты бакуфу. Тем самым была создана двухступенчатая система обороны залива Эдо, в которой даймё поручалась оборона дальних подступов, а войскам бакуфу — ближних.³³

В соответствии с распоряжением от 9 августа 1842 г. все даймё должны были обеспечить оборону находившихся в их владениях участков побережья, для чего им несколько позже было разрешено создавать мастерские для производства артиллерийских орудий.

Литейное производство столкнулось со значительными трудностями. Одна из них — проблема получения высоких температур при плавке железа. Без соблюдения этого условия орудия получались хрупкими и быстро приходили в негодность. Для налаживания производства из Голландии заказывались книги по литейному делу, но выпуск пушек увеличивался очень медленно. С 1843 по 1867 гг. было изготовлено в общей сложности 346 артиллерийских орудий западного образца, из которых только 80 было отлито из железа, а остальные — из бронзы.³⁴

В 1842 г. бакуфу заказало у голландцев партию вооружения — четыре артиллерийских орудия и несколько сот ружей. Мидзуно Тадакунэ и некоторые другие родзю заказали по 50 ружей, 100 — запросила администрация города Нагасаки. В счет выполнения этого заказа 3 пушки и 255 ружей было доставлено уже в следующем году. Остальное оружие из-за трудностей с доставкой Япония получила только в 1846 г. Оплата была произведена серебром на сумму в 2265 рё.³⁵

В апреле 1843 г. бакуфу обратилось с запросом в голландскую миссию о том, возможно ли построить паровой корабль в Нагасаки, и какова примерная сумма расходов по доставке материалов. Если же это невозможно, бакуфу просило сообщить стоимость постройки и транспортировки судна из Голландии.³⁶ Однако этот проект остался нерезализованным.

Надо сказать, что, чем очевиднее становилась отставка реформаторов, тем сильнее чувствовалось влияние внутриполитической борьбы на решение внешних проблем. Особенно наглядно это проявилось в 1843 г.,

когда были изданы указы о включении в состав сёгунских владений города Ниигата (Ниигата дзэти), о работах по осушению болот Инба (Инба нума кодзи). Все эти действия обосновывались нуждами внешней и внутренней политики и укрепления обороны, но для современников были не более чем желанием руководителей бакуфу свести счеты со своими противниками, вынуждая тех нести почти всю тяжесть расходов.

Город Ниигата, являвшийся в те времена одним из основных портов на побережье Японского моря, находился во владениях Сёнай, даймё которого, как уже говорилось, воспротивился воле сёгуна при попытке обмена в 1840 г. Кавагоэ, Сёнай и Нагаока. По этому в передаче Ниигата во владение сёгуна 17 июня 1843 г. многие усматривали попытку наказать Сёнай, хотя бакуфу аргументировало свое решение необходимостью контроля над торговлей с Китаем и укрепление береговой обороны³⁷.

Даймё Сёнай входил также в число пяти даймё, которым были поручены работы по осушению болот Инба. Для него исполнение этого проекта означало только огромные дополнительные расходы на территориях, расположенных на значительном расстоянии от собственных владений. У этого проекта по ирригации болот Инба было убедительное военно-стратегическое обоснование — создание речного пути для снабжения столицы продовольствием на случай, если иностранные корабли перекроют вход в залив Эдо³⁸. Однако выбор исполнителей наводил на мысль о желании свести счеты под благовидным предлогом. В этом надо искать причину того, что после отставки реформаторов работы, близкие к своему завершению, как никому не нужные, были прекращены и более не возобновлялись.

Итак, реформы затронули и внешнюю политику, и военное дело. Однако, чтобы обеспечить “закрытость” страны, как требовали принципы Токугава, нужны были значительные средства, которых не было. Реформаторам пришлось полностью полагаться на усилия даймё, но их финансы также находились в плачевном состоянии. Думать о том, чтобы установить более тесные отношения со странами Запада, было опасно. И хотя для многих достижения военно-технической мысли европейцев были очевидны, предложения об их использовании для блага страны тонули в ходе борьбы придворных партий. Пока эти партии были за интересы саны в реформах, удалось добиться некоторых нововведений. С устранением реформаторов планы преобразований были свернуты. При дворе сёгуна воцарилась победившая партия, которой уже не нужны были никакие новшества. Власть упрочилась, политические противники — повержены, по этому необходимость в дальнейших реформах отпала.

Примечания

- 1 Кисаки Рихэй. Хёрюмин то Росиа. Токио, 1991. С. 77.
- 2 Икэути Сатоси. Ниттё хёрюмин сокан сэйдо-ни окэру бакухан канкэй // Атарасий кинсэй си. Т. 2. 1996. С. 281-282.
- 3 Сэндай хан-но рэкиси. Токио, 1977. С. 253.
- 4 Фудзита Сатору. Мацудайра Саданобу. Токио, 1993. С. 181.
- 5 Beasley W.G. Great Britain and the opening of Japan. 1834-1858. London. 1951. P. 3.
- 6 Ibid.
- 7 Аихара Рёити. Тэмпо хатинэн бэйсэн Морисонго торай-но кэнкю. Токио, 1954. С. 22.
- 8 Сато Ёсукэ. Ёгаку-но кэнкю. Токио, 1980. С. 146.
- 9 Beasley W.G. Op. cit. P. 5.
- 10 Аоки Митио. Киндай-но ётё. Тайкэй Нихон рэкиси. Токио, 1993. С. 132.
- 11 Нихон-но мэйтё. Т. 29. С. 117.
- 12 Сомура Ясунобу. Пери-ва надзэ Нихон-ни кита ка? Токио, 1987. С. 134.
- 13 Офурэгаки Тэмпо сюсэй. С. 858-859.
- 14 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. С. 236.
- 15 Аихара Рёити. Указ. соч. С. 85.
- 16 Аоки Митио. Киндай-но ётё. Тайкэй Нихон рэкиси. С. 76-77.
- 17 Митохан сирё. С. 102.
- 18 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 5. С. 297.
- 19 Мацуока Хидэо. Тории Ёдзо. Токио, 1991.
- 20 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 186.
- 21 Сибудзава Эйити. Токугава Ёсинобу ко дэн. Т. 1. Токио, 1971. С. 18.
- 22 Арима Сэйхо. Такасиима Сюхан. Токио, 1958. С. 141-142.
- 23 Сато Ёсукэ. Ёгаку-но кэнкю. Токио, 1980.
- 24 Там же. С. 266-267.
- 25 Там же. С. 269.
- 26 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. С. 340, 346.
- 27 Арима Сэйхо. Указ. соч. С. 150.
- 28 Там же. С. 153.
- 29 Там же. С. 155-156.

- 30 Ямаваки Тэйдзиро. Тэмпо кайкаку то Нагасаки кайсё // Нихон рэкиси. 1969. № 1. С. 48.
- 31 Там же. С. 205.
- 32 Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 1-8. Токио, 1992-1997.
- 33 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 214.
- 34 Yoshida Mitsukuni. The Restoration and the History of Technology // Meiji Ishin: Restoration and Revolution. Tokyo, 1985. P. 194.
- 35 Сато Ёсукэ. Указ. соч. С. 357.
- 36 Там же. С. 358-359.
- 37 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 232-233; Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. С. 354.
- 38 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. С. 216.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

40-е гг. XIX в. поставили перед японским правительством целый ряд острых проблем. В их числе недостаток бюджетных средств, рост цен, сокращение сельского населения, концентрация в городах нищих, пауперов, ухудшение криминогенной обстановки и др. Обострение финансово-экономической ситуации под влиянием голода годов Тэмпо обусловило резкий рост недовольства во всех слоях общества и, прежде всего, крестьянства. Положение усугублялось все более разгоравшейся борьбой за власть в правящих кругах сёгуната. Обстановка накалилась до предела, вынудив руководителей бакуфу встать на путь реформирования. Не способное в силу своей общественно-экономической и политической незрелости на радикальные шаги, правительство взяло за образец реформы годов Кёхо и Кансэй.

В годы Тэмпо экономическая ситуация требовала в первую очередь стабилизации финансов. Меры по упорядочению взимания поземельного налога и экономии государственных расходов, решения о займах у торговцев в Осака, о проведении ирригационных работ на болотах Инба, попытка поставить под контроль бакуфу земли вокруг Осака и Эдо — все это было направлено на оздоровление финансов сёгунского правительства.

В реформах просматривается стратегическая линия на сокращение расходов и восстановление доходов, указы о соблюдении экономии и о взимании поземельного налога являлись составляющими этой политики. Причина трудности ее реализации заключалась в форме уплаты налога — натуральным рисом. Крестьянам, конечно же, выгоднее было продавать его на местном рынке, нежели отдавать в качестве налогов, не получая взамен ничего. Фундаментальной же причиной было растущее производство технических культур, требовавшее все большего поступления риса на местные рынки вместо отправки его в столицу и другие крупные города. В результате все меньше риса реально шло на уплату налогов, и доходы от поземельного налога бакуфу оставались на прежнем уровне. Выход из этой ситуации был найден во время Мэйдзи исин, когда была отменена уплата

налогов рисом и введено денежное налогообложение, что позволило значительно увеличить поступления регулярных налогов в казну. Власти же сёгуната даже не могли и думать о таких преобразованиях.

Руководители бакуфу, обратив внимание на то, что в районах, где значительно снижался уровень сбора по земельному налогу и одновременно наблюдалось уменьшение численности населения, пытались противодействовать этой тенденции. Поэтому вместе с указами о сборе земельного налога неоднократно давались распоряжения по усилению контроля за лицами, уходившими в города на заработки. С этой целью вводились новые процедуры регистрации временных жителей, производилась высылка бездомных из городов, создавались специальные учреждения (сочетавшие в себе колонии и рабочие дома) для городских пауперов, выделялись ссуды для желающих вернуться в деревню, а также издавались указы о перепроверке регистрационных книг в деревнях.

Во время реформ годов Тэмпо политика бакуфу была ориентирована в большей степени, чем прежде на принудительные административные меры. Упор был сделан на усиление бюрократического контроля, для чего была предпринята попытка ввести разрешительную систему пребывания в городе, усилился административный контроль за ценами, за поведением горожан. Этот курс на ужесточение административного контроля потерпел полное поражение.

Важнейшей задачей была стабилизация цен. С этой целью проводилось принудительное регулирование цен на рынке, был введен запрет на торговлю дорогостоящими товарами, распущены торговые гильдии и приняты другие меры. Особое значение бакуфу придавало кампании по соблюдению экономии.

Причины не удач политики бакуфу в вопросе контроля цен, лежали в неправильной оценке ситуации. Рост цен был вызван не только голодом годов Тэмпо, в значительно большей степени он был следствием массивных перечеканок монеты, проводившихся с 20-х гг. и многократно увеличивших на личную массу денег в обращении. Поэтому роспуск гильдий, постоянно сдерживавших рост цен, освободил дорогу инфляции, и попытки административного контроля были обречены на неудачу в долгосрочном плане, хотя и могли давать кратковременный эффект. Цены росли не потому, что торговцы не соблюдали распоряжений бакуфу, а под влиянием избыточной денежной массы в обращении, образовавшейся после перечеканки монеты. Таким образом, попытки жесткими мерами заставить горожан экономить, а торговцев — снизить цены на ходились в противоречии с экономическими тенденциями того времени и были обречены на провал.

Складывались неблагоприятные условия для развития товарных отраслей, в частности, для производства хлопка. Не оказали существенного влияния на положение дел в экономике и отдельные позитивные моменты, как, например, роспуск торговых гильдий. Поэтому в целом положительный эффект мер бакуфу в хозяйственной жизни страны был значительно слабее, чем вследствие реформ годов Кёхо, что привело к дальнейшему ухудшению ситуации после реформ годов Тэмпо.

Перед обществом уже в это время стояли важные проблемы, связанные с необходимостью перестройки рынка. Их нельзя было решить только теми поверхностными мерами, которые применяло бакуфу. Поэтому отдельными шагами, такими как роспуск гильдий, изменить ситуацию было невозможно, наоборот, это вызвало хаос в ценах на рынке. И как следствие в 1851 г. были восстанвлены гильдии.

Так же как были обречены на неудачу попытки вернуть крестьян в деревню. Административные меры по контролю численности населения в городах и крестьян, уходивших на заработки, были направлены на достижение двух целей: улучшение криминогенной ситуации в городах и обеспечение рабочей силой сельского хозяйства, что способствовало бы увеличению сбора по земельному налогу. Наряду с мерами по возвращению крестьян в деревню предполагалось поставить бюрократические преграды на пути дальнейшего оттока сельского населения в города, усложнив процедуры регистрации лиц, желающих уйти на заработки.

Не смотря на то, что приток отходников в столицу несколько сократился, бакуфу не смогло воспрепятствовать оттоку населения из деревни и восстанвить численность податных крестьян, а также установить полный контроль над крестьянами-отходниками, идущими в города на заработки. Не удалось улучшить криминогенную ситуацию, хотя наказание высылкой преступников, бродяг и нищих было заменено на содержание их в исправительных учреждениях. Усиление административного контроля не принесло нужных результатов ни в городе, ни в деревне.

Касаясь причин не удач политики реформаторов в этой сфере, следует сравнить их действия с политикой годов Мэйдзи. Между ними были кардинальные отличия, заключавшиеся в том, что политика Мэйдзи была ориентирована не на возврат крестьян в деревню, а на максимальную концентрацию населения в городах. Исходя из этого, можно говорить о том, что руководителями реформ годов Тэмпо были допущены стратегические ошибки.

Вместе с тем результаты реформ нельзя оценивать однозначно. Даже при общей не удаче реформ и явном стремлении подражать образцам прошлого, нельзя не видеть определенных позитивных результатов, каковыми

был, например, роспуск торговых гильдий. Немало новшеств содержала военная реформа Такаси́ма Сюхан.

Если взять кредитную систему, то новшества, сделанные во время реформ, несколько упростили процедуру уплаты в рассрочку и соответственно сокращали время перехода имущества кредитору (хотя прямая продажа по-прежнему не разрешалась). Здесь бакуфу сделало шаг в сторону некоторой либерализации сделок с землей, но, как и в вопросе о роспуске торговых гильдий, остановилось на полпути и не стало продвигаться в этом направлении, так как его основная цель была совсем в другом. Она состояла в том, чтобы частичной ликвидацией рассрочки упростить для ростовщиков приобретение имущества должников-простолудинов и тем самым ускорить оборот ростовщических капиталов и увеличить объемы допустимых кредитных ресурсов, чтобы в последующем добиться снижения ростовщического процента при предоставлении кредитов (в первую очередь для самураев).

Осуществленные меры бакуфу, как показала позднее Мэйдзи исин, были недостаточными. Бакуфу ужесточало меры только в отношении должников-простолудинов, не затрагивая интересы должников-самураев, в то время как на них приходилась основная часть долгов. Бакуфу не смогло кардинальным образом изменить ситуацию в сфере кредита, поскольку не могло потребовать от самураев исправной выплаты долгов. Такая политика неизбежно вела к тому, что в дальнейшем трудности бакуфу только возрастали.

Большинство преобразований проводилось строго в соответствии с фундаментальными принципами, установленными первыми сёгунами. На них ориентировались ведущие придворные группировки. Преобразования никогда не выходили за эти рамки. В этом была ограниченность реформ, этим объяснялась невозможность провести глубокие преобразования.

К тому же реформы проводились в интересах сёгуна и самурайства, что ставило решение экономических проблем в зависимость от хода борьбы группировок в бакуфу. Обнародование высочайшей воли сёгуна явилось результатом придворной борьбы и неповиновения даймё. Это действие полностью отвечало стремлению сёгуна утвердить свои права на верховную власть в стране. Политическая борьба в бакуфу завершилась до того момента, как реформы дали какие-то позитивные результаты для экономики, соответственно они были свернуты на полпути, и дальнейшее развитие ситуации пошло по неблагоприятному для бакуфу сценарию.

Ход реформ определяла логика придворной борьбы, а не задачи преобразования общества и создания действительно новой системы управления. Борьба придворных группировок сдерживала и препятствовала углублению реформ и переводу их в плоскость структурных преобразований. Это

стало еще одной причиной, по которой реформы постигла неудача. Практически ни одна из целей реформ не была достигнута, в лучшем случае результаты были очень ограниченными и кратковременными.

Действия реформаторов обострили отношения даймё с бакуфу, которые и без того были сложными еще до объявления сёгунской воли, о чем свидетельствовала отмена трехстороннего обмена Сёнай, Кавагоэ и Нагаока и трудности со сбором средств на восстановление западной части сёгунского замка в 1838 г. Новые проблемы возникли в процессе реализации решений о роспуске торговых гильдий, а указы о передаче под управление бакуфу земель вокруг Осака и Эдо и проект ирригации болот Инба 1843 г., которые не посредственно затрагивали интересы даймё, привели к тому, что в 1843 г. реформаторы были вынуждены уйти в отставку, а реформы остановлены.

Бакуфу собственными руками еще туже затягивало узел противоречий в отношениях как с самураями, так и с другими сословиями. И даже пресловутая борьба за соблюдение экономии и улучшение нравственности не принесла популярности реформаторам, а наоборот вызвала еще большее недовольство их действиями.

По сути дела реформы годов Тэмпо ничего не изменили в сёгунате, хотя, например, такие меры как роспуск торговых гильдий, проект перелома самураев на денежное содержание, изменения правил кредитов под залог земли имели определенный потенциал для развития и углубления преобразований, но он не был использован и развит.

В чем причина неудачи реформ? По всем направлениям, где бакуфу случайно выходило на правильный путь решения проблем, действия реформаторов носили поверхностный характер, тогда как необходима была последовательная целенаправленная политика для решения глубоких структурных проблем. Одним из таких кардинальных шагов мог стать отказ от централизации рынка и перераспределения всех товаров через Осака и создание на его месте более широкого рынка с разветвленной сетью товарных потоков, что было сделано после Мэйдзи, но бакуфу не было готово к таким действиям. Так же как не было готово к преобразованию налоговой системы и введению дежного на логообложения.

За недовольством бюджетных средств, ростом цен, сокращением сельского населения, концентрацией в городах нищих, пауперов, ухудшением криминальной обстановки стояли серьезные экономические проблемы, без решения которых было невозможно кардинально изменить ситуацию. Они остались без решения, что предопределило неудачу реформ в целом.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что во время реформ годов Тэмпо основные направления политики бакуфу были связаны с по-

полнее шлем казны и контролем за ценами. Наиболее значимыми мерами по увеличению доходов, были указы о поземельном налоге и передаче под контроль бакуфу земель в районе Осака и Эдо. В целом все эти меры были малоэффективны и встретили резкое противодействие в обществе. Против увеличения сбора поземельного налога выступили крестьяне, а против передачи в руки бакуфу земель вокруг Осака и Эдо — самураи. Фактически бакуфу зашло в тулик, выйти из которого теми полумерами, которые оно предпринимало, было невозможно. Нужны были кардинальные изменения в политике, но они не были сделаны.

Думается, что в первой половине XIX в. Япония уже нуждалась в более глубоких преобразованиях, чем те, которые были предприняты руководителями бакуфу. Как выяснилось позднее — в эпоху Мэйдзи исин, для коренного перелома сложившейся ситуации была необходима ликвидация владений даймё, централизация управления страной и перестройка рынка в масштабах всей Японии с отменой не только ограничений, налагаемых гильдиями, но и самих гильдий, а также изменение роли Осака в экономике страны. И, наверное, не вина реформаторов в том, что они не смогли провести глубокие преобразования, а беда, что сама организация сёгуната не допускала проведения сколько-нибудь существенных перемен.

Список использованных источников и литературы

Источники

- Бакумацу офурэгаки сюсэй. Т. 1-8. Токио, 1992-1997.
Дай Нихон кинсэй сирё. Т. 18. Токио, 1963.
Митохон сирё. Токио, 1970.
Нихон дзайсэй кэйдзай сирё. Т. 3. Токио, 1924.
Офурэгаки Кампо сюсэй. Токио, 1958.
Офурэгаки Тэмпо сюсэй. Токио, 1958.
Канагавакэн си. Т. 5. Токио, 1975.

Литература на японском языке

- Абэ Макото, Сакаи Хадзимэ. Хокэн-но доё. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1963.
Аихара Рёити. Тэмпо хатинэн бэйсэн Морисонго торай-но кэнкю. Токио, 1954.
Аmano Ясунори. Кинсэй Нихон то хигаси Адзива. Токио, 1988.
Андо Сэйити. Эдо дзидай-но номин. Токио, 1959.
Аоки Кодзи. Хякусё икки сого нэнпё. Токио, 1971.
Аоки Митио. Тэмпо содо ки. Токио, 1979.
Аоки Митио. Киндай-но ётё. Тайкэй Нихон-но рэкиси. Токио, 1993.
Аоки Митио. Эдо то Осака. Тайкэй Нихон-но рэкиси. Т. 10. Токио, 1993.
Арима Сэйхо. Такасима Сюхан. Токио, 1958.
Даймё соран. Токио, 1983.
Домон Фуюдзи. Тояма Киндзиро. Токио, 1982.
Ёсида Нобуюки. Кинсэй кёдай тоси-но сякай кодзо. Токио, 1991.
Иидзава Тадасу, Конта Ёдзо, Хаясу Ёсикадзу. Эдо порно-но торисимари, NHK Рэкиси-э-но сётэй. Т. 17. Токио, 1990.
Икэути Сатоси. Ниттё хёрюмин сокан сэйдо-ни окэру бакухан канкэй // Атарасий кинсэй. Т. 2. Токио, 1996.
Иноуэ Кацуо. Бакумацу исин сэйдзи си-но кэнкю. Токио, 1994.
Исии Рёсукэ. Кинсэй миндзи сосёхо си. Токио, 1984.
Кавасаки Фусагоро. Эдо. Токио, 1987.
Канбаси Норимаса. Дзусё Хиросато. Токио, 1987.
Кисаки Рихэй. Хёрюмин то Росиа. Токио, 1991.

Китабара Сусуму. Эдо-но фудасаси. Токио, 1985.
 Китадзима Масамото. Токугава Иэясу. Токио, 1963.
 Китадзима Масамото. Бакухан тайсэй-но кумон. Нихон-но рэкиси. Т. 18. Токио, 1966.
 Китадзима Масамото. Мидзуно Тадакуни. Токио, 1969.
 Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн. Токио, 1974.
 Кобата Адуси. Нихон киндзан-си-но кэнкю. Токио, 1968.
 Мацуока Хидэо. Торин Ёдзо. Токио, 1991.
 Миками Рюдзо. Эдо бакуфу, тосан-э-но мити. Токио, 1991.
 Миками Рюдзо. Эдо-но кахэй моногатари. Токио, 1996.
 Минами Кадзуо. Бакумацу Эдо сякай-но кэнкю. Токио, 1978.
 Мита Мураэнгё. Эдо сэйкацу-но ура то омотэ // Мита Мураэнгё собр. соч. Т. 6. Токио, 1975.
 Мито си си. Т. 3. Токио, 1976.
 Миякэ Цугунобу. Бакумацу исин ки Тёсюхан-но сэйдзи кодзо. Токио, 1993.
 Миямото Матадзи. Нихон гирудо-но кайхо, Токио, 1957.
 Мураками Тадаси. Эдо бакуфу-но дайкан гундзо. Токио, 1997.
 Мураката содо то ёнаоиси. Т. 2. Токио, 1973.
 Накамура С. Хокэнтэки тоти сёю кайтай ки-но тиикитэки токусипу // Дзимбун гаку хо. 1964. № 20.
 Нисикава Сюсаку. Нихон кэйдзай-но сэйтё си. Токио, 1985.
 Нихон кэйдзайси. Т. 2. Токио, 1989.
 Нихон-но мэйтё. Т. 26, 29. Токио, 1970-1973.
 Нихон си дзитэн. Токио, 1966.
 Нихон сисо тайкэй. Т. 38. Токио, 1976.
 Оиси Синдзабуро. Тэмпо ки-но сэйкаку. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1976.
 Ока Мицуо. Носон хэнбо то дзайга сёнин. Нихон рэкиси. Т. 12. Токио, 1976.
 Окамото Рёити. Тэмпо кайкаку. Нихон рэкиси. Т. 13. Токио, 1964.
 Ооку-но сэйкацу. Токио, 1984.
 Осака си си. Т. 4. Ч. 2. Осака, 1912.
 Ояма Сикитаро. Бакумацу дзайсэй си кэнкю. Токио, 1974.
 Сайто Ёсиоки. Уцумибунэ то бакухансэй сидзё-но кайтай. Токио, 1994.
 Сакудо Ётаро. Кинсэй хокэн сякай-но кахэй кинью кодзо. Токио, 1971.
 Самесима Симета. Симадзу Нариакира-но дзэнъё. Токио, 1989.
 Сато Ёсукэ. Ёгаку-но кэнкю. Токио, 1980.
 Сибусава Эйити. Токугава Ёсинобу ко дэн. Т. 1. Токио, 1971.
 Симадзу Нариакира-но субэтэ. Токио, 1989.
 Симбо Хироси. Кинсэй-но букка то кэйдзай хаттэн. Токио, 1978.
 Сомура Ясунобу. Пери-ва надзэ Нихон-ни кита ка? Токио, 1987.

Судзуки Кодзо. Эдо-но кэйдзай сисугэму. Токио, 1995.
 Сэкияма Наотаро. Кинсэй Нихон-но дзинко кодзо. Токио, 1965.
 Такэути Макото. Бакуфу кэйдзай-но тэнбо то кинью сэйсаку-но тэнкай // Нихон кэйдзай си тайкэй. Т. 4. Токио, 1965.
 Такэути Макото. Эдо то Осака. Тайкэй Нихон-но рэкиси. Т. 10. Токио, 1993.
 Токио-но хякунэн си. Т. 1. Токио, 1973.
 Токугава дзюгодай си. Токио, 1968.
 Тотиги кэн си. Т. 5. Токио, 1974.
 Тояма Сигэки. Киндай си гайсэцу. Нихон рэкиси. Т. 14. Токио, 1963.
 Урабэ Норико. Эдодзё ооку-но оннатати. Токио, 1988.
 Фудзино Тамоцу. Нихон хокэнсэй то бакухан тайсэй. Токио, 1980.
 Фудзита Сатору. Бакухансэй кокка-но сэйдзи си кэнкю. Токио, 1987.
 Фудзита Сатору. Тэмпо-но кайкаку. Токио, 1989.
 Фудзита Сатору. Тояма Киндзиро-но дзидай. Токио, 1992.
 Фудзита Сатору. Мацудайра Саданобу. Токио, 1993.
 Фудзита Сатору. Мидзуно Тадакуни. Токио, 1994.
 Фудзита Сатору. 19 сэйки дзэмпан-но Нихон. Нихон рэкиси. Т. 15. Токио, 1995.
 Хаями Акира. Кинсэй носон-но дзинкогакутэки кэнкю. Токио, 1973.
 Хокэн сякай-но мурато мати. Токио, 1961.
 Цуда Хидэо. Тэмпо кайкаку-но кэйдзайситэки иги // Нихон кэйдзайси гайкэй. Токио, 1965.
 Цуда Хидэо. Тэмпо-но кайкаку. Нихон-но рэкиси. Т. 22. Токио, 1975.
 Цудзи Тацуя. Токугава Ёсимунэ. Токио, 1958.
 Эдо дзидай-но кикин. Токио, 1982.
 Юрагу хокэнсэй. Ёмиури симбунся Нихон-но рэкиси. Т. 9. Токио, 1959.
 Яги Акихиро. Кинсэй-но сёхин рюцу. Токио, 1978.
 Ямаваки Тэйдзиро. Тэмпо кайкаку то Нагасаки кайсё // Нихон рэкиси. 1969. № 1.
 Ямадзаки Рюдзо. Кинсэй букка си кэнкю. Токио, 1983.
 Ясуока Сигэаки. Нихон хокэн сэйкацу сирон. Токио, 1963.

Литература на английском языке

Baba Masao, Masahiro Tanemoto. Foreign trade and economic growth of Japan. Tokyo, 1968.
 Beasley W.G. Great Britain and the opening of Japan, 1834-1858. London, 1951.
 Frost P. Bakumatsu currency crisis. Harvard, 1970.

Hauser W.B. Economic growth and institution change in Tokugawa Japan. Cambridge, 1974.
 Kozo Yamamura. Samurai income and enterprisership in the closing years of the Tokugawa era. Cambridge, 1978.
 Smith Th. C. Agrarian origins of early modern Japan. Stanford, 1959.
 Yazaki Takeo. Social change and the city in Japan. Tokyo, 1968.
 Yoshida Mitsukuni. The Restoration and the History of Technology // Meiji Ishin: Restoration and Revolution. Tokyo, 1985.

Введение	5
Глава I. Япония в первой половине XIX в.	11
Раздел 1. Финансово-экономическая ситуация. Бюджетные проблемы бакуфу	11
Положение в сельском хозяйстве и сбор поземельного налога	19
Перечеканка монеты и ее влияние на экономику	27
Проблемы торговли и товарного обращения	37
Раздел 2. Политические факторы и реформы. Принципы правления Токугава, определявшие политику бакуфу	47
Реформы годов Кёхо — образец для реформаторов	53
Механизм передачи власти в сёгунате и борьба придворных группировок	59
Послание Токугава Нариаки с предложениями о реформах	68
Соблюдение экономии в жизни сёгуната Токугава	72
Глава II. Реформы годов Тэмпо	81
Раздел 1. Обстановка в стране накануне реформ	81
Голод 30-х гг. XIX в. и обострение экономических проблем	82
Пожар в Нисимару и обострение финансовых трудностей	88

Неудача самборёттикаэ 1840-1841 гг. и ослабление контроля над даймё	89
Завещание сёгуна Иэнари и обострение борьбы группировок внутри бакуфу	92
Раздел 2. Основные направления реформ. Меры по восстановлению сбора поземельного налога	96
Указы о возвращении крестьян в деревню. Контроль за численностью населения	102
Политика в области кредита	110
Роспуск торговых гильдий и административное регулирование цен	114
Проблемы японского рынка	122
Политика соблюдения экономии в повседневной жизни	126
Борьба за соблюдение экономии и вопросы культуры и нравственности	133
Заключительный этап реформ и отставка реформаторов	139
Глава III. Внешнеполитические проблемы и реформы. Внешнеполитическая обстановка в первой половине XIX в.	153
Реформы обороноспособности страны	160
Указ об обращении с иностранными судами	164
Заключение	169
Список использованных источников и литературы	175

Научное издание.

С.А.ТОЛСТОГУЗОВ

**СЁГУНАТ ТОКУГАВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И РЕФОРМЫ ГОДОВ ТЭМПО**

Подписано в печать 3.09.99. Формат 60 x 84/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 11,3 п.л. уч.-изд. л.
Московская типография № 12,
Москва, ул. Мясницкая, 40.